
Министерство образования и науки
Российской Федерации

ВЫПУСК 2-3

ФГАОУ ВО
«Севастопольский государственный университет»

2016

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

*Под общей редакцией
Е. Б. Алтабаевой и Е. Н. Максимовой*

Севастополь
СевГУ
2016

УДК [1+93/94+32](06)
ББК 60+87я437
П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Редакционная коллегия:

П. И. Артюх, д-р полит. наук, профессор; **Ю. А. Бабинов**, д-р филос. наук, профессор; **Е. Е. Бойцова**, канд. ист. наук, доцент; **А. А. Ирхин**, д-р полит. наук, доцент; **А. В. Казначеев**, д-р ист. наук, профессор; **М. Н. Козлов** (редактор отдела исторических наук), д-р ист. наук, профессор; **М. С. Колесов**, д-р филос. наук, профессор; **А. В. Миронов** (редактор отдела философских наук), д-р филос. наук, доцент; **Д. Г. Сидорук**, д-р ист. наук, профессор; **Е. В. Скребец** (редактор отдела политических наук), д-р полит. наук, доцент; **А. А. Чемшит**, д-р полит. наук, профессор

Ответственный секретарь:

В. Р. Шадрин

Приглашенный редактор выпуска – Е. Б. Алтабаева

Совмещённый второй и третий выпуск сборника научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» рекомендован к печати Ученым советом ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» 23 марта 2016 года (Протокол № 23)

Полные тексты Сборника размещены в Научной Электронной Библиотеке – **eLIBRARY.RU (РИНЦ)**:
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

П18 **Парадигмы истории и общественного развития** [Текст] : сб. науч. тр. / под общ. ред. Е. Б. Алтабаевой и Е. Н. Максимовой ; Севастоп. гос. ун-т ; [сост. и оформ. В. Р. Шадрин]. — Севастополь : СевГУ, 2016. — Вып. 2-3. — 130 с. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия. Текущий выпуск содержит работы, представленные на конференции «Г. А. Потемкин – крупнейший политический деятель второй половины XVIII века, устроитель Новороссии, основатель города Севастополя».

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой

УДК [1+93/94+32](06)
ББК 60+87я437

СОДЕРЖАНИЕ

Алтабаева Е., Максимова Е.

К Читателю.....5

Петров Ю. А.

Г. А. Потёмкин и освоение Новороссии и Тавриды6

Источники и историография

Тункина И. В.

Археологические памятники Гераклейского полуострова Крыма в русских картографических документах XVIII–XIX веков.....11

Чернявский С. В.

Крым в царствование Екатерины II в документах Российского государственного исторического архива17

Бойцова Е. Е., Гарас Л. Н.

Деятельность Г. А. Потёмкина в исследованиях членов Одесского Общества Истории и Древностей и Таврической Ученой Архивной Комиссии.....22

Коваленко В. В.

Князь Г. А. Потёмкин в российской историографии первой половины XIX века.....30

История. Историософия

Хапаев В. В., Бичаков С. А.

Вклад Г.А. Потемкина в экономическое развитие Новороссии36

Варнашова Е. Ф.

Память героического: Светлейший князь Г. Потемкин.....41

Жиртуева Н. С.

Личность и деятельность Князя Г. А. Потемкина-Таврического в оценке современников и историков46

Шендрикова С. П.

Роль Г. А. Потемкина в исторической судьбе Тавриды53

Матросов М. А.

Деятельность Г. А. Потёмкина по хозяйственному освоению Новороссии.....57

Козлов М. Н.

Святослав на Дунае (к вопросу о древнерусской колонизации нижнего Подунавья в середине X века)62

Геополитика

Козубенко И. И.

Российско-украинские отношения в начале 90-х гг. 20 в.: проблемно-исторический анализ.....66

Арутюнян Л. В.

Крымский вопрос во внешнеполитической деятельности Потемкина71

Вакулова Т. В.

Светлейший князь Г. А. Потемкин-Таврический как яркий представитель политической элиты Екатерининской эпохи: цивилизационное измерение76

Константинова А. П.

Механизмы западной изоляции Российского государства: исторический аспект82

Краеведение

Макарухина Н. М. Имение Потёмкиных в Артеке и его судьба	89
Дмитриев В. В. Роль Г. А. Потемкина в формировании органов управления в Крыму в конце XVIII века	97
Ивицкая О. Е. Светлейший Князь Г. А. Потемкин-Таврический и Черноморский флот	101
Осиповский С. Н. Г. А. Потемкин и его вклад в основание и развитие Севастополя.....	106
Полянская Е. С. Г. А. Потемкин – миграции и транспортное сообщение в Крыму.....	111

Сообщения

Яновский А. Д., Маршупа Г. С., Колганова Е. В. Генерал-фельдмаршал Потёмкин-Таврический: документы и материалы о жизни и деятельности в собрании Государственного Исторического музея	115
Шадрин В. Р. «Севастопольское пристанище» Князя Г. А. Потёмкина	118

К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый Читатель!

18–19 февраля 2016 года в Севастополе впервые была проведена представительная научная конференция, посвященная одному из основателей города русской славы, крупнейшему государственному деятелю 18 века – Григорию Александровичу Потемкину.

Так сложилось, что вклад в российскую и мировую историю этого поистине легендарного человека весьма противоречиво оценивался современниками и потомками, а сведения о многих его деяниях попросту фальсифицировались. В совсем недавнем нашем украинском прошлом об устроителе Новороссии, основателе Херсона, Севастополя, Екатеринослава, Николаева было предпочтительно не упоминать вовсе. Но история все расставляет по своим местам. Сбываются пророческие слова Гавриила Державина: «Напишется Потемкин труд!»

Особенный интерес сегодня вызывает деятельность Григория Александровича Потемкина по решению крымского вопроса, утверждению России на берегах Черного моря.

Известно, что любимым детищем Светлейшего князя были Севастополь и Черноморский флот. Об этом его «подвиге необычайной деятельности» современник писал: «Казалось непостижимым, каким образом за две тысячи верст от столицы, в недавно приобретенном крае удалось воздвигнуть такие здания, соорудить город, создать флот, утвердить порт и поселить жителей».

И вместе с тем в городе русской славы, где бережно хранят свою историю и традиции, где в памятниках и топонимах запечатлены все основатели и устроители Севастополя, нет ни одного памятного места, посвященного Г. А. Потемкину. Полагаем, что эта историческая несправедливость будет устранена в скором времени. Депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ выступили с инициативой установления памятника Г. А. Потемкину в Севастополе. Светлейший князь Г. А. Потемкин-Таврический и деятельность его стали достопримечательностью и украшением блестящей Екатерининской эпохи, способствовавшей укреплению и расширению Русского мира, русского духа.

Научная общественность города признательна Российскому историческому обществу, его Президиуму, Председателю общества Сергею Евгеньевичу Нарышкину за предложение провести в Севастополе научную конференцию, посвященную личности выдающегося политика, талантливого военачальника, блестящего администратора Г. А. Потемкина. Предполагается, что этот форум станет доброй традицией для города и Севастопольского государственного университета.

По итогам конференции было принято решение об издании специального выпуска сборника научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития». Именно этот сборник научных трудов Вы, уважаемый Читатель, и держите сейчас в своих руках. В сборник вошли статьи как известных и признанных специалистов, так и исследователей, посещающих ниву научного творчества относительно редко, есть здесь и статьи начинающих авторов, молодых ученых. Публикуемые материалы затрагивают деятельность самого Г. А. Потемкина, освещены отдельные вопросы освоения Новороссии, развития Севастополя и Черноморского флота, представлена геополитическая аналитика, привлекается внимание к важным историческим документам.

Материалы сборника могут быть интересны не только специалистам, но и всем изучающим историю и интересующимся обществоведческой проблематикой.

Екатерина Алтабаева,
*Председатель Совета отделения Российского
исторического общества в Севастополе*
Елена Максимова,
*Главный редактор сборника научных трудов
«Парадигмы истории и общественного развития»*

Г. А. ПОТЁМКИН И ОСВОЕНИЕ НОВОРОССИИ И ТАВРИДЫ

Включение в состав Российской империи нового региона, получившего название Новороссии, а также Крыма, освоение этих областей тесно связано с личностью светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического – сподвижника Екатерины Великой и одного из самых талантливых государственных деятелей второй половины XVIII в.

Деятельность Г. А. Потёмкина на Юге России – важнейшая часть внутренней и внешней политики Екатерины Великой – складывалась из двух основных составляющих:

I. Включение Северного Причерноморья в состав России.

II. Освоение присоединённых земель.

Получение выхода к Чёрному морю и присоединение Северного Причерноморья – одна из первостепенных задач внешней политики России XVIII столетия, решавшаяся военными и дипломатическими методами. Она диктовалась и геополитическими соображениями (любое государство стремится к своим естественным географическим границам), и соображениями безопасности. Неосвоенные земли на южных рубежах России, являясь ареной борьбы претендующих на них держав, слабо развивались сами (из-за постоянного разорения военными действиями и оттока населения) и тормозили развитие Российской империи, к которой они тяготели географически, поскольку служили для неё источником различных опасностей: Крымское ханство с XVI в. совершало систематические набеги на русские земли, неоднократно из Причерноморья приходили в Россию эпидемии чумы. Кроме того, отсутствие выхода к Чёрному морю препятствовали развитию связей России со странами Европы и Азии, в том числе Ближнего Востока и Среди-земноморья, с которыми Россия с давних пор имела экономические и культурные контакты, потенциал которых был исключительно глубоким. «Границы России есть Чёрное море – полагал Г. А. Потёмкин. – Граница теперешняя обещает покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской».

Деятельность Григория Александровича, связанную с присоединением причерноморских земель к России, можно разделить на три этапа:

1. В русско-турецкой войне 1768–1774 гг. (подтвердившей сделанные ранее завоевания, способствовавшей присоединению новых земель и создавшей условия для присоединения Крымского ханства) Г. А. Потёмкин (ещё не ставший фаворитом императрицы и одним из первостепенных политиков) принимал участие в качестве одного из генералов русской армии – причём отправился на войну добровольцем.

2. Включение Крымского ханства в состав Российской империи в 1783 г. произошло под руководством светлейшего князя (направлявшего и координировавшего усилия целого ряда российских политиков, дипломатов и военных). В это время он уже фактически являлся вторым лицом в государстве (после императрицы) и оказывал определяющее влияние на внутреннюю и внешнюю политику России. Благодаря деятельности Г. А. Потёмкина удалось присоединить Крым мирным путём – а затем отсрочить новую войну с Османской империей на несколько лет.

3. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Григорий Александрович сначала командовал одной из двух русских армий – Екатеринославской; второй, Украинской, руководил П. А. Румянцев. После их объединения в 1789 г. в единую Южную армию Г. А. Потёмкин возглавил её, став главнокомандующим русскими вооружёнными силами на Юге (ему также подчинялся Черноморский флот). Победы русского оружия в этой войне были во многом заслугой «светлейшего» (прежде всего это касается взятия Очакова – мощной турецкой крепости в устье Днепра). В результате победоносной войны Россия закрепила за собой присоединённые ранее территории и обеспечила их внешнюю безопасность, а также включила в свой состав земли между Южным Бугом и Днестром. Отметим, что князь скончался во время мирных переговоров с Османской империей...

Решение внешнеполитической задачи (выход России к Чёрному морю) порождало новые цели, теперь уже внутривнутриполитические. Предстояло **освоить вновь присоединённые земли, получившие название Новороссии** – в середине XVIII столетия заселённые слабо и хозяйственно неразвитые. Что же касается бывшего **Крымского ханства**, то следовало обеспечить его **интеграцию в состав Российской империи, а также лояльность его населения новой власти**. Эти задачи успешно были решены в достаточно сложных условиях и в короткие сроки благодаря деятельности Г. А. Потёмкина, сосредоточившего в своих руках широчайшие полномочия по управлению Новороссией, сплотившего вокруг себя многих выдающихся современников (от администраторов до дипломатов) и пользовавшегося безграничным личным доверием императрицы.

Мероприятия, направленные на освоение территории Новороссии, были вписаны в систему внутренней политики Екатерины Великой и связаны с преобразованиями и событиями, проходившими в масштабах всего государства:

в 1783 г. в Северном Причерноморье была проведена губернская реформа;

в 1784–1787 гг. освоение края переплеталось с подготовкой к его посещению Екатериной II во время знаменитого путешествия императрицы в Крым (1787 г.), а сам «путь на пользу» стал важной вехой в истории Новороссии и дополнительным стимулом для её развития.

Рассмотрим основные направления и мероприятия, связанные с освоением Северного Причерноморья в период, когда этими территориями управлял Г. А. Потёмкин. Особо следует отметить, что обустройство территорий, включённых в состав России в результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и присоединения Крымского ханства (1783 г.), осуществлялось в ожидании новой войны с Османской империей (1787–1791 гг.). Лишь победа в ней окончательно обеспечила безопасность Северного Причерноморья от агрессии со стороны Порты.

Первостепенной задачей при интеграции в состав государства новых территорий является **организация управления ими**:

Включение Новороссии (и вновь присоединённых, и прежних порубежных земель, таких, как Славяносербия, территория Войска Запорожского Низового и др.) **в систему административно-территориального деления Российской империи** предполагало решение трёх вопросов (к чему Г. А. Потёмкин прилагал значительные усилия): создание основных административно-территориальных единиц (губерний, наместничеств), их членение (сначала на провинции и уезды, затем – на уезды) и определение административного центра (который мог считаться временным или постоянным, переноситься либо переименовываться).

В 1764–1783 гг., до осуществления в этом регионе реформы местного управления, на территории Новороссии существовали две губернии, Новороссийская и Азовская, управление которыми отличалось от общероссийского: губерниями руководили военные губернаторы, действовали одновременно военная и гражданская власти, что связано с пограничным положением территорий и опасностью военной агрессии со стороны Крымского ханства и Османской империи. С 1775 г. обе губернии находились под управлением генерал-губернатора Г. А. Потёмкина, деятельность которого в этот период можно рассматривать как направленную на организацию базы для дальнейшего продвижения России в Северном Причерноморье.

Начиная с 1783 г., происходит включение Новороссии в систему административно-территориального деления Российской империи на основании общероссийского административного устройства на основании Учреждения о губерниях 1775 г. В 1783 г. в результате слияния Новороссийской и Азовской губерний было образовано Екатеринославское наместничество. Во главе его встал Г. А. Потёмкин. Ему же подчинялась Таврическая область – это значительная часть вновь присоединённого к России Крымского ханства (полуостров Крым и прилегающая к нему материковая часть Северного Причерноморья). В рамках проведения губернской реформы в середине 1780-х гг. под руководством Г. А. Потёмкина в Екатеринославском наместничестве и Таврической области **сформировались органы местного управления и чиновничье-бюрократический аппарат**. В обеих административно-территориальных единицах созданы в 1783–1787 гг. органы власти, предусмотренные «Учреждениями для управления губерний» (1775 г.), с соответствующим штатом чиновников: наместническое (или областное) правление, палаты уголовного и гражданского суда, казённую палату, совестный суд, верхний земский суд, верховную расправу, магистрат, учреждения приказа общественного призрения и др. Что касается состава чиновничье-бюрократического аппарата, то порубежное положение Новороссии, размещение здесь армии и флота, а также военная угроза со стороны Порты накладывали определённый отпечаток: должности чиновников замещались в основном военными. Своеобразный крымский «колорит» можно отметить при рассмотрении состава чиновни-

ков Таврической Области – среди них было достаточно много татар.

Включение в состав России территории Крымского ханства потребовало от правительства (и от Г. А. Потёмкина – как от генерал-губернатора) проведения продуманной **национальной политики**, которая обеспечила бы лояльность местного татарского населения к новой власти, а также **интеграцию его представителей во вновь создающуюся систему управления Таврической областью, в дворянское самоуправление и в вооружённые силы** (рекрутский набор на крымских татар не распространялся, но добровольно поступить на военную службу они могли). Согласно манифесту о присоединении Крыма к России местному населению гарантировались свободное вероисповедание и сохранение всех имущественных прав, а в 1784 г. татарские мурзы получили равные с русским дворянством права, включая право на владение землёй и крепостными (но не из христиан).

Очагами утверждения на недавно присоединённых территориях (особенно – малолюдных и слабо развитых в хозяйственном отношении) являются **основанные на новых землях города** – с деятельностью Григория Александровича связано возникновение, успешное развитие и последующее процветание (уже в XIX–XXI вв.) множества городов в Северном Причерноморье. Их возведение обычно осуществлялось не на пустом месте, а вблизи развалин городов прошлого или близ существующих деревень – в местах, удобных для осуществления тех целей, ради которых закладывался город. Каждый из городов выполнял, как правило, несколько функций (хотя одна из них первоначально могла быть основной): административного центра (Екатеринослав, Симферополь), крепости (Херсон), гавани для военно-морского флота (Херсон, Севастополь) и центра кораблестроения (Херсон, Николаев), центра торговли (Херсон), культурного и духовного центра (Екатеринослав). Особый интерес представляют названия вновь основанных городов – они соотносятся с названиями античных колоний на берегах Чёрного моря (тем самым подчёркивается традиционная для русской культуры преемственность России от Византии).

Важнейшим направлением деятельности Г. А. Потёмкина являлось **заселение Северного Причерноморья**. Екатеринославское наместничество, несмотря на свою обширность и значительный потенциал развития, в момент включения в состав Российской империи было достаточно малолюдным (поскольку ещё недавно являлось ареной борьбы между Россией и Османской империей, а кроме того, до второй половины XVIII столетия подвергалось систематическим набегам крымских татар). Что же касается Крымского ханства, то при включении его в состав Российской империи наблюдался значительный отток в Турцию татарского населения, не пожелавшего жить в христианской стране. Заселение края обеспечивалось комплексом мер:

1. В Новороссию привлекались **переселенцы из других губерний Российской империи** (они составили основную массу жителей новых земель): тут можно отметить и русских военных, и организовано переселяющихся свободных людей, и бегущих сюда крепостных (которых князь категорически отказывался выдавать бывшим хозяевам).

2. В Северное Причерноморье переселялись **представители разных национальностей из других государств**, причём это были не столько организованные переселенцы (как, например, немцы в Поволжье), сколько беженцы, в основном – из Османской империи (греки, молдаване, валахи, болгары и др.), а также из Речи Посполитой (православные и евреи).

3. Существовала необходимость **борьбы с эпидемиями чумы**, которая часто заносилась в Северное Причерноморье с территории Османской империи, грозя опустошить заселяемые земли.

Меры, предпринятые местной администрацией во главе с Г. А. Потёмкиным (и правительством в целом) по заселению края следует признать чрезвычайно эффективными. По данным ревизий численность населения Новороссии (исключая Крым) к началу 1720-х гг. составляла всего 2 тыс. чел., в 1762–1795 гг. здесь обосновалось 317,4 тыс. переселенцев. Численность населения Крымского ханства на момент присоединения его к России (1783 г.) современники оценивали в 50–53 тыс. чел.; к 1800 г. в Крыму обосновалось около 35 тыс. переселенцев-немусульман.

Светлейший князь предпринял целый комплекс мер, направленных на **хозяйственное освоение края**:

1. Развитие **земледелия** – климат Северного Причерноморья и наличие обширных плодородных земель благоприятствовали выращиванию пшеницы (экспорт которой будет осуществляться в Западную Европу в XIX в.), садоводству, виноградарству и виноделию. «Светлейший» предпринимал меры для применения передовых аграрных технологий его эпохи (в частности – английского земледельческого опыта). Кроме того, Г. А. Потёмкин пытался утвердить в Крыму шелководство (к сожалению, неудачно) и стремился улучшить породу овец (основного вида скота на полуострове) – шерсть была необходима для производства сукна на нужды армии.

2. Развитие **промышленности** – Григорий Александрович способствовал открытию в Новороссии фабрик и мануфактур (прежде всего тех, которые обслуживали бы нужды армии и флота), организации добычи угля и руд на территории Донецкого бассейна, развитию соляного промысла.

3. Развитие **торговли**: внутренней (между отдельными частями Новороссии, а также между Новороссией и другими регионами империи – в 1783 г. на территории Новороссии и Тавриды отменены внутренние пошлины), и внешней (преимущественно через Чёрное море).

4. Развитие **путей сообщения** – на территории Новороссии прокладывались удобные дороги (особенно это было важно накануне путешествия Екатерины II в Крым в 1787 г.), развивалось судоходство по рекам и Чёрному морю.

5. Особое внимание князь уделял **лесоводству** (чрезвычайно важно в степном регионе): не позволял вырубать существующие леса, приказывал сажать новые. Дома и корабли строились в основном из привозного леса.

Наконец, не следует забывать, что до 1790-х гг. сохранялась опасность разорения Новороссии в результате новой войны с Османской империей, а при неблагоприятном её исходе – потери этих территорий. Правительство России и администрация Г. А. Потёмкина прилагали много усилий и вкладывали немало средств в **военное освоение края**:

1. **Наращивание вооружённых сил**: численность Екатеринославской армии к началу русско-турецкой войны 1787–1791 гг. – около 80 тыс. чел.

2. **Реформирование армии** (началось в 1783 г.): увеличение доли конницы, особенно иррегулярной (пехоту в степи князь считал не очень эффективной), создание национальных полков (с целью уничтожения национальной розни внутри полка, снятия языкового барьера и сплочения солдат), введение удобной формы, новшества в обучении войск, смягчение телесных наказаний и пресечение издевательств офицеров над солдатами и т. д.

3. **Возведение крепостей** для обороны в случае военной агрессии Османской империи (до 1783 года – и Крымского ханства) и закрепления России на вновь приобретённых землях – крепостные укрепления имели многие из основанных Г. А. Потёмкиным городов (Херсон, Севастополь и др.).

4. **Основание Черноморского флота и обустройство баз для него** (Херсон, Севастополь, Николаев): строились корабли, формировались и обучались их экипажи, подбирались офицеры (всё это обеспечило морские победы во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. В Херсоне «светлейший» открыл морской кадетский корпус и два училища – штурманское и корабельной архитектуры).

При освоении Северного Причерноморья Г. А. Потёмкин играл ключевую роль, но ни один, даже самый талантливый, начальник не может успешно действовать в одиночку. «Светлейший» обладал тем же качеством, что и Екатерина II – он **умел подбирать людей, с которыми ему предстояло работать**. В течение первых нескольких лет нахождения Григория Александровича на посту генерал-губернатора вокруг него появилась **плеяда состоящих под его началом сотрудников**, которые добросовестно выполняли его распоряжения, поддерживали его в сложных ситуациях, не боялись возникающих на необжитых территориях трудностей, были готовы проявить расторопность и инициативу. Как правило, эти люди не только занимали высокие должности в окружении «светлейшего», но и были с ним в хороших личных отношениях. Многие из них, как и сам Г. А. Потёмкин – выходцы из военной среды: правитель Екатеринославского наместничества И. М. Синельников, правитель Таврической области В. В. Каховский, начальник канцелярии князя В. С. Попов. Князь способствовал продвижению по службе многих талантливых современников, причем, не только создавая условия для карьерного роста своих способных и деятельных помощников, но и защищая их от недоброжелателей – например, Ф. Ф. Ушакова и А. В. Суворова. Александру Васильевичу, вопреки распространенным мифам о ревности князя к успехам великого полководца, Г. А. Потёмкин покровительствовал, защищая от насмешников и недоброжелателей человека, отличавшегося, наряду с незаурядными способностями, крайне сложным характером и странностями поведения.

Впрочем, обвинение в зависти к А. В. Суворову – далеко не единственное из предъявленных князю его придворными и иностранными недоброжелателями, недовольными усилением России в Причерноморье. Самым известным **мифом**, связанным с именем Г. А. Потёмкина, является свидетельство о **«потёмкинских деревнях»**: будто бы во время путешествия Екатерины Великой в Крым (1787 г.) «светлейший» вместо отсутствовавших достижений в освоении края показывал императрице изображающие деревни декорации... Для современных российских историков очевидна несправедливость подобных обвинений, «запущенных» саксонским посланником в дипломатиче-

ской свите Екатерины II во время ее путешествия по вновь присоединенным областям Юга России. Миф этот носил откровенно русофобский характер и был призван поставить под сомнение не только результаты деятельности Г. А. Потёмкина, но и эффективность всей русской политики в этом регионе. Непредвзятым же спутникам Екатерины Великой были очевидны успехи Потемкина – процветающие города, многочисленное население, успешная хозяйственная жизнь, мощная армия, Черноморский флот...

Подводя итоги деятельности Г. А. Потёмкина в Новороссии и Тавриде, следует отметить, что его фигура была ключевой как при включении Северного Причерноморья и Крыма в состав Российской империи, так и при освоении вновь присоединённых земель. Григорий Александрович достиг максимально возможных в тех условиях результатов и заложил фундамент дальнейшего успешного развития края.

Ю. А. Петров, профессор, д-р ист. наук

Директор Института российской истории РАН (г. Москва)

E-mail: dir_iri_ran@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.03.2016

Petrov, Yu. A. G. A. Potemkin: Pioneering Novorossiia and Tauride

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.1; 930.25; 902.2

По архивным документам реконструирована история топографической фиксации археологических памятников Гераклейского полуострова Крыма в конце XVIII–XIX вв. По приказам князя Г. А. Потемкина было проведено естественнонаучное и историко-археологическое описание Тавриды. Под наблюдением естествоиспытателя К. И. Габлица была составлена топографическая съемка Гераклейского полуострова с нанесением на нее видимой на дневной поверхности сети древних дорог и развалин построек (1786). Это первая в мировой науке тематическая археолого-топографическая карта, на которой отображены остатки античной межевой системы (кадастра) на аграрной территории Херсонеса Таврического. На плане 1786 г. пространственные объекты природы и старины картографически зафиксированы как единое целое. Со времен Г. А. Потемкина и создания плана 1786 г. прошло уже 230 лет, однако археологической карты Гераклейского полуострова Крыма на крупномасштабной современной топооснове не имеется до сих пор.

Ключевые слова: Потемкин, Габлиц, археологические памятники Гераклейского полуострова Крыма, рукописные картографические документы.

И. В. Тункина, д-р ист. наук

Директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (Санкт-Петербург)

Санкт-Петербургский научный центр РАН

E-mail: tunkina@bk.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГЕРАКЛЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА КРЫМА В РУССКИХ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ XVIII–XIX ВЕКОВ*

Специалистам-археологам давно известно, что аграрная структура Херсонесского территориального полиса на Гераклейском полуострове Крыма остается единственным примером наиболее полно сохранившегося и всесторонне изученного античного культурного ландшафта в средиземно-морско-причерноморском регионе [2; 3; 10; 11; 12; 13; 14; 19; 24; 30]. Но мало кто знает, что изучение археологии Крыма и начало фиксации остатков древнего культурного ландшафта Тавриды началось с приказов светлейшего князя Григория Александровича Потемкина (1739–1791) [20, с. 96-97; 21, с. 39, 40, 444, 316-318, 484-488, 499-501; 11].

Еще до присоединения Крыма к России, с начала 1770-х гг. русские военные топографы исследовали и картографировали окрестности татарской деревушки из 9 мазанок Ахтиар (от *тат.* Ак-Яр, Белый утес), а с 1783 г. гидрографы тщательно описывали берега и проводили промеры гаваней Ахтиара и Балаклавы. На ряде планов и карт того времени помечен «бывший город Херсон» или «Чурчи» (руины Херсонеса Таврического) как контур оборонительных сооружений, а остатки других археологических памятников на Гераклейском полуострове на них не обозначены, за исключением тех карт и планов, где древние стены помечены как «скотские загоны» [21, рис. 120-125].

В целях комплексного научного изучения новых земель князь Г. А. Потемкин распорядился снять в Крыму все «достойные примечания виды и старинные здания с нужною в округе их сетуациею, тож и в фасаде» (1777), чтобы «наилучшим образом» показать древние развалины. В конце 1782 г. он поручил полковнику Херсонского пикинерного полка И. М. Синельникову и надворному советнику Павлу Неверовскому изучить Новороссийские земли, сделать их описание и планы «всех важнейших мест». Известно, что в 1783 г. для проверки показаний русских летописей о крещении кн. Владимира и снятия плана руин византийского Херсона Г. А. Потемкин командировал в Ахтиар подполковника Бальдани, который обнаружил на городище остатки древнего водопровода [15, с. 71; 34, р. 304, п. 1].

В год переименования Ахтиара в Севастополь в 1784 г. князь Г. А. Потемкин приказал сделать описания всех крымских городов и крепостей, в том числе руин Херсонеса, Инкермана, Мангупа, Чуфут-Кале и др. Уже в феврале–марте 1784 г. командующий сухопутными войсками, расположенными в Крыму и южных губерниях, и флотами в Черном и Каспийском морях генерал-поручик

* Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00010.

барон И. А. Игельстром распорядился направить офицеров Генерального штаба для описания дорог, мостов, колодцев, фонтанов, деревень и городов, расположенных в Крыму. Офицерам вменялось в обязанность учитывать все «достойные внимания здания» (в том числе руины), составить планы и чертежи, а также сделать описания с «историческими примечаниями здешних стариков и ученых» о древностях. Полковнику А. М. Селиверстову и дивизион-квартирмейстеру капитану Лютову было поручено исследовать и описать Старый Херсонес (Маячный полуостров), Инкерман, греческий монастырь Св. Георгия, Балаклаву и пр. с составлением «планов и фасадов», а также встреченные по пути дороги, мосты, фонтаны и др. До нас дошли рапорты и письма 1784 г. обер-квартирмейстера подполковника Патрекеева генерал-поручику барону И. А. Игельstromу о ходе описания крымских «дорог с окололежащих по ним мостов, колодцев, фонтанов» и об описаниях «назначений или мест Крымского полуострова с приобщением исторических примечаний здешних стариков и ученых», каждое из которых иллюстрировалось «планами и фасадами». В том же 1784 г. Г. А. Потемкин поручил провести работы по обмежеванию и составлению карт Таврической области военным топографам Генерального штаба обер-квартирмейстерам Афанасию Федорову, фон Тизенгаузену, капитану Андрею Шостаку, поручикам Семену Тюреминкову, Христофору Саковичу, Ивану Казарину, работы которых проводились до июля 1786 г. [21, с. 316, 487-488]. Тогда же были составлены первые карты с попытками локализации античных городов, известных по письменным источникам, выполнены планы развалин Херсонеса, Инкермана, Балаклавы и пр., зафиксировавшие систему обороны, фундаменты христианских храмов, видимых на поверхности земли и пр. [21, с. 39]. Приказы светлейшего князя о сборе артефактов (памятников эпиграфики, нумизматики и археологии), о необходимости описания и картографической фиксации остатков древней материальной культуры Крыма можно рассматривать как первый опыт административным порядком собрать сведения о прошлом Тавриды [21, с. 316].

В 1783 году Г. А. Потемкин поручил чиновнику своего ведомства, уроженцу Кенигсберга, бывшему переводчику Императорской Санкт-Петербургской академии наук, надворному советнику Карлу Ивановичу Габлицу (1752–1821) составить описание Крыма «по всем трем царствам природы» и выделил средства для проведения топосъемок. В октябре 1785 г. К. И. Габлиц как член-корреспондент предложил Петербургской АН свое содействие в естественнонаучном и археологическом обследовании Крыма. 29 мая 1787 г. в Карасубазаре К. И. Габлиц поднес императрице Екатерине II первую часть физического описания Тавриды [5], и рукописный труд с анализом географических известий античных и средневековых авторов «о стране сей», который был издан анонимно только в 1803 г. [4] (в конце предисловия стоит криптоним К. Г.). Императрица повелела К. И. Габлицу составить историческое описание полуострова, но «книга сия и все при ней приложенные карты остались неизданными, а сочинитель в списках только сообщал их многим своим приятелям», – сообщал митрополит Евгений (Болховитинов) [7, с. 46].

Видимо, специально для этого неизданного труда в ноябре 1786 г. по распоряжению и скорее всего под личным наблюдением К. И. Габлица была выполнена широко известная топографическая съемка Гераклеяского полуострова с нанесением на нее видимой на дневной поверхности сети древних дорог («улиц») и развалин построек, под названием «План развалинам древнего Херсона. С показанием бывших прямых улиц земляною и кварталов красною краскою означенных. Сочинен 1786 года». Этот документ эпохи Г. А. Потемкина является важнейшим картографическим источником для изучения земледелия античного Херсонеса Таврического. Получив в 1808 г. план развалин Гераклеяского полуострова, приложенный к рукописи К. И. Габлица, митр. Евгений (Болховитинов) опубликовал его уменьшенную гравированную копию в «Отечественных записках» П. П. Свиньина [7] и переиздал в трудах Общества истории и древностей российских при Московском университете [8] вместе с комментариями К. И. Габлица к плану, но без упоминания непосредственного исполнителя съемки. Изучив копию плана из архива Одесского общества истории и древностей, в 1893 г. исследователь Крыма отставной генерал А. Л. Бертье-Делагард счёл, что автором топосъемки был Стрелов или Строков, пометив, что его «имя написано неразборчиво» [1, с. 5-6, примеч. 3]. До 1941 г. этот план хранился в Одесском археологическом музее, а в годы Великой Отечественной войны был утрачен [23]. Именно план Строкова А. Л. Бертье-Делагард считал оригиналом для уменьшенной копии, опубликованной Е. Болховитиновым. Копия плана Одесского общества истории, снятая на кальку в 1930-х гг., хранится в архиве заповедника «Херсонес Таврический» и была опубликована С. Ф. Стржелецким [19, с. 169, рис. 1].

В. Д. Блаватский опубликовал уменьшенную копию гравюры с плана 1786 г. по изданию митрополита Евгения [2, с. 38], благодаря чему в мировую археологическую литературу он вошел

под названием плана Струкова (Струкова). Однако как мне удалось выяснить, Ананий Герасимович Струков был назначен таврическим областным землемером лишь 5 февраля 1788 г., спустя два года после составления интересующего нас плана, а 19 сентября 1788 г. был переведен на должность провиантмейстера Перекопской провиантской комиссии [21, с. 487], поэтому автором топосъемки Гераклейского полуострова 1786 г. он быть не мог.

В ходе долгих архивных поисков мне удалось обнаружить и издать подлинный план 1786 г., заверенный подписью К. И. Габлица [21, с. 485-487, рис. 126], хранящийся в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве. Размер по рамке 60х91 см. В нижнем правом углу за рамкой подпись: «Чертил топограф 2 класса Пепелев». В левом нижнем углу, в рамке: «Масштаб к плану в английском дюйме 250 сажень» (1: 21 000). На том же плане внутри рамки с правой стороны две врезки: посередине «Карта Таврической губернии, состоящей из семи уездов. С означением места развалинам древнего Херсона красною краскою. Между городом Севастополем и монастырем Свят. Георгия» (масштаб в английском дюйме 100 верст, т. е. 1:4 200 000); ниже «Ведомость о разстоянии показанного на сем плане урочища близ лежащего города Севастополю, от каждого города Таврической губернии». Рельеф показан розовой и зеленой отмывкой, расшифровка буквенных обозначений отсутствует. Помимо Севастополя, на плане обозначены дорога из Балаклавы в Севастополь, таможня, остатки оборонительных стен Херсонеса, на перешейке у Маячного полуострова «Хутор 2-го ранга капитана Алексианова», ниже «дорога в Балаклаву», монастырь Св. Георгия. Именно этот экземпляр, скорее всего, и был поднесен императрице, так как в правой верхней части плана четко читается подпись – автограф К. И. Габлица. Ученый-натуралист ошибочно считал, что вся территория Гераклейского полуострова была занята древним Херсонесом. Следы размежевания – линейные каменные кладки – он принял за остатки «прямых и прямо расположенных улиц».

Мне удалось найти два плана, известных как планы землемера Анания Струкова, из архива Одесского общества истории и древностей, с которыми работал А. Л. Бертье-Делагард. До недавнего времени они считались утраченными в годы Великой Отечественной войны. В ходе оккупации Одессы румынскими войсками эти планы, наряду с другими документами Одесского общества истории и древностей, были вывезены в Бухарест. В послевоенные годы часть архива Одесского общества истории и древностей была возвращена не в Одессу, а в Киев, и ныне хранится в фондах Института рукописи и Сектора картографии Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского НАНУ. План 1786 г. представлен в двух вариантах – чистовой [17] размером 63х93 см, масштаб 250 саж. в дюйме, т. е. 1:21 000, и черновой [18] размером 64х68 см, М 1:21 000; 250 саж. в дюйме, причем последний ошибочно описан как план Анания Струлова, а не Струкова. Чистовой план полностью повторяет оригинал с подписью Габлица-Пепелева, хранящийся в Российском государственном военно-историческом архиве, а черновой план включает только съемку Гераклейского полуострова Крыма, без вставок – карты Таврической губ. и ведомости расстояний. Еще одна копия в том же масштабе (250 саж. в английском дюйме, 1:21 000) хранится в Российском государственном архиве древних актов в Москве – «План развалин древнего Херсонеса с показанием прежних улиц. Копия с плана землемера подпоручика Анания Струкова» [16].

План 1786 г., включающий территорию более 100 кв. км, выполнен с высокой точностью (М. 1:21000) и является первой в мировой науке тематической археолого-топографической картой, отображающей остатки античной межевой системы (*кадастра*) на аграрной территории Херсонеса Таврического. С помощью профессионального топографа ученый-натуралист К. И. Габлиц сумел детально графически зафиксировать остатки уникального по сохранности древнего культурного ландшафта на Гераклейском полуострове Крыма – руины оборонительных сооружений городища и систему землепользования (земельные наделы, усадьбы, колодцы, улицы, некрополи и пр.) на хоре Херсонеса Таврического, тогда еще не затронутые раскопками. Применявшийся К. И. Габлицем комплексно-географический (экосистемный) подход привел к результатам, не утратившим своего научного значения до сих пор. План 1786 г. – прекрасный образец научной документации «блестящего века Екатерины». В ней видна не только рука очень квалифицированного топографа, но и отражение комплексного, экосистемного подхода инициатора съемки К. И. Габлица – *пространственные объекты природы и старины в 1786 г. картографически зафиксированы как единое целое.*

В 1920-х гг. назначенный еще Императорской Археологической комиссией заведующим раскопками Херсонеса Л. А. Моисеев открыл и зафиксировал классическую стандартную земельную площадь на херсонесской хоре. Автор съемки 1786 г., по проверке Моисеева, правильно указал размеры «кварталов» между улицами, т. е. земельные наделы и ограничивающие их дороги, что

полностью совпало с промеренными им размерами клеров на ГераклеЙском полуострове. Точность плана 1786 г. была проверена им топографической съемкой на площади около 200 га между Стрелецкой бухтой и Маячным полуостровом [2, с. 36-37, рис. 13; 19, с. 7, примеч. 2; 22, с. 31]. План 1786 г. послужил ученым незаменимым источником для восстановления общего количества клеров, размежеванных по прямоугольной сетке на ГераклеЙском полуострове. С 1950-х–1960-х гг. план 1786 г. постоянно используется современными исследователями по всему миру как основной и классический источник для изучения пространственной организации античного полиса и его хоры.

Достаточно информативны большой черновой «Чертеж древнего Херсонеса Таврического» размером 59х81 см [21, рис. 127] и чистовой красочный вариант той же глазомерной съемки под названием «План древней развалившейся с городовым строением крепости Таврического Херсонеса, с показанием облегающей вокруг ситуации на 1 версту. Сочинен в Ахтиаре 1811 года ноября 1 дня» размером по рамке 54х75 см, подписанный инженер-полковником Хапоновым, в то время начальником Ахтиарской инженерной команды, ниже указан и автор съемки – «чертил инженер-поручик Симухин» [21, рис. 128]. Масштаб – в дюйме английском 50 саженей (1: 4200). Важность чертежа и созданного на его основе плана заключается в том, что только на них показаны впоследствии уничтоженные и ныне застроенные остатки античного культурного ландшафта в ближайших окрестностях Херсонесского городища, т. е. на территории, которая не была охвачена съемкой 1786 г., а сейчас полностью уничтожена антропогенным воздействием. К сожалению, эти документы остались неизвестны археологам и не учтены Г. М. Николаенко при реконструкции античного кадастра за стенами городища Херсонеса [13; 14].

Три неопубликованных плана 1825 г. обнаружены мною в фонде Канцелярии Новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова. 10 апреля 1825 г. граф М. С. Воронцов поручил «свиты Его Имп. Величества по Квартирмейстерской части» подполковнику графу Луиджи Серростори (1793–1857) отправиться в Севастополь и «удостовериться, можно ли там устроить водопровод для снабжения казарм водою, в каковом направлении и во что сие устройство могло бы обойтись», а также снять планы археологических памятников ГераклеЙского полуострова. 18 июля 1825 г. Л. Серростори рапортом доложил об исполнении приказа. В архивном деле сохранились: «Топографический план окрестностей древнего Херсониса. Масштаб в английском дюйме 50 саж. Глазомерно снимал квартирмейстерской части подполковник граф Серростори. 1825 год» (ГераклеЙский полуостров; М. 1:42000), «План развалин г. Херсона. Масштаб в английском дюйме 50 саж. Остаток наружной стены. Масштаб в 1 дюйме 3 саж. Инструментально снимал квартирмейстерской части подполковник граф Серростори» (городище Херсонеса Таврического; М. 1:4200), «План развалин г. Херсона на мысе, называемом Caput. Parthenium 1825 года. Масштаб в английском дюйме 500 саж. Инструментально снимал квартирмейстерской части подполковник граф Серростори. 1825» (Маячный полуостров; М. 1:42000) [6, л. 26, 29, 30]. Эти планы дают представление о степени сохранности археологических памятников ГераклеЙского полуострова, Херсонеса и Старого Херсонеса до начала первых раскопок плантера Черноморского флота Карла Крузе на городище Херсонеса в 1827 г. и на других памятниках ГераклеЙского полуострова.

Через сто лет после составления карты Габлица–Пепелева 1786 г., в 1886 г. Генеральным штабом проводилась новейшая мензульная военно-топографическая съемка Севастополя и его окрестностей в крупном масштабе 250 саж. в 1 англ. дюйме (1:21 000). Знаток археологических памятников Крыма А. Л. Бертъе-Делагард попросил топографа Тяпина, которому была поручена съемка двух планшето в западной части ГераклеЙского полуострова, нанести на топооснову все видимые на поверхности следы древних стен, валов и других руин. В результате была создана уникальная археолого-топографическая карта части античного кадастра (межевой системы) Херсонеса. Она была сделана не археологом-профессионалом, а топографом, поэтому, на взгляд А. Л. Бертъе-Делагарда, требовала проверки, детализации и исправления специалистом. Карта 1886 г. была издана Генштабом и сначала продавалась свободно, но вскоре получила гриф «секретно» [22, с. 30]. Один из экземпляров печатного «Плана Севастополя и его окрестностей» (1886) с рукописными карандашными дополнениями от руки [21, рис. 136, 137] хранится в РГВИА. Он состоит из нескольких не равных по величине листов (ряды I и II), размеры по рамке соответственно 111х132 см и 88х111 см, рельеф в горизонталях. Под левым листом (ряд II) со съемкой ГераклеЙского полуострова и городища Херсонеса подпись «снимал и чертил с 1 октября по 1 ноября 1886 г. класный топограф титулярный советник Тяпин. Горизонтали проведены через 2 сажени [4.26 м.] по высоте». Именно на левой стороне карты присутствует фиксация остатков древнего землеустройства, в том числе на Маячном полуострове; напротив, на остальной части ГераклеЙского полуострова остатки

древности отмечены неравномерно, что говорит об их интенсивном разрушении на протяжении сотни лет. При последующих изданиях съемки 1886 г. она была уменьшена в два раза до М 1:42 000, а археологическая нагрузка была с карты удалена [22, с. 30].

Следует подчеркнуть, что изучение древнего культурного ландшафта в России на 160 лет опередило аналогичные открытия в других регионах античной ойкумены. Второй, подобный херсонесскому греческий кадастр, но гораздо худшей сохранности, был открыт и картографирован в современной Италии в окрестностях древнего города Метапонта с помощью аэрофотографии Г. Шмидтом и Р. Шевалье [32; 33]. Благодаря трудам Д. Адаместеану [25; 26; 27] и его последователей [12; 28; 29] изучение аграрного ландшафта Метапонта стало классическим для западной периферии античного мира. Эти работы велись под воздействием исследований К. И. Габлица на хоре Херсонеса Таврического по приказу Г. А. Потемкина, начатых еще в конце XVIII в., но ставших широко известными лишь с 1950-х гг. [31, р. 38].

Со времен Г. А. Потемкина и создания плана Габлица-Пепелева 1786 г. прошло уже 230 лет, однако археологической карты Гераклейского полуострова Крыма на крупномасштабной современной топооснове не существует до сих пор.

Список источников и литературы

1. Бертъе-Делагард, А. Л. Раскопки Херсонеса : Исслед. А. Л. Бертъе-Делагард / А. Л. Бертъе-Делагард. — СПб. : Тип. Имп. Археол. комис., 1893. — 64 с. — (Материалы по археологии России, изд. Археол. комис. Древности Южной России; № 12).
2. Блаватский, В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья / В. Д. Блаватский. — М. : Изд-во АН СССР, 1953. — 208 с.
3. Буйских, А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху / А. В. Буйских. — Симферополь, 2008. — 424 с. — (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum 5).
4. [Габлиц, К. И.] Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии : Собранные из разных древних и средних времен писателей, : С тремя картами / Карл Иванович Габлиц. — СПб. : Тип. Гос. Мед. коллегии, 1803. — 52 с.
5. [Габлиц, К. И.] Физическое описание Таврической области : По ея местоположению, и по всем трем царствам природы / Карл Иванович Габлиц. — СПб. : Тип. Вейтбрехта, 1785. — 198 с.
6. ГАОО (Гос. арх. Одес. обл.). Ф. 1. Оп. 190. Д. 68. Л. 26, 29, 30.
7. Е. [Болховитинов, Е. А.] О следах древнего греческого города Херсона, доныне видимых в Крыму / Е. А. Болховитинов // Отечественные записки. — 1822. — Ч. 9. Кн. 22. — С. 145–163.
8. Е. [Болховитинов, Е. А.] О следах древнего греческого города Херсона, доныне видимых в Крыму / Е. А. Болховитинов // Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском университете. — 1828. — Ч. 4. Кн. 1. — С. 102–115.
9. Зедзенидзе, А. А. Вопросы освоения хоры Херсонеса Таврического и проблема «древнейшего Херсонеса» Страбона / А. А. Зедзенидзе // Вестник древней истории. — 2015. — № 2. — С. 40–45.
10. Зедзенидзе, А. А. Картографирование как способ изучения античного культурного ландшафта: хора Херсонеса Таврического / А. А. Зедзенидзе // Культура информационного общества и проблемы модернизации России : сб. науч. ст. — М. : Моск. гуманит. ун-т, 2011. — С. 290–299.
11. Зедзенидзе, А. А. О начале исследования Херсонеса Таврического / А. А. Зедзенидзе // Вестник древней истории. — 2014. — № 2. — С. 151–162.
12. Картер, Д. К. Хора Метапонта в Лукании и Херсонеса в Таврике / Д. К. Картер // Античные полисы и местное население в Причерноморье : мат-лы Междунар. науч. конф. «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура» / Под общ. ред. М. И. Золотарева. — Севастополь, 1995. — С. 167–175.
13. Николаенко, Г. М. Хора Херсонеса Таврического : Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. В 2 ч. Ч. 1. / Г. М. Николаенко. — Севастополь : Нац. заповед. «Херсонес Таврический», 1999. — 83 с.
14. Николаенко, Г. М. Хора Херсонеса Таврического : Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. В 2 ч. Ч. 2. / Г. М. Николаенко. — Севастополь : Нац. заповед. «Херсонес Таврический», 2001. — 164 с.
15. Ромм, Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. с рукоп., вступ. ст. ["Путешествие Жильбера Ромма в Крым. в 1786 г.", с. 3–13] и примеч. К. И. Раткевич. — Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1941. — 80 с.
16. РГАДА (Рос. гос. арх. древ. актов). Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5547. Л. 1.
17. Сектор картографии Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины. № 10982.

18. Сектор картографии Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины. № 17482.
19. *Стржелецкий, С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического : К истории древнего земледелия в Крыму = Херсонесский Сборник. VI / С. Ф. Стржелецкий ; под ред. А. С. Башкирова. — Симферополь: Крымиздат, 1961. — 248 с.
20. *Тункина, И. В.* К истории изучения Херсонеса-Корсуна в конце XVIII – середине XIX вв.: Охрана руин Херсонеса и проекты возведения памятника на месте крещения князя Владимира / И. В. Тункина // Москва-Крым : Историко-публицистический альманах. — М : Фонд «Москва-Крым», 2001. — Вып. 3. — С. 96–120.
21. *Тункина, И. В.* Русская наука о классических древностях юга России : (XVIII –середина XIX вв.) / И. В. Тункина. — СПб. : Изд-во «Наука», 2002. — 676 с.
22. *Щеглов, А. Н.* Из истории изучения античного культурного ландшафта в Крыму : (конец XVIII – первая половина XX вв.) / А. Н. Щеглов, И. В. Тункина // Традиции российской археологии: Материалы методологического семинара Института истории материальной культуры РАН / Отв. ред. В. М. Массон. — СПб., 1996. — С. 27–32. — (Археологические изыскания. Вып. 33).
23. *Щеглов, А. Н.* Первые археологические карты Гераклейского полуострова : (к истории археологической топографии) / А. Н. Щеглов // Проблемы истории отечественной археологии : тез. докл. конф. (11–13 декабря 1990 г.). — СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1993. — С. 51–53.
24. *Щеглов, А. Н.* Полис и хора / А. Н. Щеглов. — Симферополь : Таврия, 1976. — 176 с.
25. *Adamesteanu, D.* Metaponto : Appunti fotointerpretativi / D. Adamesteanu // Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Notizie degli scavi di antichità. — 1965. — Vol. 19. — P. 179–184.
26. *Adamesteanu, D.* Problèmes de la zone archéologique de Métaponte / D. Adamesteanu // Revue Archéologique. — 1967. — № 1. — P. 3–38.
27. *Adamesteanu, D.* Le suddivisioni di terra nel Metapontino / D. Adamesteanu // Problèmes de la terre en Grèce ancienne / éd. M. I. Finley. — Paris, 1973. — P. 49–61.
28. *Carter, J. C.* Discovering the Greek Countryside at Metaponto / J. C. Carter. — Ann Arbor, 2006. — 331 p.
29. *Carter, J. C.* La Chora di Metaponto. Risultati degli ultimi 25 anni di ricerca archeological / J. C. Carter // Atti Taranto. — 2001. — Vol. 40. — P. 771–779.
30. *Carter, J. C.* The Chora of Chersonesos in Crimea, Ukraine / J. C. Carter, M. Crawford, P. Lehman, G. Nikolaenko, J. Trelogan // American Journal of Archaeology. — 2000. — Vol. 104. — № 4. — P. 707–741.
31. *Pollini, A.* Bibliographical note on the study of the territory in Magna Graecia / A. Pollini // Workshop di archeologia classica : Paesaggi, costruzioni, reperti. — Pisa ; Roma, — 2006. — № 3. — P. 37–56.
32. *Schmiedt, G.* Caulonia e Metaponto : Applicazioni della fotografia aerea in ricerche di topografia antica nella Magna Grecia / G. Schmiedt, R. Chevallier. — Firenze, 1959. — 63 p.
33. *Schmiedt, G., Chevallier R.* 1960 : Photographie aérienne et urbanisme antique en Grande-Grèce : Caulonia, Métaponte / G. Schmiedt, R. Chevallier // Revue archéologique. — 1960. — № 1. — P. 1–31.
34. *Siestrenczewicz de Bohusz, S.* Histoire du Royaume de la Chersonèse Taurique : Histoire de la Tauride. In 2 vol. Vol. 1. / S. Siestrenczewicz de Bohusz. — Brunswick, 1800. — 398 p.

Статья поступила в редакцию 12.03.2016

Tunkina, I. V. *Archaeological Monuments of the Herakleian Peninsula of the Crimea in Russian Cartographic Documents of the Eighteenth and Nineteenth Centuries*

The article reconstructs the history of the topographic fixation of archaeological monuments of the Herakleian Peninsula of the Crimea on the basis of the archival documents of the end of the 18th – 19th centuries. The Prince G. A. Potemkin ordered to make natural scientific, historical and archaeological description of Taurida. In 1786 the topographic fixation of Herakleian Peninsula, including the net of ancient roads and ruins, was made under supervision of the naturalist K. I. Gablitz (Hablitz). This map was the first in example of the thematic archaeological and topographic fixation of ancient cadaster of the agricultural territory of Tauric Chersonesos. The objects of nature and archaeological remains are fixed as unique monuments on the plan of 1786. There is still no any modern fullscale map of Herakleian Peninsula of the Crimea in spite of G. A. Potemkin's plan was made 230 years ago.

Keywords: Potemkin, Gablitz (Hablitz), archaeological monuments of the Herakleian Peninsula of the Crimea, cartographic manuscripts.

Краткий обзор деятельности Г. А. Потёмкина по присоединению во второй половине XVIII века к Российской империи Крыма и Причерноморья и управлению новообретёнными землями. На основе документальных источников, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА).

Ключевые слова: Потёмкин, Екатерина II, Крым, Кубань, Причерноморье, Таврическая Область, Российский государственный исторический архив (РГИА), Российская империя, документы.

С. В. Чернявский, доцент, канд. ист. наук

Директор Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург)

E-mail: svch51@mail.ru

КРЫМ В ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

В XVIII веке стало очевидным, что решение крымского вопроса становится для России приоритетным. В царствование императрицы Екатерины II сложилась такая внешнеполитическая ситуация, при которой стало возможным не только провозглашение независимости Крымского ханства от Османской империи, но и присоединение его к России. И в этом – колоссальная заслуга сподвижника и, по сути, соправителя государыни Екатерины II Григория Александровича Потёмкина.

Немного в отечественной истории найдётся людей, чьи деяния могут сравниться с заслугами этого замечательного государственного и военного деятеля. Их невозможно переоценить, особенно если вспомнить о его деятельности, в части касающейся присоединения к нашей державе Причерноморских и Крымских земель.

В декабре 1782 года Г. А. Потёмкин обратился к государыне Екатерине II с меморандумом, в котором были и воистину пророческие слова: «...Поверьте, что Вы сим приобретением (имеется в виду Крым – С. Ч.) бессмертную славу получите и такую, какой ни один государь в России ещё не имел. Сия слава проложит дорогу ещё к другой и большей славе: с Крымом достанется и господство в Чёрном море...» [1, с. 66]. Воистину пророческие слова – ни убавить, ни прибавить...

Документальные свидетельства деятельности этого великого человека отложились во многих отечественных архивах. Это и ГАРФ, и РГАДА, РГВИА, РГА ВМФ и некоторые другие архивные учреждения. Не стал исключением из этого перечня и Российский государственный исторический архив, в котором посчастливилось трудиться автору настоящей статьи. В фондах РГИА хранится большое количество документов екатерининской эпохи, свидетельствующих о неустанных трудах Потёмкина на благо нашего Отечества.

Помимо большого числа документов о деятельности Г. А. Потёмкина в Крыму и Северном Причерноморье, хранящихся в архивных фондах, в научно-справочной библиотеке РГИА, содержащей около полумиллиона единиц хранения, находится немало документальных источников, посвящённых этой же теме. Среди них:

– Все 148 томов «Сборников императорского русского исторического общества», в номерах 6, 13, 27 и 42 которых опубликована переписка Екатерины II с Г. А. Потёмкиным.

– Четырёхтомный сборник документов, подготовленный Н. Ф. Дубровиным и изданный в 1885–1889 гг. «Присоединение Крыма к России», куда вошли документальные источники по истории вопроса, хранящиеся в различных архивах и собраниях:

– Пятитомное издание «Кутузов М. И. Документы», трёхтомник «Румянцев П. А. Документы», 4 тома «Суворов А. В. Документы» с документальными свидетельствами событий екатерининской эпохи;

– 25 томов «Русского биографического словаря», подготовленного и изданного РИИО, содержащие исчерпывающие и достоверные данные о жизни и деятельности участников тех событий;

– И, конечно же, многотомное Полное собрание законов Российской империи, включая 45-томник за 1649–1825 гг., а также многое-многое другое...

Среди документов екатерининской эпохи, хранящихся в РГИА и относящихся к Крымской проблематике, особое место занимает «Манифест Великой Императрицы Екатерины II о присоединении Крымского полуострова, острова Тамани (так в тексте – С. Ч.) с всея Кубанской стороны к России, 1783 год, 8 апреля».

Вот его краткое, с некоторыми изъятиями, содержание:

«В прошедшую с Портой Оттоманской войну, когда силы и победы оружия Нашего давали Нам

полное право оставить в пользу Нашу Крым, в руках Наших бывший, Мы сим и другими простран-ными завоеваниями жертвовали тогда возобновлению доброго согласия и дружбы с Портою Оттоманскою, преобразив на тот конец народы Татарские в область вольную и независимую, чтобы удалить навсегда случаи и способы к распрям и остуде, происходившим часто между Россией и Портою в прежнем Татар состоянии.

Не достигли Мы однако в пределах той части Империи Нашей тишины и безопасности, кои долженствовали быть плодами сего постановления. Татары, преклоняясь на чужие внушения, тотчас стали действовать вопреки собственному благу, от Нас им дарованному.

... В таковых обстоятельствах принуждены Мы были для сохранения здания, Нами воздвигну-того, одного из лучших Наших от войны приобретения, принять благонамеренных Татар в Наше покровительство...

Поднявшийся в прошлом году новый мятеж, коего истинные начала от Нас не скрыты, принудил Нас опять к полному вооружению и к новому отряду войск Наших в Крым и на Кубанскую сторону, кои там донныне остаются: ибо без них не могли бы существовать мир, тишина и устройство посреди Татар, когда деятельное многих лет испытание всячески уже доказывает, что как прежнее их подчинение Порте было поводом к остуде и распрям между обеими Державами, так и преобразование их в вольную область, при неспособности их к вкушению плодов таковой свободы, служит ко всегдашним для Нас беспокойствам, убыткам и утруждению войск Наших.

Свету известно, что имея со стороны Нашей столь справедливые причины не один раз вводить войска Наши в Татарскую область, доколе интересы Государства Нашего могли согласовать с на-деждою лучшего, не присвоили Мы там себе начальства, ниже отомстили или наказали Татар, действовавших неприятельски против воинства Нашего...

Но ныне, когда с одной стороны приемлем в уважение употреблённые до сего времени на Татар и для Татар знатные издержки,... не включая тут потерю людей, которая выше всякой денежной оценки; с другой же, когда известно Нам учинилось, что Порта Оттоманская начинает исправлять верховную власть на землях Татарских..., то поступок сей уничтожает прежние Наши взаимные обязательства о вольности и независимости Татарских народов;... и для того, по долгу предлежа-щего Нам попечения о благе и величии отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир между Империями Всероссийскою и Оттоманскою заключённый, который Мы навсегда сохранить искренне желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков Наших решились Мы взять под державу Нашу полуостров Крымский, остров Тамань и всю Кубанскую сторону.

Возвещая жителям тех мест силою сего Нашего Императорского манифеста таковую их бытия перемену, обещаем свято и непоколебимо за Себя и Преемников Престола Нашего содержать их наравне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкос-новенно... напротив чего от благодарности новых Наших подданных требуем и ожидаем Мы, что они в счастливом своём превращении из мятежа и неустройства в мир, тишину и порядок законный потщатся верностью, усердием и благонравием уподобиться древним Нашим подданным и заслужи-вать наравне с ними Нашу милость и щедроту.

Дан в престольном Нашем граде Святого Петра, апреля 8 дня от Рождества Христова 1783, а государствования Нашего в двадцать первое лето» [2].

Это, безусловно, один из самых интересных и известных документов, отражающих итоги плодотворной деятельности Г. А. Потёмкина в Северном Причерноморье и Крыму во время, пред-шествующее знаменательному событию.

Помимо этого в архиве отложился ещё целый ряд любопытных и ценных документальных свидетельств государственной и военной деятельности этого замечательного человека. Например, Указ императрицы Сенату от 2 февраля 1874 года об учреждении Таврической Области, образовав-шейся, в том числе и благодаря неустанным трудам Г. А. Потёмкина. Вот краткое его содержание:

«Причины, побудившие Нас на присоединение Крыма, острова Тамань и Кубанской стороны известны из Манифеста Нашего в 8 день апреля 1783 года изданного...

... По таковом благополучном окончании внешних дел Мы признаём долгом царствования Нашего обратить внимание Наше дабы сии подвластные скипетру Нашему земли устроены были в образе правления вообще для всего Государства Нашего предписанном, и чтоб обитатели их, при свободном исповедовании каждым природной его веры и при спокойном владении законно принад-лежащим ему имением, воспользовались всеми теми выгодами, каковыми прочие подданные Наши

под сенью законов наших спокойно в безопасности наслаждаются.

Вследствие сего полуостров Крым с землёю, лежащую между Перекопа и границ Екатеринославского Наместничества, и остров Тамань учреждая Область под именем Таврической, покуда умножение населения и разных нужных заведений подадут удобность устроить ея Губерниєю, препоручаем оную в управление Нашему Генералу, Екатеринославскому и Таврическому Генерал-Губернатору князю Потёмкину, которого подвигом и самое Наше о всех сих землях предположение исполнено, предоставляя ему разделить ту область на уезды, назначить города, пригготовить к открытию в течение нынешнего года и о всех подробностях, к тому относящихся, донести Нам и Сенату Нашему.

Что же касается до Кубанской стороны, она по удобности имеет вступить в составление Кавказской Губернии, о которой не уедем Мы дать Сенату Нашему повеление. Екатерина II» [3].

Тем же числом (2 февраля 1784 года) датируется ещё один касающийся непосредственно Г. А. Потёмкина императорский Указ. В нём Екатерина II повелевает Правительствующему Сенату:

«Наш Генерал, Военной коллегии вице-президент, Екатеринославский, Астраханский и Саратовский Генерал-Губернатор князь Потёмкин отлично его ревностью на службе нашей многими опытами доказанной, и разными подвигами на пользы и славы государственной им поданными и благополучными успехами увенчанными, приобрели особливое наше к нему монаршее благоволение. Мы, в похваление оного, всемилостивейше пожелали его князя Потёмкина Президентом нашей Военной коллегии, и сверх того повелеваем заготовить к подписанию нашему похвальную ему грамоту с пояснением заслуг его Нам и отечеству оказанных» [4].

Вслед за этим, 8 февраля того же года, появляется императорский Указ сенату «О составлении Таврической Области из семи уездов и об открытии присутственных мест в городах оной»:

«Область Таврическую, об учреждении коей Сенат предъуведомлен Указом Нашим ... повелеваем составить из 7 уездов, и именно: Симферопольского, Левкопольского, Евпаторийского, Перекопского, Днепровского, Мелитопольского и Фанагорийского.

Вследствие чего и представили Мы Нашему Генерал-Фельдмаршалу, Екатеринославскому и Таврическому Генерал-Губернатору Князю Потёмкину устроить города, Областной и уездные, и в них открыть присутственные места, которые нужны будут по свойству жителей и по числу их сообразно с учреждениями Нашими. Екатерина II» [5].

Исключительно важным для дальнейшей судьбы Крыма стало приведение к присяге на верность Российской империи крымской и нагайской знати. Этому мероприятию Г. А. Потёмкин придавал ключевое значение и потому контролировал его лично. Документом, итожившим это важное для судьбы Крымских земель дело, стал Указ императрицы Екатерины II Сенату от 15 февраля 1784 г. «О препровождении по назначению высочайше представленных князем Г. А. Потёмкиным присяжных листов крымских и нагайских орд на верность Российской империи», с приложением присяжных листов и копии определения правительствующего Сената по данному вопросу. В документе говорится:

«... Ея императорское величество высочайшим указом соизволила представленные Ея Величеству господином генералом фельдмаршалом, военной коллегии Президентом, Екатеринославским и Таврическим генералом губернатором и кавалером князем Григорием Александровичем Потёмкиным присяжные листы, учинённые в верности Ея величеству от крымских и нагайских орд реестром препроводить для хранения куда следует. Признали: во исполнение оного высочайшего Ея величества соизволения, поназванные присяжные листы крымских и нагайских орд для хранения отдать с реестром в Государственный при Сенате архив...», то есть в итоге к нам, в РГИА.

И далее листы «... по коим в верности подданства Всероссийскому императорскому престолу жители Крымские учинили в июле месяце 1783 года присягу», где перечислены все уезды, города, деревни, и прочие поселения Крыма, жители которых приведены к присяге. Здесь же листы с присягой «Орды Нагайския» и жителей Кубани [6].

Огромное значение для развития региона имел Манифест императрицы от 22 февраля 1784 года о свободной торговле в городах Херсоне, Севастополе и Феодосии, где сказано:

«... Известно, что вскоре после того, как последняя шестилетняя с Портою Оттоманскою война, многими победами оружия Нашего сопровождаемая, прекращена была полезным и славным миром, воздвигли Мы в Наместничестве Екатеринославском, на реке Днепре, недалеко от устья ея город Херсон, нашед в нём сугубую удобность для привоза из России ея произрастений и для доставления извне всего, что для нас полезно быть может... Сей город, а с ним вместе лежащие в Таврической Области приморские города Наши, Севастополь, известный до сего под названием Ахт-Яр, одарён-

ный превосходною морскою пристанью, и Феодосию, инако Кефою именуемый, в разсуждение выгоды их, повелеваем открыть для всех народов в дружбе с Империею Нашею пребывающих, в пользу торговли их с верными Нашими подданными. В следствие чего, сим торжественно объявляем, что все помянутые народы ... могут свободно, безопасно и безпрепятственно к тем городам приплывать, или сухим путём приезжать, нагружать суда их и оттуда отплывать, или отъезжать по своему произволению поступая...» [7].

В марте, 8 числа того же года, высочайше утверждён герб Таврической области с описанием [8]. Вслед за утверждением герба Таврической области 24 апреля 1784 года появился Указ императрицы об утверждении штата Таврической области с приложением высочайше утверждённого штата [9].

Тем же днём датирован Рескрипт императрицы Екатерины II генерал-губернатору князю Г. А. Потёмкину по поводу распоряжений, необходимых для устройства Таврической области [10].

О том, какое исключительное значение придавалось обустройству новых территорий, и в частности Севастополя, свидетельствует Указ императрицы Екатерины II от 2 сентября 1785 г.:

«...В число потребностей сметы на сооружение крепости и Адмиралтейства со всем к тому принадлежащим в Севастополе, и на разные другие строения к пользе государственной и к обеспечению границы в губернии Екатеринославской и области Таврической предприимлемые, повелеваем отпустить из Санктпетербургского банка в распоряжение нашего генерал-фельдмаршала, военной коллегии президента, Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора князя Потёмкина три миллиона рублей...» [11].

Сумма огромная по тому времени, что говорит само за себя.

Знаменателен содержанием своим Указ императрицы Екатерины II Сенату от 8 июля 1887 года. В начале этого документа по пунктам перечислены те позитивные перемены, которые произошли в присоединённых, стараниями Г. А. Потёмкина, к империи землях, а в конце Указа говорится:

«... Посему соизволяем, чтобы Сенат наш заготовил к подписанию нашему похвальную грамоту помянутому генерал-фельдмаршалу с означением сих новых его подвигов, с прибавлением его именованья Таврического, как в память подвига его в присоединении области сего названия к империи нашей, так в знак благоволения нашего к его трудам в населении и устройстве сей области» [12].

Помимо императорских рескриптов, указов и сенатских докладов, имеющих непосредственное отношение к деятельности Г. А. Потёмкина, в фондах РГИА хранятся ордера (т. е. приказы) и письма светлейшего князя к Николаю Семёновичу Мордвинову – одному из организаторов Черноморского флота, в последующем первому русскому морскому министру; служебные и личные письма графа Александра Матвеевича Дмитриева-Мамонова Г. А. Потёмкину с личными пометами императрицы Екатерины II; ведомости о снаряжении Черноморского флота и записка с предложениями князя о его структуре; дело кабинета Её Императорского Величества о чеканке золотых медалей и заготовлении похвальной грамоты в память заслуг князя Г. А. Потёмкина и проч.

Представляет интерес хранящееся в архиве описание медали в память заслуг князя Потёмкина-Таврического, среди которых значатся:

«Построение городов, крепостей и гаваней в полуденном (южном – С. Ч.) краю Империи, население степей и распространение торговли. Построение парусного флота на Чёрном море и гребной флотилии... Победы на суше и на водах в полуденном краю... Преобразование царства Таврического, острова Фанагория и всей земли до реки Кубань без пролития крови...» и т. д. [13]

Представляют несомненный интерес документы из дела Канцелярии генерал-прокурора об уничтожении по указу императора Павла I, самоотверженного и бескомпромиссного борца с наследием своей матушки Екатерины, монумента князю Потёмкину-Таврическому в Херсоне. В ходе переписки выяснилось, что ко времени появления указа никакого монумента ещё не было воздвигнуто, так что и сносить его не пришлось – явно поспешил император со своим распоряжением... [14]

Необходимо заметить, что по прошествии времени памятники замечательному сыну своего Отечества были воздвигнуты во многих городах нашей страны, причём большей частью на юге, в том числе и в Херсоне, где похоронен князь. И это справедливо!

Одним из замечательных документальных памятников самоотверженной деятельности Г. А. Потёмкина на благо Отечества, хранящимся в фондах РГИА, стала Похвальная грамота Екатерины II от 3 мая 1789 года [15].

Из всего вышесказанного следует, что именно Г. А. Потёмкину и никому более принадлежит главная и решающая роль в присоединении Крыма, равно как и всего Северного Причерноморья, к России. Это факт бесспорный и непреложный!

То, что в одно историческое время в нашей стране двое таких незаурядных и воистину великих

людей, как Государыня Екатерина II и Князь Г. А. Потёмкин объединили усилия, направленные на укрепление политического и экономического могущества России, воистину промысел Божий и огромная удача для нашего Отечества. А то, что им обоим вменяют всевозможные недостатки и даже пороки, так это началось ещё в правление Екатерины II. Причём подавляющее большинство этих измышлений уже давно опровергнуто добросовестными историками. Да и не нами придумано – судить о людях по делам их. А великие дела Государыни Екатерины Алексеевны и Светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического сами за себя говорят и ни в чьей реабилитации, толкованиях или заступничестве не нуждаются. Нам остаётся лишь добросовестно чтить память этих великих людей и гордиться тем, что мы их соотечественники.

Список источников и литературы

1. Лопатин, В. С. Потемкин и Суворов / В. С. Лопатин; РАН. — М. : Наука, 1992. — 287 с.
2. РГИА (Рос. гос. ист. арх.). Ф. 1329. Оп. 1. Д. 153. Л. 294–296-а.
3. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 155, Л. 60–61-а.
4. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 155. Л. 52.
5. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 155. Л. 82.
6. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 155. Л. 100–104-а.
7. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 155. Л. 207–210-а.
8. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 155. Л. 281–282.
9. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 155. Л. 450–455.
10. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 155. Л. 458–459-а.
11. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 159. Л. 2.
12. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 163. Л. 163–164-а.
13. РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 603. Л. 1–3 об.
14. РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1461. Л. 1–7.
15. РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 428.

Статья поступила в редакцию 27.02.2016

Chernyavsky, S. V. *Records of the Crimea of the Catherine II's Era in the Russian State Historical Archive*

Based on the present-day written records of the Russian State Historical Archive (RGIA – Rossiiskii Gosudarstvennyi Istoricheskii Arkhiv), the article sums up G. A. Potemkin's involvement with making Crimea and the Northern Black Sea area part of the Russian Empire in the second half of the eighteenth century and managing the new territories.

Keywords: Potemkin, Catherine the Great, Crimea, Kuban, Black Sea area, Taurida, the Russian State Historical Archive (RGIA), the Russian Empire, records.

УДК 930.2:908

Рассматривается вклад [Императорского] Одесского Общества Истории и Древностей и Таврической Ученой Архивной Комиссии в изучение личности и деятельности Светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина.

Ключевые слова: российское государство, екатерининская эпоха, Потёмкин, история Крыма, Таврическая Ученая Архивная Комиссия, Одесское Общество Истории и Древностей.

Е. Е. Бойцова, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: elenaboicova@list.ru

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. А. ПОТЁМКИНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЧЛЕНОВ ОДЕССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ И ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

Исследование такого важного периода в истории России как Екатерининская эпоха тесно связано с изучением личности и анализом деятельности одного из самых ярких её представителей – Григория Александровича Потёмкина. Выдающемуся деятелю того исторического периода, «великолепному князю Тавриды» посвящено множество трудов, освещающих его жизнь и усилия по расширению Российского государства, устройению новых территорий, в том числе – земель Тавриды¹.

Одна из первых попыток создания научной биографии Григория Александровича Потёмкина принадлежит дипломату, государственному деятелю, историку, археографу и биографу Дмитрию Николаевичу Бантыш-Каменскому, который в 1836 году в Москве издал «Словарь достопамятных людей Русской земли...» в пяти частях. Отдельная статья в этом историко-энциклопедическом издании, включавшем в себя описания «жизни и деяний знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных литераторов и учёных, известных по участию в событиях отечественной истории», посвящалась Светлейшему князю Потёмкину-Таврическому [2, с. 196-226]. Необходимо отметить, что и в упомянутом очерке, и в изданных позже «Биографиях Российских Генералиссимусов и Генерал-Фельдмаршалов» [1] Д. Н. Бантыш-Каменский описывает заслуги Г. А. Потёмкина перед Отечеством, его разнообразные управленческие дарования. «В начале 1784 года ... Екатерина, признательная к заслугам, пожаловала Потемкина Президентом Военной Коллегии с чином Генераль-Фельдмаршала, Екатеринославским и Таврическим Генерал-Губернатором и Шефом Кавалергардского полка» [1, с. 80]. И уже в ближайшие годы Таврида являла собой благодатную картину – «дикие степи превратились в плодоносные поля, где повсюду видны были многочисленные, прекрасные стада, благословенные нивы, богатые селения, возвышались многолюдные города», «Севастополь и Херсон наполнились флотами; Русский Флаг развевал свободно на Черном море» [1, с. 80].

Существенным вкладом в процесс всестороннего изучения личности Григория Потёмкина стала монография «Потемкин», написанная 1891 году русским историком немецкого происхождения, профессором Дерптского университета Александром Густавовичем Брикнером (1834-1896). В этом труде Александр Густавович акцентирует внимание на ключевой заслуге Светлейшего князя перед государством российским. А именно на том, что Григорий Александрович первым осознал огромное геополитическое значение Крыма для России и поспешил расширить южные рубежи российского

¹. Область создана Указом Екатерины II «Об учреждении Таврической Области» от 2 Февраля 1784 г. Управителем Области назначался Григорий Потёмкин в звании Екатеринославского и Таврического Генерал-Губернатора (он 8 лет управлял этой областью). Центром первоначально был город Карасубазар, однако, в том же году столицу перенесли в Симферополь. Область подразделялась на 7 уездов: Днепровский; Евпаторийский; Левкопольский; Мелитопольский; Перекопский; Симферопольский; Фанагорийский [7].

12 декабря 1796 года Указом Павла I «О новом разделении государства на губернии» Таврическая область упразднялась и включалась состав Новороссийской губернии, однако, только 29 августа 1797 года был опубликован указ, подробно определивший границы последней. Согласно предписанию в неё включалось, в том числе 2 уезда – Акмечетский и Перекопский [10].

государства, присоединив Крым, тогда как элитарные круги русского общества об этом приобретении имели весьма смутные представления. Далее Брикнер продолжает: «Кто же из государственных людей более Потемкина способствовал расширению пределов и могущества Империи? Он приобрел для России области в одном из благораствореннейших климатов Европы». Александр Брикнер пишет, что именно Потёмкин убедил Екатерину в необходимости присоединения Крыма для славы и спокойствия России, иначе «вам будет стыда и укоризны от потомства, которое при каждом хлопотах так скажет: вот она могла, да не хотела или упустила» [4, с. 63].

А. Г. Брикнер дал меткую характеристику Потёмкину, подчёркивая сложность и неоднозначность его натуры. Эта личностная противоречивость Григория Александровича нашла отражение и в отзывах его современников, часто сочетающих диаметрально противоположные оценки личных качеств Потёмкина: в диапазоне от восхваления до презрения. «Сложность этой личности заставляла многих современников в одно и то же время восхвалять и презирать его, удивляться громадности его дарований и осуждать испорченность его нрава, считать его то героем, то преступником, то представителем великих идей, то пустым хвастуном» [4, с. 243]. Брикнер, подчёркивая противоречивость его натуры, пишет: «Добро и зло, добродетель и пороки, замечательные умственные способности и большие нравственные недостатки. ... замечательный государственный деятель и легкомысленный сибарит, представитель всеобъемлющих проектов Екатерины и своенравный, корыстолюбивый аферист. В нем ... соединены гениальность и сила и слабость, героизм и фанфаронство, идеализм и цинизм, культурная утонченность и тупое варварство, гуманность и кичливое самолюбие, ум и сумасбродство» [4, с. 242-243]. Тем не менее, Брикнер приводит характеристику Потёмкина, данную ему А. М. Тургеневым: «... великий гений, человек выше предрассудков, выше своего века, желавший истинно славы отечества своего, прокладывавший пути к просвещению и благоденствию народа русского» [4, с. 246].

Конечно, деятельность личности, масштаба Григория Александровича Потёмкина, с трудом поддавалась беспристрастному анализу. Поэтому особую актуальность приобретают документы и материалы о деятельности Светлейшего князя, опубликованные в «Записках Одесского Общества Истории и Древностей» и «Известиях Таврической Ученой Архивной Комиссии». Вклад Одесского Общества Истории и Древностей и Таврической Ученой Архивной Комиссии в изучение Потёмкинской эпохи в истории Крыма рассматривается в работах И. Ю. Крачковского, А. А. Непомнящего, А. И. Маркевича, О. И. Елисеевой, Н. Ю. Болотиной, А. А. Лукашевича, С. Б. Филимонова и других авторов [3; 8; 17; 18; 22; 29]. Однако, источниковедческий потенциал «Записок...» и «Известий...» по данной проблематике пока не получил целостного освещения.

Следует отметить, что в первой половине XIX века наблюдалось усиление общественного интереса к истории Российского государства. Происходило осмысление прошлого в контексте развития исторической науки в России, создавалось множество региональных обществ изучения истории, формировались местные исторические школы.

Огромную лепту в изучение истории Юга России и Северного Причерноморья внесло Одесское Общество Истории и Древностей (с декабря 1872 по март 1917 гг. – Императорское Одесское Общество Истории и Древностей) – [И]ООИД, созданное при поддержке и патронате генерал-губернатора Новороссии Михаила Семёновича Воронцова. За время существования [И]ООИД с 1839 по 1922 гг., было издано 33 тома «Записок Одесского Общества Истории и Древностей» (с 1-го тома по 8-ой том и 33-й том – Записки Одесского Общества Истории и Древностей – ЗООИД, с 9-го тома по 32-ой том – Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей – ЗИООИД). В «Записках...» освещались результаты научных исследований членов общества, публиковались исторические документы и материалы, печатались отчеты о результатах археологических раскопок. Приложения к каждому тому включали протоколы заседаний общества и данные о находках и коллекциях.

В 1836 году в Одессе вышла в свет первая часть труда «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730-1823», написанная директором главного статистического комитета Новороссийского края, историком, член-корреспондентом Российской Академии наук по историко-филологическому отделению (с 1856 г.), одним из основателей Одесского Общества Истории и Древностей, Аполлоном Александровичем Скальковским (1808-1898).

Аполлон Александрович две главы в работе посвятил событиям, имевшим место быть от вступления генерал-поручика Потёмкина в должность главного командира Новороссийской губернии и до смерти Григория Александровича. Характеризуя масштабы деятельности Светлейшего князя, Скальковский указывал на то, что, вступив в должность, Григорий Александрович 6 сентября 1774 года потребовал от Новороссийской Губернской Канцелярии представить подробные сведения о по-

ложении края, составе его населения, количестве пустующих земель и т. п. Это было определено Ордерам¹. Получив печальное описание вверенного ему края, Григорий Александрович стремился поправить положение, реформировал управление, поощрял хозяйственное и культурное освоение огромной территории, способствовал заселению края, как подданными России, так и колонистами, выходцами из других стран. В своём труде Скальковский подробно описал устройство города Херсона, обратив внимание на ордер Потёмкина от 8 июля 1782 года, обозначавший сроки и средства на строительство крепостных и городских сооружений. По мнению автора, 8 лет мира (1774-1782 гг.) дали возможность Новороссийскому краю устроиться и укрепить свои позиции. Аполлон Александрович отмечал, что «Новороссийский край, состоящий из вооруженного земледельческого поселения, мог весь по мановению своего вождя стать под его знамёна и ждать смело самой упорной борьбы», и в этом немалая заслуга принадлежит Потёмкину [27, с. 151].

В труде А. А. Скальковского особое внимание уделялось присоединению Крыма к России и деятельности Потёмкина по административному обустройству, хозяйственному освоению и укреплению новых российских территорий. Скальковский подчёркивал, что приобретение Крыма заставило Светлейшего князя подумать об укреплении новой границы, которая была уже не в степи, а на берегах Чёрного моря, что с необходимостью требовало строительства новых крепостей. В «Хронологическом обозрении истории Новороссийского края. 1730-1823» приводится текст Указа от 8 февраля 1784 года об учреждении Таврической области [27, с. 164], детально представлены материалы о подготовке края к визиту Екатерины II и описан её приезд. В работе приведен и Указ от 4 сентября 1784 года о создании Новороссийского университета, в котором предполагалось преподавать как науки, так и искусства, причём не только для российских подданных, но и для единоверцев из соседних народов [27, с. 186]. Кроме того, планировалось увеличение количества народных школ, главных народных училищ по городам Екатеринославской губернии и Таврической области.

Статистические данные «Хронологического обозрения ...» за 1787 год, отражали бурные темпы развития Новороссии [27, с. 193-196]. Так, население Таврической области на 1787 год составляло около 120 тысяч человек, в степи – 7 тысяч ногайцев, а в остальной части Новороссийского края, ранее пустынного – 688 589 человек [27, с. 195].

Статья Николая Никифоровича Мурзакевича (1806-1883), директора Ришельевского лицея, историка, археолога, «Начало книгопечатания в Новороссийском крае» (том 2 «ЗООИД», 1848 г.) была посвящена деятельности Светлейшего князя по созданию в городе Кременчуге первой типографии, в которой первым был напечатан «Канон вопиющей в грехах души ко Спасителю Господу Иисусу», авторства Потёмкина [20].

Кроме того, во втором томе Н. Н. Мурзакевич опубликовал «Собственноручные распоряжения князя Потёмкина-Таврического во время второй Турецкой войны, в царствование Императрицы Екатерины II». Документы очерчивают круг вопросов, разрешавшихся наместником Новороссии – постройка и ремонт судов, артиллерия, доставка необходимых материалов и провианта, строительство казарм, лечение солдат и матросов, водоснабжение. В числе прочих – ордер Потёмкина от 27 августа 1783 года об именовании новозаводимой на Ингуле верфи городом Николаевом [21].

Необходимо отметить, что в целом на страницах «ЗООИД» было опубликовано 487 ордеров Потёмкина, обнаруженных в различных архивах (Черноморского ведомства, Николаевского Черноморского управления, архиве князя М. С. Воронцова, архиве Таврического губернского управления, Кубанском войсковом архиве) в период с 1781 по 1791 годы. Наиболее крупные публикации принадлежат Николаю Никифоровичу Мурзакевичу, который опубликовал 148 ордеров в 11-ом томе, 70 – в 12-ом томе) и Фёдору Фёдоровичу Лашкову (140 ордеров – в 15-ом томе) [17].

Профессор Новороссийского университета Филипп Карлович Брун, публикуя сохранившуюся переписку Г. А. Потёмкина и тексты его докладов Императрице Екатерине II за период 1776-1791 гг. [25, с. 191-237] в 8-ом томе «ЗООИД», отмечает важность ордеров, Светлейшего князя Таврического изданных во 2-ом, 4-ом и 7-ом томах «Записок...». Ф. К. Брун подчёркивает – «автографы бесприкословно убеждают в невидимой для публики, неусыпной деятельности («роскошного князя Тавриды, пребывавшего в зените славы и покоя» по стихам М. Дмитриева) на пользу Отечества, которому посвящал время свое до последних минут существенно полезной жизни» [25, с. 191]. По мнению

¹ Ордер - это письменный приказ, предписание. Само слово появилось в русской лексике в первой четверти XVIII века. Согласно сенатскому указу от 22 января 1767 г., ордера должны были служить для сношений губернатора с губернскими учреждениями, воеводой и прочими людьми. Однако, сфера их распространения была гораздо шире, в частности, они использовались для переписки вышестоящих и нижестоящих лиц, имевших чины I-XIV классов. Монарх, Сенат, коллегии ордера в своей переписке не применяли [16, с. 41].

автора, польза, честь и слава Отечества были заботой Г. А. Потёмкина, и он, составляя бумаги, показывал пример трудолюбия подчиненным, входившим в состав его канцелярии. Содержание опубликованных документов разнообразно, особый интерес для крымоведческих исследований представляют материалы докладов Григория Александровича императрице Екатерине II за 1784-85 гг. о создании и обустройстве Таврической области. Публикация эпистолярного наследия Г. А. Потёмкина была продолжена на страницах 9-го и 10-го томов «ЗИООИД» (Т. 9, с. 228-282; Т. 10, с. 235-361).

О ключевой роли Г. А. Потёмкина в освоении и развитии Крыма повествует на страницах «ЗИООИД» Евгений Александрович Загоровский в статье «Организация управления Новороссией при Потемкине в 1774-1791 годах» [9]. Он пишет о расцвете Новороссии в «Потемкинскую эпоху», о превращении её из пустынного края в область со всеми признаками зарождающейся европейской культуры. Однако, автор подчёркивает и неоднозначность «Потемкинской эпохи», указывая на крайнюю расточительность князя не только в деньгах, но и в народных жизнях, его самодурство и опрометчивость в принимаемых мерах. Вместе с тем Е. А. Загоровский пишет о широком размахе и разносторонности административной деятельности Светлейшего князя, направленной на внутренне развитие подчинённых ему губерний. Евгений Александрович подчеркивает, что оставаясь в течение 17 лет полновластным правителем и устройтелем Новороссийского края, Г. А. Потёмкин осуществлял управление с учетом собранных статистических сведений о населении, о суммах подушной подати, о льготах, предоставленных жителям, о суммах расходов на администрацию, о межевании земель и прочем. Характеризуя деятельность Григория Александровича после присоединения Крымского ханства к России, Е. А. Загоровский указывает на то, что Григорий Александрович учредил Крымское Земское Правительство. Деятельность Правительства, состоящего из местной знати, обеспечивала формирование реальной картины экономической жизни Крыма, сбор сведений о количестве населения и социальной структуре общества.

Учитывая изложенное выше, можно сделать вывод о том, что российская историческая мысль в первой половине XIX века постепенно преодолевала сложившиеся к концу предыдущего столетия стереотипы в оценках личности Григория Александровича Потёмкина. В научный оборот вводились документы, раскрывавшие его деятельность, как на общегосударственном, так и на региональном уровне. Однако подлинного размаха эти исследования достигли уже во второй половине XIX века, когда с Высочайшего изволения началась масштабная публикация документов времён царствования Екатерины II, позволивших оценить истинную роль в отечественной истории её ближайшего соратника – Светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина.

24 января (5 февраля) 1887 года в Симферополе состоялось открытие Таврической Ученой Архивной Комиссии (ТУАК). Протокол открытия гласит, что «по заранее разосланным повесткам, в дом, занимаемым губернатором, приглашено было на 24 января, на 8:30 вечера, 111 человек для присутствия при открытии Таврической Ученой Архивной Комиссии. В 9 вечера господин Таврический Губернатор камергер А. Н. Всеволожский обратился к собравшимся с речью [26, с. 1]», в которой ознакомил присутствующих с целью открытия Архивной Комиссии и ожидаемой пользы.

ТУАК объединила на добровольных началах ученых и просто любителей крымской старины. Первоначально в её состав входило 58 человек, председателем был избран глава Таврической губернской земской управы А. Х. Стевен, товарищем председателя стал инспектор Симферопольской татарской учительской школы – И. И. Казас, правителем дел – преподаватель Симферопольской мужской казенной гимназии Ф. Ф. Лашков. Для деятельности ТУАК и размещения исторического архива были выделены помещения в доме, занимаемом Таврической губернской земской управой [26, с. 12]. Таким образом, на полуострове сформировался собственный исследовательский центр, ставший главным звеном его научной инфраструктуры.

О значимости открытия подобного центра в Тавриде свидетельствует письмо-поздравление от директора Археологического института Ивана Ефимовича Андреевского, написавшего в частности: «Прелестный уголок России, носящий на каждом шагу печать истории, следы тяжких для России воспоминаний и могучих русских дел, Крым давно ожидал систематической работы архивистов. Исторический Архив Таврической губернии, когда его составит открывающаяся теперь Учёная Архивная Комиссия, будет богатым ключом для русской истории и истории русского права» [26, с. 9]. Работа комиссии была связана с обнаружением, протоколированием, сбережением, анализом, разъяснением и популяризацией историко-культурного наследия крымского региона.

За время своего существования (1887-1920 гг.) ТУАК подготовила и выпустила 57 томов «Известий Таврической Ученой Архивной Комиссии» («ИТУАК»). Необходимо отметить энциклопедический характер публикаций «ИТУАК», стремление членов комиссии к изучению и популяри-

зации разнообразных памятников историко-культурного наследия региона [29, с. 4-5]. После установления советской власти ТУАК продолжила свою деятельность как Таврическое общество истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ).

С самого начала издания сборников «ИТУАК» значительное место на его страницах занимали анализ и публикация документов о деятельности Г. А. Потёмкина. Уже в первом томе «ИТУАК» в сообщении Федора Федоровича Лашкова «О пересмотре Черноморского тарифа 1782 года», комментируется ордер Г. А. Потёмкина в адрес правителя Таврической области, действительного статского советника В. В. Каховского об изменении торговых пошлин в крымских портах применительно к местным потребностям и фискальным целям [28, с. 31-39].

11 ноября (29 октября) 1887 г. на заседании ТУАК было заслушано сообщение Ф. Ф. Лашкова о найденном в архиве Таврического губернского правления «Камеральном описании Крыма 1784 года». Регистр был составлен в июне 1784 г. начальником войск, расположенных в Крыму, бароном Игельстромом как ответ на запрос генерал-губернатора Новороссийского края Г. А. Потёмкина о внутреннем состоянии вошедшего в состав Российской империи края. В описании содержатся сведения об организации власти, административно-территориальном устройстве, социальной структуре Крымского ханства, статистика численности разных групп населения, налогов и сборов ханской администрации, количества храмов разных конфессий и т. д. Данные сгруппированы в ведомости по 53-м вопросам, ответы на которые дают подведомственные Игельstromу члены земского правительства, главы каймаканств и чиновники, служившие при последнем хане [13]. В связи с особой значимостью «Камерального описания Крыма» для истории, географии, топонимики, краеведения и других наук, члены ТУАК приняли решение о публикации этого уникального документа полностью.

Ф. Ф. Лашков продолжил начатую [И]ООИД работу по систематизации документов и материалов, связанных с историей второй русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Он подготовил к печати в нескольких номерах «ИТУАК» подборку материалов, характеризующих дипломатическую и военную деятельность Г. А. Потёмкина в период данной военной кампании [14]. В течение многих лет Ф. Ф. Лашков изучал исторические формы землевладения у крымских татар, исследуя материалы архивов различных учреждений и ведомств Таврической губернии. В 1884 году на VI Археологическом съезде в Одессе Ф. Ф. Лашков выступил с двумя докладами: «О землевладении в Крыму до и после присоединения к России», «О бейлыках в Крымском ханстве», а в 1887 году опубликовал работу «Сельская община в Крымском ханстве» [11]. Автор пришел к выводу, что на формирование поземельных отношений у крымских татар повлияли дружинное право монголов (тэре) и мусульманские правила шариата. Итогом дальнейшего изучения документов, найденных в архиве Таврического губернского правления, стал «Исторический очерк крымско-татарского землевладения» [12].

Очерк имеет три части, в первых двух Ф. Ф. Лашков достаточно глубоко исследовал механизм становления и функционирования основных форм землевладения в Крымском ханстве, включая институт вакуфа – собственности, в соответствии с мусульманским правом посвященной богу, доходы от использования которой поступали на религиозные или благотворительные цели. В третьей части Федор Федорович рассмотрел историю землевладения в Крыму после его присоединения к России. Касаясь деятельности Г. А. Потёмкина по вопросам эмиграции крымских татар, организации заселения пустующих земель, создания и межевания фонда казенных земель в Таврической области, Ф. Ф. Лашков обратил внимание на ряд сохранившихся документов. В частности, он приводит выдержки из письма Г. А. Потёмкина В. В. Каховскому от 16 августа 1787 г., в котором князь выражает обеспокоенность тем, что начавшаяся эмиграция крымских татар лишает Крым населения, хорошо знакомого с условиями края: «новые подданные ни языка, ни обычаев наших не ведающие, требуют всяческой защиты и покровительства ... Предпринимаемое некоторыми удаление из Тавриды доказывает их неудовольствие. Войдите в причины оно и с твердостью исполните долг ваш, доставив удовлетворение обиженным» [12, № 24, с. 58]. Обращаясь к мероприятиям Г. А. Потёмкина по освоению пустующих земель Таврической Области, Ф. Ф. Лашков значительное внимание уделяет анализу «Камерального описания земель и садам после вывода христиан и выехавших за границу мурз и вошедших в казну». Правитель Таврической области В. В. Каховский, получив в ноябре 1784 года предписание Г. А. Потёмкина составить реестр поступивших в казну земель, поручил его исполнение бывшему ханскому откупщику Абдул-Хамид-аге и смотрителю Перекопской таможни коллежскому асессору Караценову, которые завершили работу в 1787 году. По мнению Федора Федоровича, данный документ содержал несколько существенных недостатков, так как составлялся на основании показаний местных жителей без должной проверки. В связи с этим в нем в качестве пустующих были указаны владения тех или иных лиц, а некоторые действительно пустующие земли

вовсе не были указаны, что впоследствии приводило к многочисленным поземельным спорам. Ф. Ф. Лашков подчеркивает масштабность задач переселенческой политики, которые начали решаться при Г. А. Потёмкине, в том числе с помощью раздачи земель из казенного фонда военным и гражданским чиновникам и иным лицам. Иллюстрируя этот тезис статистическими данными, Ф. Ф. Лашков приводит сведения о том, что в Таврической области за последнюю треть XVIII века было передано новым владельцам около 625 десятин земли [12, № 24, с. 60].

В качестве приложения к «Историческому очерку ...» автор опубликовал «Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения» [15], в который вошли и редкие материалы Потёмкинской эпохи. «Исторический очерк крымско-татарского землевладения» Ф. Ф. Лашкова члены ТУАК справедливо выделили «как наиболее значительный труд 1894 года, основанный на местных неисследованных ещё архивных материалах» [24, с. 128].

Член комиссии Г. К. Киреенко подготовил к публикации ордера князя Потёмкина и графа Зубова за 1784-1796 гг., хранившиеся в архиве Таврического губернского правления в 11 книгах большого формата. Автор обратил внимание, что данные документы, несомненно, обладают огромной научной ценностью и выступают в качестве исторических источников. Из их содержания можно понять не только то, как устраивался Крым после присоединения к России, но и уяснить некоторые особенности личности Г. А. Потёмкина, мотивы, определявшие направление его усилий. По решению ТУАК были опубликованы в виде точных копий ордера князя Потёмкина, начиная с 1786 год, так как его распоряжения 1784 и 1785 гг. были напечатаны ранее в 15 томе «ЗИООИД» по представлению Ф. Ф. Лашкова [23, с. 1]. Всего в ИТУАК было опубликовано 290 ордеров Г. А. Потёмкина за 1786-1789 годы [16]. Следует отметить, что анализ содержания ордеров Григория Александровича подтверждает его стремление разобраться в сущности происходящих процессов, показывает его умение ориентироваться сложных обстоятельствах и, что самое главное, раскрывает способность и желание вникать в тонкости и детали устройства Новороссии и Крыма. Велика роль князя в развитии земледелия, садоводства, промышленности, торговли в Таврической области, преобразований в военном деле, в организации процесса заселения Крыма и проведении политики веротерпимости. Значение публикации данной подборки ордеров Г. А. Потёмкина особенно возросло ввиду утраты их подлинников, хранившихся в Крымском архиве, в годы Гражданской войны [17].

Редкие материалы из архива канцелярии Таврического губернатора, связанные с деятельностью Г. А. Потёмкина по подготовке путешествия в Крым императрицы Екатерины II, систематизировал и подготовил к печати Арсений Иванович Маркевич [19, с. 76-143]. Им были проанализированы материалы 15 архивных дел, в том числе: «О фейерверке, деланном в Карасубазаре к Высочайшему шествию», «О путевых дворцах, приготовляемых к Высочайшему шествию», «О приготовлении к освещению дорог смоляных бочек», «О делании в Перекопе Триумфальных ворот», «О нарядах людей и лошадей к шествию Ее Величества по Таврической области», «О делании мостов, миль и исправлении дорог как перед Высочайшим шествием, так и после того в разных местах области Таврической» и др. В делах были представлены соответствующие распоряжения Г. А. Потёмкина, донесения князю от правителя Таврической области В. В. Каховского и переписка его с местными административными учреждениями и лицами. А. И. Маркевич подчеркивает, что особая ценность этих материалов заключается в том, что они характеризуют «как состояние Крыма вскоре после присоединения к России, так и кипучую деятельность князя Г. А. Потемкина, которому все здесь нужно было создавать и стремиться к тому, чтобы созданное не имело одного лишь случайного значения, а служило прочным основанием благополучного развития края в будущем» [19, с. 78].

В сложный период Гражданской войны активное участие в деятельности ТУАК по изучению крымского потёмкинского наследия принял Георгий Владимирович Вернадский (1887-1973). Он систематизировал материалы архива В. С. Попова, начальника канцелярии Г. А. Потёмкина, долгие годы хранившиеся в имении Тавель недалеко от Симферополя и поступившие затем в библиотеку Таврического университета. Г. В. Вернадский отмечал, что в Тавельском архиве сохранилось «много автографов Потемкина: преимущественно черновых набросков и заметок, но и писем к разным лицам, и реляций Екатерине II. В мелких черновых заметках, писанных к Попову, виден Потемкин не в официальном виде, а запросто. В этих заметках наблюдается ... кипучая энергия и наблюдательность Потемкина» [6, с. 107]. Георгий Владимирович выделил и подготовил к печати на страницах «ИТУАК» несколько ценных документов из Тавельского архива. Так, были изданы не публиковавшиеся ранее в «Русской старине» и «ЗИООИД» письма к Потёмкину М. А. Гарновского, хозяйственного и политического агента Григория Александровича в Петербурге, и черновик доклада Светлейшего князя императрице Екатерине II «О Крыме». По мнению автора, «Потемкин – один из

основоположников и создателей русского юга, да и вообще императорской России конца XVIII – XIX веков. Все громадное творческое наследие государственной работы Потемкина лишь медленно и постепенно доходит до русского исторического сознания» [5, с. 81]. Г. В. Вернадский подчеркивал, что для написания подробной биографии Г. А. Потёмкина и систематического рассмотрения всей его деятельности нужна кропотливая предварительная работа по собиранию материалов и критическому изучению источников. При этом он отмечал почетное место ТУАК в ряду исследовательских сообществ Потёмкинской эпохи истории Тавриды, особенно инициативы в этом направлении Ф. Ф. Лашкова и А. И. Маркевича [5, с. 81].

Таким образом, предпринятый анализ позволяет сделать вывод о систематическом изучении членами [Императорского] Одесского Общества Истории и Древностей и Таврической Ученой Архивной Комиссии вопросов, связанных с деятельностью Григория Александровича Потёмкина по освоению Новороссии. Неоценимым является вклад [И]ООИД и ТУАК в сохранение, изучение, публикацию и популяризацию значительного корпуса источников, характеризующих Потёмкинскую эпоху в истории Тавриды и ожидающих своего современного исследователя.

Список литературы

1. *Бантыш-Каменский, Д. Н.* 28-й Генерал-Фельдмаршал Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический // Биографии Российских Генералиссимусов и Генерал-Фельдмаршалов. В 3 ч. Ч. 2. / Д. Н. Бантыш-Каменский. — СПб. : Типография Третьего Департамента Министерства Государственных Имуществ, 1840. — С. 56–88.
2. *Бантыш-Каменский, Д. Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов Православной церкви, отличных литераторов и ученых, известных по участию в событиях отечественной истории. В 5 ч. Ч. 4: Н – Р / Д. Н. Бантыш-Каменский ; изд. А. Ширяевым. — М. : Тип. Лазаревых, 1836. — 396, IV с.
3. *Болотина, Н. Ю.* Деятельность Г. А. Потемкина (1739–1791 гг.) в области внутренней политики России / Н. Ю. Болотина ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. — М. : Изд-во РАГС, 2010. — 138 с.
4. *Брикнер, А. Г.* Потемкин / А. Г. Брикнер. — СПб. : Изд. К. Л. Риккера, 1891. — 276 с.
5. *Вернадский, Г. В.* Письма М. А. Гарновского кн. Г. А. Потемкину-Таврическому / Г. В. Вернадский // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии (ИТУАК). — Симферополь, 1919. — № 56. — С. 81–97.
6. *Вернадский, Г. В.* Тавельский архив В. С. Попова ; Записки о необходимости присоединения Крыма к России (Из Тавельского архива В. С. Попова) / Г. В. Вернадский // ИТУАК. — Симферополь, 1919. — № 56. — С. 104–110 ; С. 111–126.
7. *Екатерина Вторая, Императрица.* Об учреждении Таврической Области. Февраля 2 [года 1784] : Именной [Указ], данный Сенату / Государыня Императрица Екатерина Вторая // Полное Собрание Законов Российской Империи : [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. — СПб. : Тип. 2 Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — Т. 22 : 1784–1788 : От № 15.902 по 16.738. — № 15.920. — С. 17–18.
8. *Елисеева, О. И.* Геополитические проекты Г. А. Потемкина / О. И. Елисеева. — М.: ИРИ РАН, 2000. — 342 с.
9. *Загоровский, Е. А.* Организация управления Новороссии при Потемкине в 1774–1791 годах / Е. А. Загоровский // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей (ЗИООИД). — Одесса, 1913. — Т. 31. — С. 52–82.
10. *Кабузан, В. М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.) / В. М. Кабузан ; АН СССР, Ин-т истории СССР. — М. : Наука, 1976. — 307 с.
11. *Лашков, Ф. Ф.* Сельская община в Крымском ханстве : [Данные об общинном землевладении в Крымском ханстве] / Ф. Ф. Лашков. — Симферополь : Таврич. Губ. Тип., 1887. — 64 с.
12. *Лашков, Ф. Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения / Ф. Ф. Лашков // ИТУАК. — Симферополь, 1894. — № 21. — С. 59–89 ; 1895. — № 22. — С. 35–81 ; 1895. — № 23. — С. 71–117 ; 1896. — № 24. — С. 35–71 ; 1896. — № 25. — С. 29–88.
13. *Лашков, Ф. Ф.* Камеральное описание Крыма 1784 года / Ф. Ф. Лашков // ИТУАК. — Симферополь, 1897 [II]. — № 2. — С. 20–30 ; 1897 [II]. — № 3. — С. 36–64 ; 1897 [II]. — № 4. — С. 32–45 ; 1888. — № 6. — С. 36–63 ; 1889. — № 7. — С. 25–45 ; 1889. — № 8. — С. 12–40.

14. Лашков, Ф. Ф. Материалы для истории второй турецкой войны 1787–1791 г. / Ф. Ф. Лашков // ИТУАК. — Симферополь, 1890. — № 9. — С. 71–98 ; 1890. — № 10. — С. 79–106 ; 1891. — № 12. — С. 75–81.
15. Лашков, Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения / Ф. Ф. Лашков // ИТУАК. — Симферополь, 1895. — № 22. — С. 82–115 ; 1895. — № 23. — С. 118–129 ; 1896. — № 24. — С. 72–137 ; 1896. — № 25. — С. 89–158 ; 1897. — № 26. — С. 24–154.
16. Лукашевич, А. А. К истории публикации ордеров Г. А. Потёмкина и П. А. Зубова / А. А. Лукашевич // Археографический ежегодник за 1988 год. — М. : Наука, 1989. — С. 41–46.
17. Лукашевич, А. А. Развитие губернской делопроизводственной документации 70–90-х гг. XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук : 05.25.02 / Александр Анатольевич Лукашевич. — М., 1995. — 242 с.
18. Маркевич, А. И. К истории Крымских архивов / А. И. Маркевич // Труды тринадцатого Археологического съезда в Екатеринославе. 1905. — М., 1908. — Т. 2. — С. 166–173.
19. Маркевич, А. Материалы архива канцелярии Таврического губернатора, относящиеся к путешествию Императрицы Екатерины II в Крым в 1787 году / Арсений Маркевич // ИТУАК. — Симферополь, 1891. — № 11. — С. 76–143.
20. Мурзакевич, Н. Н. Начало книгопечатания в Новороссийском крае / Н. Н. Мурзакевич // Записки Одесского Общества Истории и Древностей (ЗООИД). — Одесса, 1848. — Т. 2. — С. 211–219.
21. Мурзакевич, Н. Н. Собственноручные распоряжения князя Потёмкина-Таврического во время второй Турецкой войны, в царствование Императрицы Екатерины II / Н. Н. Мурзакевич // ЗООИД. — Одесса, 1848. — Т. 2. — С. 657–674.
22. Непомнящий, А. А. Подвижники кримоветения / А. А. Непомнящий. — Симферополь: СГТ, 2008. — Т. 2 : Taurica orientalia. — 600 с.
23. Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784–1796) / Г. К. Киреенко // ИТУАК. — Симферополь, 1897. — № 3. — С. 1–35.
24. Отчет о деятельности Таврической Ученой Архивной Комиссии за 1894 год // ИТУАК. — Симферополь, 1895. — № 22. — С. 126–129.
25. Письма светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического разным лицам ; Ея Величеству доклады князя Потемкина ; [Письма князю Потемкину] / Ф. Брун // ЗООИД. — Одесса, 1872. — Т. 8. — С. 191–237.
26. Протокол открытия Таврической Ученой Архивной Комиссии в г. Симферополе. 24 Января 1887 г. // ИТУАК. — Симферополь, 1897. — № 1. — С. 1–14.
27. Скальковский, А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823 / Сост. Аполлоном Скальковским, к. ас., канд. прав., чл. О-ва сел. хоз-ва Юж. России. В 2 ч. Ч. 1. С 1731 по 1796 год. — Одесса : Гор. тип., 1836. — 289 с.
28. Сообщение члена комиссии Ф. Ф. Лашкова о пересмотре Черноморского тарифа 1782 года / Ф. Ф. Лашков // ИТУАК. — Симферополь, 1897. — № 1. — С. 25–39.
29. Филимонов, С. Б. Хранители исторической памяти Крыма : О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.) / С. Б. Филимонов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Симферополь: Черномор-Пресс, 2004. — 316 с.

Статья поступила в редакцию 25. 12. 2015

Boytsova, E. E., Garas, L. N. *Reviews of the G. A. Potemkin's Activities in the Research Papers of the Historical and Antiquarian Society of Odessa and the Taurida Scientific Archive Commission*

Conducted by the Historical and Antiquarian Society of Odessa and the Taurida Scientific Archive Commission, the research work on the personality and accomplishments of G. A. Potemkin, has been analyzed.

Keywords: Russia, Catherine's era, Potemkin, history of Crimea, Taurida Scientific Archive Commission, Historical and Antiquarian Society of Odessa.

Рассматривается эволюция взглядов на личность и деятельность Григория Александровича Потёмкина в российской исторической науке первой половины XIX века.

Ключевые слова: биография, Потёмкин, историография, мемуары.

В. В. Коваленко, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: cowalenco.vitalij@yandex.ru

КНЯЗЬ Г. А. ПОТЁМКИН В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Выдающийся государственный деятель царствования Екатерины II, Светлейший князь, генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потёмкин-Таврический (1739–1791) не обделён вниманием историков. Ему посвящена обширная и разнообразная литература. Основная масса её появилась, начиная с конца XIX века. В первой половине столетия только начиналось освещение и осмысление жизни и трудов «Великолепного князя Тавриды». Немногочисленные публикации этого времени, посвящённые Потёмкину, в современных библиографических обзорах оцениваются весьма невысоко. Более того, эти оценки повторяют почти дословно мнения исследователей конца XIX века.

В наши дни практически все отечественные работы первой половины XIX века, посвящённые Потёмкину, доступны широкому кругу историков, в том числе и за пределами основных научных центров, благодаря переизданию и электронным копиям. Это позволяет современным исследователям не только цитировать оценки этих трудов предшественниками, но обратиться непосредственно к источникам и сформировать о них собственное мнение. Несомненно, оно должно учитывать как доминирующие в то время стереотипы относительно фаворита Екатерины II, так и ограниченность источниковой базы, имевшейся в распоряжении исследователей того времени.

Первые публикации, посвящённые Григорию Александровичу Потёмкину, появились в Западной Европе уже в первые десятилетие после его кончины. Подробный анализ их сделан Александром Густавовичем Брикнером в 1867 году. Вердикт его строг: «Эти книжки, скудные содержанием, представляют собою сборники анекдотов; в них отчасти есть и полемический тон; на каждом шагу встречаются несообразности и неточности» [4, с. 5].

Тем не менее, подобные сочинения продолжали издаваться и переиздаваться в разных странах, в том числе и России, способствуя формированию тенденциозного общественного мнения. В 1811 году в Санкт-Петербурге вышла в свет книга «Жизнь генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического» [8]. Это был перевод французского издания «биографии» Г. А. Потёмкина, принадлежащей перу саксонского дипломата Георга фон Гельбига. Он прослужил восемь лет в России (с 1787 года), в основном в столице, где завёл широкий круг знакомств.

Свой труд Г. Гельбиг назвал «сборником анекдотов» (анекдот, в тогдашнем понимании, – короткая занимательная история о каком-нибудь известном человеке). Главным источником для автора служили слухи и сплетни в среде иностранных дипломатов. Он не скрывает своего предубеждения и даже раздражения в адрес как Екатерины II, так и Потёмкина. Наряду с фактическими неточностями это придало сочинению Гельбига «характер памфлета или, по крайней мере, скорее публицистического, нежели серьёзно-исторического труда» [4, с. 6].

В распоряжении отечественных историков первой половины XIX века кроме сведений о Потёмкине, содержащихся в сочинениях иностранцев, находились также суждения, высказанные его современниками – российскими государственными и общественными деятелями разного масштаба. Часто в них присутствовали нелюбимые, а то и уничижительные оценки. Так, например, князь Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790), автор известной «Истории российской с древнейших времён», характеризовал Светлейшего князя следующим образом: «Потёмкин – властолюбие, пышность, подобострастие ко всем своим хотениям, обжорливость и, следственно, роскошь в столе, лесть, сребролюбие, захватчивость и, можно сказать, все другие знаемые в свете пороки, которыми или сам преисполнен и преисполняет окружающих его, и тако дале в империи» [20, с. 37].

Наличие подобных мнений можно объяснить не только личными качествами Светлейшего князя, не склонного приспособляться к нормам светского этикета и мнению окружающих. Многие современники были прекрасно осведомлены о крайне недоброжелательном отношении к нему

последнего фаворита императрицы Платона Александровича Зубова (1767–1822) и наследника престола Великого князя Павла Петровича, с 1796 года – Самодержца Всероссийского.

Действительный тайный советник, глава Московского главного архива Фёдор Андреевич Бюлер (1821–1896) в публикации «Черты из жизни князя Потёмкина» в журнале «Древняя и Новая Россия» сообщает о следующем эпизоде. Павел I беседовал с управляющим Императорским кабинетом Василием Степановичем Поповым (1745–1822), в прошлом чиновником по особым поручениям при Г. А. Потёмкине.

Обращаясь к нему, император обвинил покойного Светлейшего князя в расстройстве финансов и затем, «постепенно возвышая голос», трижды поставил вопрос: «Как поправить все зло, которое Потёмкин причинил России»? Вынужденный отвечать, Попов сказал: «Отдать туркам южный берег!» «Ответ был столь чувствителен императору, что он бросился в угол за шпагою». Попов вынужден был бежать, буквально спасая свою жизнь. Затем его предали суду и сослали [5, с. 346]. Очевидно, что при таком отношении к уже почившему Потёмкину со стороны самодержца, похвально отзываться о нём было чревато серьёзными последствиями.

Первым российским историком, давшим в XIX веке публичную оценку Г. А. Потёмкину, стал Николай Михайлович Карамзин (1766–1826). В 1801 году, при новом императоре Александре Павловиче, он составил «Историческое похвальное слово Екатерине Второй» [10]. В первой части этого панегирика Карамзин превозносит полководческий талант Петра Александровича Румянцева-Задунайского (1725–1796) и Александра Васильевича Суворова-Рымникского (1730–1800), удостоенных при Екатерине II звания генерал-фельдмаршала. Однако Н. М. Карамзин не упоминает рядом с ними ещё одного генерал-фельдмаршала – Григория Александровича Потёмкина-Таврического.

Для него он находит место лишь в третьей части «Похвального слова», посвящённой внутренней политике императрицы. Воздав должное державной мудрости Екатерины II, Карамзин продолжает: «Она отличала некоторых, и сие отличие было мерою их важности. Таким образом, видели мы при Екатерине возвышение человека, которого нравственное и патриотическое достоинство служит ещё предметом споров в России. Он был знатен и силен: следственно, немногие могут судить о нем беспристрастно; зависть и неблагодарность – суть два главные порока человеческого сердца. Но то неоспоримо, что Потёмкин имел ум острый, проницательный; разумел великие намерения Екатерины, и потому заслуживал Её доверенность. Ещё неоспоримее то, что он не имел никакого решительного влияния на Политику, внутреннее образование и законодательство России, которые были единственно творением ума Екатерины» [10].

Спустя десять лет Николай Михайлович Карамзин, уже официальный историограф государства, пишет для императора Александра I обширный программный документ, получивший название «Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях» [11]. В этом меморандуме автор вообще не счёл нужным упомянуть среди соратников Екатерины Светлейшего князя Г. А. Потёмкина.

Замалчивание либо умаление деятельности Г. А. Потёмкина характерно для творчества других видных историков-профессионалов во время правления не только Александра I, но и его младшего брата и преемника – Николая Павловича. Не нашлось места для Светлейшего князя в обширном наследии Михаила Петровича Погодина (1800–1875), после смерти Карамзина – самого авторитетного российского историка, профессора Московского университета и академика.

Николай Герасимович Устрялов (1805–1870), также профессор Московского университета, второй после Карамзина официальный историограф империи, автор многотомной «Истории России», включающей и царствование Николая, все то, за что мы ныне чтим Потёмкина, ставит в заслугу лично и исключительно Екатерине Великой. Потёмкина он лишь несколько раз упоминает рядом с ней, причём без всякой оценки.

Возможно, маститые историки следовали формуле – «о мёртвых либо хорошо, либо ничего». Возможно и то, что сыновья Павла Первого либо разделяли отношение отца к покойному фавориту Екатерины II, либо не желали появления похвальных оценок его деятельности, по крайней мере, в официальной историографии.

Вероятность последнего предположения косвенно подтверждается тем, что более полувека оставалась неопубликованной обширная биография Потёмкина, написанная его племянником Александром Николаевичем Самойловым (1744–1814). Он проявил себя с лучшей стороны, как на воинской, так и на государственной службе, достигнув должности генерал-прокурора Правительствующего сената.

Самойлов много лет находился рядом с Потёмкиным, участвуя в важных государственных

делах, включая переговоры с турками. Биография Потёмкина, основанная как на его личных наблюдениях, так и на материалах семейного архива, была завершена в 1812–1814 годах. Однако напечатана она была только в 1867 году и в дальнейшем широко использовалась историками в качестве авторитетного источника [17].

В 1841 году биографический очерк о Г. А. Потёмкине [6] военного историка Александра Васильевича Висковатова (1804–1858) начал публиковать журнал «Русский вестник». По заданию императора Николая I он приступил к созданию капитального труда «Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Работая в архивах, А. В. Висковатов обнаружил, наряду с другими, ранее не обнародованные документы о жизни и деятельности князя Г. А. Потёмкина. Это позволило приступить к написанию его биографии на основательной источниковой базе. К сожалению, публикация вскоре прекратилась, а работа А. В. Висковатова осталась незавершённой.

В итоге получилось так, что отечественные публикации первой половины XIX века, посвящённые Г. А. Потёмкину, принадлежат перу людей, которых сейчас назвали бы дилетантами. Они были увлечены историей, сочиняли исторические произведения, но не имели при этом соответствующего образования и не были обременены официальными должностями и званиями, связанными с профессиональной научной деятельностью.

Первая российская биография Г. А. Потёмкина была напечатана в 1808 году в Москве [7]. Автор в выходных данных книги не был указан. Многие современные историки полагают, что им был отставной офицер, литератор и журналист Сергей Николаевич Глинка (1776–1847), издававший в 1808–1820 и 1824 годах в Москве журнал патриотической направленности «Русский вестник». В 1812 г. практически под тем же названием вышло очередное издание книги с «присовокуплением собрания анекдотов и писем, относящихся до жизни и характера князя Потёмкина» [9].

Из «присовокуплённого собрания» активно цитируются письма фельдмаршала Шарля-Жозефа де Линя (1735–1814), австрийского военачальника и дипломата. В 1782 году он был направлен императором Иосифом II в Россию. С началом Второй русско-турецкой войны Ш.-Ж. де Линь был назначен начальником артиллерии при армии князя Потёмкина, с которым близко познакомился.

Обширное эпистолярное наследие Шарля де Линя позволяет судить о его наблюдательности и писательском таланте. В числе прочего, он дал пространную и в целом комплиментарную оценку личности Г. А. Потёмкина. В 1809 году «Письма и мысли маршала принца де Линя» были изданы в двух томах в Москве [12]. Книга получила известность и долго цитировалась впоследствии практически всеми, кто писал о Г. А. Потёмкине.

В последующие два с половиной десятилетия отечественные историки не уделяли внимания личности Григория Александровича Потёмкина. Лишь в 1836 году в Москве увидел свет обширный «Словарь достопамятных людей русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных литераторов и учёных, известных по участию в событиях отечественной истории» [2].

Автором его был Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский, дипломат и государственный деятель, серьёзно увлекавшийся историей. К этому времени он опубликовал не утративший значения труд «История Малой России от присоединения её к российскому государству до отмены гетманства» (1822 г.) и другие исторические работы.

В четвёртую часть «Словаря» включена статья «Потёмкин-Таврический» [2, с. 192–226]. Практически аналогичная ей по содержанию помещена под номером 28 во второй части другого капитального труда Д. Н. Бантыш-Каменского – «Биографии Российских Генералиссимусов и Генерал-фельдмаршалов», вышедшего в Санкт-Петербурге в 1840 году [1, с. 56–88]. Эти статьи можно считать первой попыткой создать научную биографию Светлейшего князя.

Д. Н. Бантыш-Каменский, уделив традиционное внимание как биографии Г. А. Потёмкина, так и особенностям личности, указывает на несомненные заслуги его перед Отечеством. Так, например, как администратор, Потёмкин добился того, что в «Тавриде, вверенной его попечению, дикие степи превратились в плодородные поля, где повсюду видны были многочисленные, прекрасные стада, благословенные нивы, богатые селения, возвышались многолюдные города» [1, с. 80]. Достигнув высокого положения, отмечает Д. Н. Бантыш-Каменский, Потёмкин не утратил способности заботиться о людях. В 1786 году он «переменял невыгодную одежду войск Русских, велел отрезать косы, бросить пудру; одел солдата в куртку, покойные шаровары, полусапожки и удобную, красивую каску» [1, с. 80].

Младший современник Д. Н. Бантыш-Каменского, журналист Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848), причисленный в советские годы к историкам революционного направления,

несомненно, был талантливым литературным критиком, теоретиком и историком литературы. С осени 1839 до весны 1846 года он руководил отделом критики популярного журнала «Отечественные записки», издаваемого Андреем Александровичем Краевским (1810–1889). В обзоре «Русская литература в 1841 году» В. Г. Белинский пишет:

«Много величавых образов украшает блестящий век Екатерины Великой; но Потёмкин всех их заслоняет в глазах потомства своею колоссальною фигурою. Его и теперь все так же не понимают, как не понимали тогда: видят счастливого временщика, сына случая, гордого вельможу, – и не видят сына судьбы, великого человека, умом завоевавшего своё безмерное счастье, а гением доказавшего свои права на него. Потёмкин – это одна из тех титанских натур, которых душа вечно пожирается ничем не удовлетворяемою жаждою деятельности, для которых перестать действовать значит перестать жить, которым, завоевав землю, надо делать высадку на луну или умирать» [3, с. 286–287].

Одной из самых колоритных фигур среди российских историков первой половины XIX века был Николай Алексеевич Полевой (1796–1846). Сын иркутского купца, он в 1820 году приехал в Москву с поручением отца открыть винокуренный завод. В столице Полевой с головой окунулся в литературную работу. В 1825 году он стал издателем и редактором журнала «Московский телеграф», а с 1841 года – журнала «Русский вестник». Купеческое происхождение и отсутствие систематического образования не смущали Полевого. Он с энтузиазмом приступил к написанию исторических трудов.

В 1828 году вышел первый том его «Истории русского народа», вызвавший шквал насмешек и обвинений. Причиной было то, что книга совершенно не была похожа на труды других российских историков, писавших в духе классического традиционализма Карамзина. Полевой же работал в рамках рационализма. Он был убежден в том, что к его времени историки накопили достаточно много фактов, но не уделяют должного внимания их истолкованию. Поэтому видел главную для себя задачу не столько в отыскании нового конкретно-исторического материала, а в осмыслении уже имеющегося.

Полевой оставил обширное творческое наследие, составившее в общей сложности не менее 20 томов. Одной из последних его работ стала книга «Русские полководцы или жизнь и подвиги российских полководцев от времён императора Петра Великого до царствования императора Николая I», вышедшая в 1845 году в Санкт-Петербурге. Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому в ней уделено 28 страниц [16, с. 144–172]. Заключительная часть статьи содержит краткий историографический очерк. Изучив написанное до него, Н. А. Полевой приходит к выводу: «О жизни Потёмкина было писано много, но ничего не издано удовлетворительного. Лучшая, хотя и краткая, но, к сожалению, не оконченная биография, сочинённая А. В. Висковатовым, помещена была в Русском Вестнике 1841 года. Любопытные подробности находим в Биографиях российских генерал-фельдмаршалов, изданных Д. Н. Бантыш-Каменским. Книги, изданные в 1808 г. в Москве, 3 части, и в 1809 г. в Санкт-Петербурге, 2 части, под одинаковым названием: Жизнь князя Г. А. Потёмкина-Таврического, весьма неудовлетворительны» [16, с. 166–167].

Первая половина XIX века – время становления в России местных исторических школ. В 1836 году в Одессе историк и писатель, директор главного статистического комитета Новороссийского края Аполлон Александрович Скальковский (1808–1898) опубликовал первую часть своего труда «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823» [18].

Две главы в книге уделены масштабной деятельности Потёмкина по административному управлению, хозяйственному и культурному освоению огромной территории, заселению его как российскими подданными, так и колонистами, выходцами из других стран, присоединению Крыма и его административному обустройству, созданию Новороссийского университета. Подробно описывается подготовка края к визиту Екатерины II.

В книге приводится текст указа от 8 февраля 1784 года об учреждении Таврической области, включавшей семь уездов [18, с. 164]. Статистические данные за 1787 год, представленные в работе Скальковского, свидетельствуют о бурных темпах развития Новороссии [18, с. 193–196]. Особенно впечатляет прирост населения пустынного ранее края, численность которого без Таврической области на лето 1787 года составила 688 589 человек [18, с. 195]. На Крымском полуострове в это время проживало до 120 тысяч жителей обоего пола [18, с. 196].

В 1837 году А. Скальковский издал очередной труд – «Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793–1823» [19]. Во «Введении», охватывающем события до 1793 года, автор подчеркнул роль Г. А. Потёмкина в присоединении к России района Хаджибейского залива, где вскоре после безвременной кончины генерал-фельдмаршала была основана Одесса.

Следует отметить работу историка, филолога и этнографа профессора Николая Ивановича Надеждина (1804–1856). Она была опубликована в «Одесском альманахе» за 1839 год под названием «Светлейший князь Потёмкин-Таврический, образователь Новороссийского края» [15]. Итоги деятельности последнего автор подвёл высоким слогом: «Славу нашу составляет благо, нами посеянное, хотя бы и не вполне возвращённое! – Тайны сердца судит Бог: суду людей подлежат только дела и их плоды – Слава Князя Таврического есть Новороссийский край, им завоёванный и созданный!» [15, с. 95–96].

Значительный вклад в разработку истории Северного Причерноморья внесло Одесское Общество Истории и Древностей, основанное в 1839 году при покровительстве генерал-губернатора Новороссии Михаила Семёновича Воронцова. Результаты трудов участников общества публиковались в издаваемых на высоком научном уровне «Записках Одесского Общества Истории и Древностей».

Во втором томе, вышедшем в 1848 году, в статье директора Ришельевского лицея Николая Никифоровича Мурзакевича (1806–1883) отображена деятельность Г. А. Потёмкина по основанию книгопечатного дела в Новороссии [13]. Местом создания первой гражданской типографии в крае стал город Кременчуг. А первой книгой, напечатанной ней – покаянный «Канон вопиющей в грехах души ко Спасителю Господу Иисусу», составленный Потёмкиным [13, с. 211–219].

В этом же втором томе Н. Н. Мурзакевич опубликовал «Собственноручные распоряжения князя Потёмкина-Таврического во время второй Турецкой войны, в царствование Императрицы Екатерины II» [13]. Документы касаются самого широкого круга вопросов, в которые вникал наместник Новороссии – постройка и ремонт судов, артиллерия, доставка необходимых материалов и провианта, строительство казарм, лечение больных солдат и матросов, водоснабжение. В числе прочих – ордер Потёмкина от 27 августа 1783 года №1065 о именовании новозаводимой на Ингуле верфи городом Николаевом [14, с. 672].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что российская историческая мысль в первой половине XIX века постепенно преодолевала сложившиеся к концу предыдущего столетия стереотипы в оценках личности Григория Александровича Потёмкина. Вводились в научный оборот документы, раскрывающие его деятельность, как на общегосударственном, так и на региональном уровне.

Вместе с тем, источниковая база ещё не позволяла в полном объёме оценить роль Потёмкина в истории России. Решение этой задачи стало возможным с конца 1860-х годов, когда с Высочайшего позволения началась масштабная публикация документов времён царствования Екатерины II, позволивших оценить истинную роль в отечественной истории её ближайшего соратника – Светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина.

Список литературы

1. *Бантыш-Каменский, Д. Н.* Биографии Российских Генералиссимусов и Генерал-Фельдмаршалов. В 3 ч. Ч. 2. / Д. Н. Бантыш-Каменский. — СПб. : Тип. Третьего Деп-та М-ва Гос. Имуществ, 1840. — 268 с.
2. *Бантыш-Каменский, Д. Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов Православной церкви, отличных литераторов и ученых, известных по участию в событиях отечественной истории. В 5 ч. Ч. 4: Н – Р / Д. Н. Бантыш-Каменский ; издан А. Ширяевым. — М. : Тип. Лазаревых, 1836. — 396, IV с.
3. *Белинский, В. Г.* Русская литература в 1841 году / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 4. Статьи, рецензии и заметки, март 1841 – март 1842. — М. : Художественная литература, 1979. — 654 с.
4. *Брикнер, А. Г.* Светлейший князь Потёмкин-Таврический / А. Г. Брикнер. — М. : Эксмо, 2014. — 320 с.
5. *Бюлер, Ф. А.* Черты из жизни князя Потёмкина / Ф. А. Бюлер // Древняя и Новая Россия. — 1875. — Т. 3. — № 12. — С. 334–348.
6. *Висковатов, А. В.* Сведения о князе Потёмкине / А. В. Висковатов // Русский Вестник. — 1841. — № 4, 6, 8.
7. Жизнь князя Григория Александровича Потемкина Таврическаго : Взятая из иностранных и отечественных источников. Кн. 1. — М. : Типография Дубровина и Мерзлякова, 1808. — 190 с.
8. Жизнь генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина Таврическаго / пер. с фр. В. А. Левшина. — СПб. : Тип. Ивана Глазунова, 1811. — Т. 1. — 162 с. ; Т. 2. — 140 с.

9. Жизнь князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, : Взятая из иностранных и отечественных источников.: С присовокуплением Собрания анекдотов и писем, относящихся до жизни и характера князя Потемкина. Ч. 3. — М. : Типография Воейкова и ком., 1812. — 208 с.
10. [Карамзин, Н. М.] Историческое похвальное слово Екатерине Второй, сочинённое Николаем Карамзиным / Н. М. Карамзин // Литература и жизнь : сайт. - URL: http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_istoricheskoe_pohvalnoe_slovo.html (дата обращения: 01.02.2016).
11. Карамзин, Н. М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин. — М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 128 с.
12. Линь, Шарль Жозеф де. Письма и мысли маршала принца де Линь / Шарль Жозеф де Линь ; Анна Луиза Жермена де Сталь ; пер. с фр. М. С. Ильинского, А. В. Иванова. — М. : Университетская типография, 1809. — Ч. 1. — 233 с. ; Ч. 2. — 276 с.
13. Мурзакевич, Н. Н. Начало книгопечатания в Новороссийском крае / Н. Н. Мурзакевич // Записки Одесского Общества Истории и Древностей (ЗООИД). — Одесса, 1848. — Т. 2. — С. 211–219.
14. Мурзакевич, Н. Н. Собственноручные распоряжения князя Потёмкина-Таврического во время второй Турецкой войны, в царствование Императрицы Екатерины II / Н. Н. Мурзакевич // ЗООИД. — Одесса, 1848. — Т. 2. — С. 657–674.
15. Надеждин, Н. И. Светлейший князь Потёмкин-Таврический, образователь Новороссийского края» / Н. И. Надеждин // Одесский альманах на 1839 год. — Одесса, 1839. — С. 1–96.
16. Полевой, Н. А. Русские полководцы или жизнь и подвиги российских полководцев от времён императора Петра Великого до царствования императора Николая I / Н. А. Полевой. — СПб. : Типография Константина Жирнакова, 1845. — 379 с.
17. Самойлов, А. Н. Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического / А. Н. Самойлов // Русский архив. — 1867. — Вып. 4, 7, 10, 12.
18. Скальковский, А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823 / Сост. Аполлоном Скальковским, к. ас., канд. прав., чл. О-ва сел. хоз-ва Юж. России. В 2 ч. Ч. 1. С 1731 по 1796 год. — Одесса : Гор. тип., 1836. — 289 с.
19. Скальковский, А. А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793–1823 / А. А. Скальковский. — Одесса : Гор. тип., 1837. — 312 с.
20. Щербатов, М. М. О повреждении нравов в России / М. М. Щербатов. — М. : Im-Werden-Verlag, 2001. — 42 с.

Статья поступила в редакцию 25. 02. 2016

Kovalenko, V. V. Prince G. A. Notes on Prince G. A. Potemkin in the Russian Historiography Records of the First Half of the Nineteenth Century

The article analyzes the evolutionary views on the personality and achievements of G. A. Potemkin in the Russian historical science of the first half of the 19th century.

Keywords: biography, Potemkin, historiography, memoirs.

ИСТОРИЯ. ИСТОРИОСОФИЯ

УДК 94(47).066

Рассматривается вклад Г. А. Потемкина в обустройство и развитие земель Северного Причерноморья, присоединенных к России в правление Екатерины II. Исследование основано на изучении личных распоряжений (ордеров) Потемкина как генерал-губернатора Новороссии. Сделан вывод о том, что вектор экономического развития края в области сельского хозяйства, промышленности, промыслов и транспорта был определен Г. А. Потемкиным на столетие вперед.

Ключевые слова: Потемкин, Новороссия, Крым, экономика, сельское хозяйство, промышленность, промыслы, транспорт.

В. В. Хапаев, доцент, канд. ист. наук

Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе

E-mail: khapaev007@mail.ru

С. А. Бичаков, студент III курса

Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе

E-mail: bichakov@mail.ru

ВКЛАД Г. А. ПОТЕМКИНА В ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НОВОРОССИИ

Один из выдающихся сподвижников Екатерины II, Г. А. Потемкин во многих осуществленных им замыслах и деяниях опередил время. Превращение бывшего Дикого Поля в Причерноморских степях в один из самых передовых и динамично развивающихся регионов империи – один из таких замыслов. Живший в XIX веке историк В. Огарков так оценил заслуги Г. А. Потемкина: «Присоединение Крыма с Таманью, округление южных границ России, оживление и заселение пустынной Новороссии, постройки целого ряда городов на Юге, – основание прочного владычества России на Черном море, постройки обширного флота, – вот главная государственная заслуга князя» [6, с. 32]. Действительно, достижения Светлейшего князя как политического деятеля и полководца невозможно переоценить. Но его заслуги в организации экономического освоения присоединенных земель пока изучены и оценены недостаточно.

Лишь во второй половине XIX в. (в преддверии 100-летия присоединения Причерноморья к России), и в начале XXI века эта тема стала привлекать внимание исследователей. Однако всеобъемлющего труда по данной проблеме еще не создано. В настоящей статье предпринята попытка частично заполнить пробел в наших знаниях о Г. А. Потемкине как строителе Полуденного края. Исследование базируется, в основном, на изучении распорядительной документации князя – его Ордеров.

Г. А. Потемкин был назначен генерал-губернатором Новороссии в 1774 году, сразу после подписания Кючук-Кайнарджийского мира, закрепившего за Россией большую часть Северного Причерноморья, Приазовья и Нижнего Поднепровья. Прежнее название этих мест «Дикое поле» наглядно иллюстрирует, что это были совершенно неосвоенные в экономическом плане места, и экономикой края необходимо было выстраивать фактически «с нуля». В 1783 году в состав Новороссийского края вошли земли упраздненного Крымского ханства, в 1771–1783 годах сильно разоренного русско-турецкими войнами и массовыми эмиграциями, и обезлюдившего.

Поэтому, несмотря на тревожную международную обстановку и постоянную угрозу возобновления войны с турками, Г. А. Потемкин уделял экономическому возрождению присоединенных земель самое пристальное внимание. Причем, его усилия не были хаотичными, а базировались на статистических сведениях о текущем состоянии дел, собираемых по его поручению. Например, после присоединения Крыма к России, были собраны данные:

1. О числе находящихся в Крыму христианских церквей (и соответственно приходов).
2. О числе сохранившихся в Крыму христианских деревень после переселения христиан в Приазовье и Екатеринослав в 1778 году.

3. О годовом доходе (т.е. бюджетных поступлениях) территории бывшего Крымского ханства.

Аналогичные сведения собирались и для других территорий Новороссии [7, с. 286]. Наместник императрицы стремился к тому, чтобы как можно большая часть средств, направляемых на развитие края, собиралась здесь же, за счет налогов. Поэтому, первостепенное внимание Потемкин уделил развитию двух традиционных для региона и весьма прибыльных промыслов – соляного и рыболовного. Об этой созидательной деятельности Потемкина свидетельствуют многие из его Ордеров.

Соляные озера сдавались в откупа так называемым «войсковым товарищам» – привилегированным представителям Запорожского казачества, как правило, отставным. Условия таких откупов можно проследить по Ордеру № 1456 от 19 сентября 1784 года, которым Бердянские соляные озера отдавались в откуп войсковому товарищу Максиму Сабецкому. Месторождение отдавалось на 10 лет, с ежегодной разовой выплатой в казну 500 рублей. Откупщик обязан был обустроить месторождение, построить возле него склады («магазины» по терминологии того времени), а по истечении 10 лет, передать всё это без оплаты в казну в исправном состоянии. На время концессии откупщику разрешалось продавать соль беспошлинно и по любой цене в Екатеринославскую и другие губернии [8, с. 613].

Приведенные выше условия были стандартными, и доходы от сдачи соляных озер в откуп казна получала достаточно большие. Причем, тратились они именно на экономическое развитие края. В течение 1779–1783 годов все переселенцы в Новороссию получали подъемные средства на обустройство за счет «соляных» доходов региональной казны. По данным первого исследователя истории Новороссии А. А. Скальковского, ежегодно это сумма составляла 30 тысяч рублей [10, с. 175].

Еще одним традиционным (и технологически тесно связанным с соляным) промыслом Северного Причерноморья была рыбная ловля и, соответственно, засолка рыбы. Рыбу ловили и в море, и в реках. Причем, среди промысловых рыб были как рыбная мелочь (хамса, килька, ставрида, лугфарь, ласкирь, султанка, сельдь, скумбрия), так и очень ценные и дорогие породы, в первую очередь, осетровые. Поскольку рыбная ловля требует артельной организации, Г. А. Потемкин отдавал на откуп целые рыбацкие поселения. Причем, в некоторых ордерах упоминается по нескольку селений сразу. Например, Ордером № 1617 от 22 октября 1784 года в концессию было отдано сразу несколько рыбных ловов в Крыму и на Тамани. Получателями откупов были опять-таки запорожские «войсковые товарищи» [8, с. 628]. Напомним в этой связи, что Г. А. Потемкин с 1772 года сам состоял в Запорожском казачьем войске (в Кушевском курене) под именем Грицько Нечеса.

Вышеупомянутый документ интересен еще одним фактом: наместник Новороссии не хотел продешевить при определении размера отчислений откупщика в казну, и требовал проводить торги на откупа среди всех желающих, а договор заключать с тем, кто предложит более высокий размер отчислений. В наше время это называется «конкурсной процедурой» [8, с. 628].

Аккумулируемые таким образом средства тратились как на нужды военного снабжения (например, на закупку древесного угля для адмиралтейств Херсона и Севастополя (данные 1784 года)), так и на развитие дорожной инфраструктуры: усилиями Г. А. Потемкина была благоустроена древняя дорога от бывшей турецкой крепости Кизикермен (переименованной в 1784 году в Берислав) на правом берегу Днепра до Перекопа. Именно этим путем, известным как «Кизикерменский шлях» вывозилась из Крыма соль и соленая рыба, а на полуостров завозились различные товары с материка. На дорогах края строились мосты, а для их возведения близ заброшенной турецкой крепости Збурьев (рядом с Кинбурном в дельте Днепра, современный – Железный порт) был восстановлен и запущен в работу кирпичный завод [8, с. 308].

Первостепенное внимание Г. А. Потемкин уделял также возрождению сельского хозяйства в крае, который, согласно популярным в те времена античным источникам, некогда был житницей Древнего Мира. В Ордеру № 69 от 15 августа 1785 года говорилось: «чтобы хлебопашество в сей области (Таврической – В. Х., С. Б.) в надлежащее состояние было приведено... разослать всем татарам, в области живущим и убеждать их к умножению земледелия» [8, с. 654].

Во исполнение этого распоряжения В. В. Каховский, новозначенный правитель Таврической Области, в 1787 году издал циркуляр, предписывавший, «чтобы во всякой деревне каждый дом в свое время высеял сей осенью ржи три четверти, и озимой пшеницы одну четверть, или две четверти пшеницы, а одну четверть ржи, весною же ярового хлеба две четверти, а столько же и впредь в будущее время» [9, с. 679].

Все землевладельцы, в том числе татарские беи и мурзы, поголовно пожалованные в российское дворянство, обязаны были докладывать об успехах земледелия. Напомним в этой связи, что степных татар приучал к земледелию еще хан Менгли Гирей I, и даже сжигал для этого кочевые

юрты; а татары Предгорья (таты) и Южнобережья (йалы), потомки ранее живших в Крыму народов, исконно были земледельцами. Поэтому, вопрос о переучивании местного населения на сельскохозяйственные занятия перед Г. А. Потемкиным и В. В. Каховским не стоял: им важно было организовать процесс и снизить зависимость «Полуденного края» от дорогостоящего завоза зерна из центральных регионов империи.

Одним из любимых детищ Г. А. Потемкина стала организация виноградарства в степях Северного Причерноморья и максимальное возрождение его в Крыму. Орденом от 1790 года (еще в разгаре была очередная русско-турецкая война) он строго предписывал правителю Екатеринославского наместничества М. В. Каховскому, «чтобы во всех казенных и помещичьих селах на берегу моря, от Хортицы до Лимана и по Бугу разводить виноградники, и чтобы профессеры и адъюнкты Екатеринославского университета за этим следили» [10, с. 207].

Упоминание Екатеринославского университета, который должен был стать вторым (после Московского) университетом России, в этой связи показательно. Его строительство началось в 1784 году, на возведение университетских корпусов была отпущена колоссальная сумма в 300 тысяч рублей; на стройке работали тысячи людей, будущих «профессоров и адъюнктов» искали по всей Европе. Но реализовать задуманное Потемкин не успел: с началом в 1787 году войны ассигнования были урезаны, после смерти Светлейшего работы еще более замедлились, а со смертью Екатерины, по указу Павла I, были прекращены [1]. Впоследствии, в 1865 году, Новороссийский университет был открыт в Одессе – новой столице Новороссийского генерал-губернаторства.

Г. А. Потемкин стремился к тому, чтобы плодороднейший край имел многоотраслевое сельское хозяйство, и для этого широко использовал энергию как зарубежных, так и отечественных предпринимателей. Контракт на разведение садов и лесных плантаций в Херсоне в 1783 году был подписан с английским садоводом Моффетом (созданный им в Херсоне парк сохранился до сих пор); а договор на выращивание овощей в Новороссийском крае заключили с мещанином Максимовым из города Ростова Великого, центра тогдашней Ростово-Ярославской губернии, славившейся товарным огородничеством еще со времен Средневековья [10, с. 182].

Г. А. Потемкин обратил также внимание на разведение тутовника (как сырья для производства шелка) и хлопка, для чего выписывал мастеров из Италии и Греции. Заботился он и об улучшении пород крупного и мелкого рогатого скота, зная, что скотоводство в степях Причерноморья тысячами было основным хозяйственным укладом и, при должной организации, могло приносить огромные доходы: «Полуденные места Империи Вашей, – писал Потемкин императрице, – изобилуют руноносным скотом почти больше, чем вся Европа вместе; переменяв шерсть в лучшую, через способы верные и простые, превзойдут в количестве сукон все прочие государства» [11, с. 12].

Одной из важнейших целей стремления России к Черному морю было налаживание экспорта ее товаров в страны Средиземноморья без посредников. Недаром в Кючук-Кайнарджийском мирном договоре 11-й артикул предусматривал право для российских судов свободно и беспошлинно пересекать Черноморские проливы [2]. Однако на практике Г. А. Потемкин столкнулся с проблемой отсутствия необходимых для этого судов – как каботажных, для плавания по Черному морю, так и тем более крупных – для выхода на рынки Средиземноморья.

Первый вопрос решался проще: в июле 1784 года три новых русских порта – Херсон, Феодосия и Севастополь – объявлялись открытыми для торговли, а их обитателям давались всяческие привилегии и выгоды для организации Черноморской торговли [8, с. 608]. Этим побуждались перейти в русское гражданство османские подданные, в первую очередь, греческие судовладельцы.

Решить вторую задачу было сложнее, так как на протяжении трехсот предыдущих лет Черное море было внутренним бассейном Османской империи, международная торговля через него не велась, соответствующей инфраструктуры и корабельного состава не имелось. Поэтому, необходим был иностранный торговый партнер, обладающий необходимым флотом и финансовыми ресурсами, чтобы под русским флагом осуществлять коммерческие рейсы между портами Новороссии и Средиземноморья. Конкурентным преимуществом России было то, что только ее торговые суда (помимо османских) имели право свободного прохода через проливы. В качестве партнера были выбраны обладавшие большим (и зачастую недогруженным) флотом марсельские купцы, охотно принявшие «правила игры». В Херсоне была учреждена купеческая контора Антуана и К^о, которая уже в 1784 году отправила в Херсон из Марселя под российским флагом два судна с товарами. Обратным рейсом они должны были вывезти зерно [10, с. 183].

Именно хлебный экспорт, по мысли Г. А. Потемкина, должен был стать локомотивом экономического развития края. В 1782 году он издал указ о поощрении хлебной торговли

и разрешении вывозить за границу не только рожь, но и другие злаки. Даже излишки военного провианта разрешалось продать на экспорт: «не считая нужным употребление купленной для войск в Крыму пшеницы в полуострове, рекомендую... отпустить оную Константинопольскому купцу Ивану Фроднигу» [7, с. 303-304].

Для обеспечения доставки в черноморские порты экспортного хлеба, в Херсоне были открыты (в дополнение к французской) еще две купеческие конторы – австрийская Фабри и К^о и Польское товарищество [10, с. 163]. Через них осуществлялся подвоз не только хлеба, но и корабельного леса, хотя вышеупомянутый французский купец Антуан получил право самостоятельно заготавливать и спускать вниз по Днепру мачтовую древесину для последующего вывоза во Францию.

Порты Азовского моря (в первую очередь Таганрог) использовались для доставки в Причерноморье леса из Воронежа и железа с уральских и сибирских заводов. Оттуда оно доставлялось морем в Севастополь и Херсон [10, с. 175].

Разумеется, русские купцы тоже стремились выйти через черноморские порты на мировые рынки. И, сталкиваясь с проблемой отсутствия коммерческого корабельного флота, с разрешения Г. А. Потемкина фрахтовали казенные корабли (видимо, суда вспомогательного военного флота). В 1785 году так поступил Елисаветградский сахарозаводчик Иван Масленников [10, с. 182-183].

Развитие морской торговли, как каботажной, так и международной, требовало развития портовой инфраструктуры и, в первую очередь, прокладки судоходных каналов через мелководный Днепро-бугский лиман к речным гаваням. Проект строительства такого канала был выполнен еще в 1785 году, но реализовать его удалось лишь в 1817 году. Та же участь постигла проект строительства каменного моста через Днепр в Бериславе и мощения Бариславского (Кизикерманского) тракта камнем. Эти задумки Г. А. Потемкина удалось реализовать другому легендарному генерал-губернатору Новороссии – М. С. Воронцову [10, с. 177-178].

Одним из главных препятствий к реализации планов по экономическому развитию Новороссии была катастрофическая нехватка людских ресурсов – как в Крыму, так и особенно на материке. Решение этой проблемы Г. А. Потемкин видел в организации переселения в регион подданных Османской империи, европейских стран и обитателей внутренних регионов России. В обустройстве новоселов Потемкину помогали так называемые «осадчие», которые вербовали переселенцев, в том числе беглых крестьян и преступников, селили их на новом месте, и даже подыскивали жен для холостых поселенцев мужского пола [4, с. 36].

Ордером от 25 июня 1784 года Г. А. Потемкин предписывал своим подопечным: «Имея весьма важным предметом поселение земли и привлечение достаточного к тому числа людей из-за границы, предписываю вам в точное и прилежное наблюдение обласкание таковых иностранцев... Я полагаю всех достаточно полезным удовлетворить, а именно каждому дать пару волов, лошадей и корову и всю сбрую, нужную для хозяйства, землю отвести на каждую душу, по восьми десятин, не включая неудобной, также из лесов...» [8, с. 607-608].

Создавая на новых землях дворянское сословие как экономическую и политическую опору самодержавия, Г. А. Потемкин щедро даровал земли как российским дворянам и чиновникам, так и иностранным. В течение первых десяти лет помещичьи имения освобождались от всяких податей и повинностей [4, с. 38].

Иностранцев (как благородного звания, так и иных сословий) старались «подбирать» таких, кто обладал полезными производственными навыками. Примером этого служат распоряжения относительно переселенцев с острова Корсика и из Италии, прибывших на поселение в Херсон в 1784 году. Генерал-губернатор предписывал поселить тех из них, кто обладает навыками земледелия, в Новошведской колонии, основанной по указу Екатерины II в 1782 году близ устья Днепра выходцами со шведского острова Даго [3, с. 1]. Делалось это, вероятно, для того, чтобы южане с берегов Средиземного моря научили северян-шведов навыкам ведения сельского хозяйства в теплых широтах. Ремесленников из числа итальянцев и корсиканцев предписывалось поселить в самом городе [10, с. 160]. Аналогично поступали и с выходцами из Германии, обладавшими навыками рационального ведения сельского хозяйства. С целью распространения полезного опыта, близ Николаева была учреждена земледельческая школа [11, с. 12].

В условиях дефицита рабочих рук, Г. А. Потемкин санкционировал даже поселение в Новороссии старообрядцев. Они основали здесь множество многолюдных и зажиточных слобод: им давали по 50 десятин на двор из 4 человек, на 5 лет освобождали от податей и позволяли молиться по дореформенным книгам [4, с. 37].

Особую заботу власти проявляли об албанских греках, поселенных в 1784 году в опустевшей

Балаклаве и наделенных землями на Южном берегу Крыма. Учитывая воинственность этих людей и их преданную службу России еще во время русско-турецкой войны 1768–1774 годов, из них был сформирован Балаклавский греческий батальон [5, с. 61].

Всего с 1780 по 1787 годы, по распоряжениям Г. А. Потемкина, в Новороссии было роздано 1355 земельных дач, на коих устроено 758 колоний и водворено 76147 душ [11, с. 11].

Таким образом, несмотря на то, что многие экономические проекты Г. А. Потемкина остались незавершенными при его жизни, они на столетия вперед определили вектор экономического и демографического развития Новороссии, ее своеобразие как одного из самых космополитичных и динамично развивающихся регионов Российской Империи.

Список литературы

1. Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара // Википедия – свободная энциклопедия : сайт. - URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Днепропетровский_национальный_университет_имени_Олеся_Гончара (дата обращения: 10.02.2016).
2. Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией // Исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова : сайт. - URL : <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/kuchuk.htm> (дата обращения: 10.02.2016).
3. Малицкая, Ю. Г. Эстонские шведы на юге русской империи : миграция, адаптация и аккультурация переселенцев-колонистов (1781-1871 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ю. Г. Малицкая ; Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара. — Днепропетровск. 2010. — 23 с.
4. Миллер, Д. П. Заселение Новороссийского края и Потемкин / [Соч.] Д. П. Миллера. — [2-е изд. перепеч. без перемен с 1-го]. — Харьков : Паровая Типо-литография М. Зильберг и сыновья. — 1901. — 40 с.
5. Мосхури, И. В. Греки в истории Севастополя : монография. В 2 ч. Ч. 1. / И. В. Мосхури. — Севастополь, 2005. — 440 с.
6. Огарков, В. В. Г. А. Потемкин его жизнь и общественная деятельность / В. В. Огарков. — СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1892. — 80 с.
7. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической Области с 1781 по 1786-й год / Н. Мурзакевич // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей (ЗИООИД). — Одесса, 1881. — Т. 12. — С. 249–329.
8. Распоряжения (Ордера) светлейшего князя Потемкина-Таврического правителю Таврической области В. В. Коховскому за 1784 и 1785 гг. / Ф. Лашков // ЗИООИД. — Одесса, 1889. — Т. 15. — С. 594–677.
9. Подлинный циркуляр 1787 года правителя Таврической области В. В. Каховского, на имя коллежского асессора Ачказа Аги, вследствие повеления, данного ему князем Г. А. Потемкиным принять меры к восстановлению запущенного в области хлебопашества / А. Матвеев // ЗИООИД. — Одесса, 1889. — Т. 15. — С. 678–680.
10. Скальковский, А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823 / Сост. Аполлоном Скальковским, к. ас., канд. прав., чл. О-ва сел. хоз-ва Юж. России. В 2 ч. Ч. 1. С 1731 по 1796 год. — Одесса : Гор. тип., 1836. — 289 с.
11. Щебальский, П. Потемкин и заселение Новороссийского края / П. К. Щебальский. — [Москва] : Унив. тип. (Катков и К°), 1868. — 21 с.

Статья поступила в редакцию 26.02.2016

Khapaev, V. V., Bychakov, S. A. G. A. Potemkin's Involvement in Novorossiia's Economic Development

The article examines G. A. Potemkin's accomplishments in providing for and developing of the Northern Black Sea area after its having become part of Russia under the reign of Catherine II. Based upon the analysis of personal orders issued by Potemkin as Governor-General of Novorossiia, the article comes up with a conclusion that Potemkin had elaborated one-hundred-year strategies for economic development of the region's agriculture, industries, crafts and transport.

Keywords: Potemkin, Novorossiia, Crimea, economy, agriculture, industry, handicraft, transport.

УДК 130.3:316.64

Раскрывается смысл, взаимосвязь и значение категорий «героическое» и «историческая память». Методы их реализации в символическом историко-культурном контексте рассматриваются на примере галереи памятников, посвященных князю Г. А. Потемкину и его эпохе.

Ключевые слова: героическое, историческая память, символизм, памятник, эпоха Екатерины Великой.

Е. Ф. Варнашова, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: varnash.home@gmail.com

ПАМЯТЬ ГЕРОИЧЕСКОГО: СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ Г. ПОТЕМКИН

Актуальность темы обусловлена проблемой формирования новой системы ценностей и исторического самосознания в свете возвращения Крыма и Севастополя в Россию. Это невозможно без понимания сущности исторической памяти, ибо только через историческую память можно понять смысл и значение ситуаций современного.

История не безлика. На ее страницах высечено немало имен, память о которых переживает века. Это – герои. Во все времена люди почитали своих героев. Они были национальной гордостью народов, о них передавались из поколения в поколение предания, складывались легенды. Именами героев называют улицы, им посвящают экспозиции в музеях, о них поют песни и слагают стихи.

Героическое, как выражение глубокой социальной потребности мобилизации духовных и материальных сил народа на решение важнейших вопросов жизни общества исторически необходимо. Именно в осознании этой объективной обусловленности кроются «секреты» героических деяний. Они не иррациональны, не заложены генетически, не предопределены свыше. Героическое – это подлинно человеческий, реальный феномен. В жизни не бывает «черновинов», все пишется и делается человеком сразу набело. Именно в готовности к героическому деянию, к проявлению мужества в ситуациях, выбор должен быть однозначен, проявляется подлинная духовная мощь человека.

Важно понять сущность, истоки, механизм проявления героического. Одни определяют сущность героического с исключительностью поступков; другие – с готовностью самопожертвования во имя идеи; третьи – с высшей мерой самоотверженности в выполнении человеком своего долга. Эти позиции объединяет одно – сущность героизма, раскрывается в представлении этого явления как сложного социального, морального, психологического феномена, где на разных этапах выходят на первый план то одна, то другая сторона.

Героизм – это особая форма поведения людей, выражающая высшую степень социальной активности.

Жизнь полна перемен: социальных, культурных, технических, духовных. Но всегда самой большой ценностью в нравственном спектре человеческих качеств будет оставаться готовность личности к подвигу, подвижничеству, самоотверженности.

Категория «героического» связана с категорией «памяти».

Общественное сознание играет роль социальной памяти нации, народа. Память обеспечивает связь между прошлым и настоящим, и, тем самым, непрерывность развития, как общества, так и отдельного человека. Благодаря памяти объективируется конкретно-исторический опыт человечества, происходит развитие материальной и духовной культуры человечества. Неслучайно И. Гердер отмечал, что культура – это исторический путь, пройденный человечеством.

Общественное сознание в качестве социальной, исторической памяти выполняет функции фиксации, систематизации, сохранения и передачи общественно значимой информации. Таким образом, социальная память является институтом реализации преемственности на уровне духовно-практического освоения мира.

Это осознавалось уже на раннем этапе развития философской мысли. У Платона, уделявшего большое внимание проблеме знания, само знание трактуется как припоминание, память выступает условием достоверного знания. Аристотель подчеркивал, что «как мы можем познавать и научиться чему-нибудь, не имея предшествующего знания?» [1, с. 345]. Из чувственного восприятия возникает способность помнить. А из часто повторяющегося воспоминания об одном и том же возникает опыт. Следовательно, память должна быть в знании, коль скоро оно есть удержание знания. Но это невозможно, ибо всякая память – в душе [1, с. 421-422].

Проблемой памяти занимался и Дж. Локк. Локк подчеркивает, что все идеи приобретаются

только из опыта; воспитание может быть успешным только при условии, если воспитатель воспроизводит перед учащимся ту последовательность впечатлений и идей, которая необходима для правильного формирования характера и ума.

Таким образом, память опирается на опыт. Уже и в мифологии и в сказке проходит идея, что кого боги хотят наказать, того лишают памяти. Народная мудрость гласит, что кто уничтожает прошлое, в того будущее выстреливает из пушки. Через опыт предшествующих поколений происходит социализация человека.

Э. Дюркгейм рассматривает общество не как простую совокупность взаимодействующих людей, а как определенную целостность. Интегрирующей основой общества и являются общие верования, чувства, ценности, нормы. «Силу коллективным состояниям сознания придает не только то, что они являются общими для теперешнего поколения, но особенно то, что они в большинстве случаев завещаны предыдущими поколениями» [3, с. 272].

Героическое предполагает обращение к опыту истории. Содержание героизма меняется по мере развития человечества. Так, например, в древние времена героизм отождествлялся с грубой физической силой. Во времена древнегреческих и древнеримских войн сложился весьма эффективный способ воздействия на сознание воина, формирования в нем высоких боевых качеств – античная мифология. В ней образ героя традиционно наделялся сверхчеловеческой силой. В духовном плане герой пользовался покровительством богов и отождествлялся с высокими нравственными идеалами. Свидетельством тому могут служить героические образы Прометея, Икара, Геракла и др. В эпоху средневековья представления о героическом трансформируются в практику служения божественной идее. Героическое воплощается в рыцарской культуре, создается героический эпос: «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Сиде», «Песнь о Роланде» и др. Эпическая традиция героического получила развитие и в Киевской Руси в известных произведениях: «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет» и др. Произведение Илариона отличается единством патриотической идеи и широкого универсализма общечеловеческих ценностей. Защитнику Руси от шведских и немецких захватчиков посвящена «Повесть о житии Александра Невского» и впервые сложилось его почитание как причисленного к лику святых воина.

В Новое время создаются постоянные профессиональные армии, но потребность в героическом сохраняется. Эпическое истолкование героического дополняется научно-теоретическими изысканиями в понимании, как природы этого феномена, так и способов его формирования. Дж. Бруно пишет трактат «О героическом энтузиазме». Это трактат о преодолении человеком себя, о духовном возвышении и перерождении. Дж. Вико в своей концепции исторического круговорота выделяет вторую эпоху как эпоху героев (аристократическое государство).

Таким образом, еще раз подчеркнем, что понятие героического связано с понятием памяти, исторической памяти.

Слово «память» связано со словом «памятник» (англ., фр. Monument, от лат. Monumentum). Понятие памятника определяется как объект, представляющий собой характерное наследие культурной эпохи, ценное достояние страны, народа, человечества; произведение монументального искусства.

Таким образом, память объединяет в единое смысловое поле сущность прошлых событий. Человек одновременно и помнит, и забывает. Память – исключительно способность человека. С помощью речи и предметной деятельности она выходит за рамки отдельного человека и осуществляется на межиндивидуальном и межкультурном пространстве. Память представляет собой бытие в снятом виде. Память следует понимать как единство прерывного и непрерывного, отсюда восприятие истории интервально, отдельными отрезками.

Известный философ В. С. Библер бытие в культуре рассматривает только через диалог. Культура – это система ценностей, выраженная, в том числе, и в конкретных произведениях литературы и искусства. Библер подчеркивает, что общение в культуре – это не «обмен информацией», не «разделение труда», не «участие в общем деле» или «в общем наслаждении». Это – со-бытие и взаимодействие двух (и – многих) совершенно различных миров – различных онтологически, духовно, душевно, телесно... Культура всегда существовала в одновременном «пространстве» многих культур, в культуре нет разновременности и «снятия». Время культуры всегда – настоящее, то «сегодня», в котором общаются и диалогизируются все прошлые и будущие культуры [2, с. 298].

Э. Дюркгейм подчеркивал, что без символов социальное сознание может иметь только непрочное, случайное существование [3, с. 439]. Памятники являются символами деяний отдельного человека и в целом народа, нации.

Именно героизм является основой бытия Севастополя. Севастополь сам город – музей, город –

памятник. В благоговейном молчании подолгу стоят гости Севастополя у памятников героям Крымской войны, второй героической обороны города и освобождения, у Вечного огня на площади П. С. Нахимова и на Сапун – горе, читают имена Героев Советского Союза, получивших это высокое звание в боях за Севастополь.

В истории Севастополя неразрывно соединились два имени – императрицы Екатерины II и Светлейшего князя Г. А. Потемкина – Таврического, русского государственного деятеля.

Берега Азовского и Черного морей много веков были ареной борьбы русского государства за выход в мировое морское пространство. Первые походы на юг были совершены при Иване Грозном (1556, 1559), два похода на Крым совершил князь Василий Васильевич Голицын (1687, 1689), три похода на юг предпринял Петр I. Но проблема Азовского и Черного морей окончательно была решена только во второй половине XVIII века. Вследствие поражения Турции в войне 1768–1774 гг., по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору (21.07.1774), Россия получила крепости Азов, Керчь, Еникале, Кинбурн и выход в Черное море. Крым и Кубань объявлялись независимыми от Турции, проливы Босфор и Дарданеллы были открыты для прохода русских судов в Средиземное море. Англия и Франция увидели в этом покушение на свои интересы в бассейне Средиземного моря. Начинается упорная и славная борьба за утверждение России на Черном и Средиземном морях. В 1776 году Г. А. Потемкин был назначен губернатором Новороссии, Азова и Астрахани.

В апреле 1783 г. последний крымский хан Шагин-Гирей сложил с себя власть. 8 апреля 1783 года, согласно рескрипту Екатерины II, полуостров Крым, полуостров Тамань и вся Кубанская сторона приняты под державу Российскую. Крым именуется Таврической губернией, управление которой возложено на Г. А. Потемкина. Именно Потемкину обязаны своим возникновением города Днепропетровск (1776), Херсон (1778), Севастополь (1783), Николаев (1789).

Город Херсон стал базой русского кораблестроения. Одновременно было выбрано место для основания главной базы русского Черноморского флота – деревушка Ахтиар (Белый утес). Именно А. В. Суворов оценил стратегическое значение Ахтиарской гавани, отметив, что «подобной гавани не только у здешнего полуострова, но и на всем Черном море другой не найдется, где бы флот лучше сохранен» [7, с. 12-13]. 3 (14) июня 1783 года был заложен город Севастополь, морская крепость юга России. Под руководством Г. А. Потемкина на Черном море велась постройка военного и торгового флотов, сыгравших большую роль в войнах с Турцией. Екатерина II в основном разрешила задачи, унаследованные ею от XVII века: Россия стала твердой ногой на Черном море и завоевала решающий голос в делах европейских. Это была выдающаяся победа русской политики и дипломатии. И огромная роль в этом принадлежит Г. А. Потемкину.

Благодарные потомки этого не забыли; деяния Г. Потемкина Россия всегда чтит. В частности, в местах связанных с деятельностью князя создавались памятники.

Первый памятник Потемкину был возведен на месте, где он скоропостижно скончался 5 октября 1791 г., неподалеку от города Яссы. Сейчас это место находится возле села Рэдений Веки Унгенского района Молдавии. Памятник представлял собой каменный столб, и был возведен на деньги племянницы Потемкина Александры Браницкой. Со временем он был заменен на обелиск высотой более 30 метров. Возле обелиска, непосредственно на месте смерти Потемкина, установлен специальный камень с надписью. Эти памятники сохранились до наших дней.

Однако первым памятником, поставленным в городской среде, можно считать памятник в Херсоне. В ноябре 1836 г., в 45-летнюю годовщину погребения Г. А. Потемкина в Екатерининском соборе, после долгой работы над ним, в Херсоне был открыт памятник Г. А. Потемкину скульптора И. П. Мартоса. Памятник был выполнен из вознесенского серо-красноватого гранита; на пьедестал поставлена отлитая в Академии художеств бронзовая статуя высотой 6,5 метров, князя Потемкина-Таврического, в латах, с открытой головою: у ног его – шлем, в правой руке – фельдмаршальский жезл, а левая рука опирается на меч. На поверхности пьедестала находились медные доски с надписями: «Князю Потемкину-Таврическому Новороссийский край»; «Памятник сей воздвигнут в царствование Государя Императора Николая Первого. При I Новороссийском, и Бессарабском генерал-губернаторе графе Воронцове и при Херсонском гражданском губернаторе I действительном статском советнике Ганскау в 1836 году». Вокруг памятника было поставлено 12 чугунных тумб, соединенных железными цепями. Автором гранитного пьедестала был итальянский архитектор Франц Карлович Боффо. В 1840 году вокруг памятника был высажен бульвар, названный Потемкинским и обнесённый оградой. После революции 1917 года памятник Потемкину был закрыт брезентом, 27 апреля 1921 года снят с постаментов и перенесен во двор Херсонского историко-археологического музея, а в начале 1944 года исчез вместе с отступающими немецко-фашистскими

войсками. В 2003 году, к празднованию 225-летия Херсона, памятник восстановлен скульптором Ю. Степаняном [4].

Изображение Г. Потемкина часто присутствует на памятниках, посвященных Екатерине II. Прежде всего, это памятник «Тысячелетие России». Его создателем является талантливый русский художник и скульптор Михаил Осипович Микешин (1836–1896). Памятник, который решили построить в Новгороде, в центре Кремля на Буевище, был открыт 21 сентября 1862 года. Памятник имеет сложное композиционное решение, посредством которого отражены все важные исторические эпохи и персоналии. Безусловно, присутствует здесь и группа фигур, относящаяся ко времени царствования Екатерины II. Екатерина изображена сидящей на троне; Потемкин в глубоком поклоне подносит ей знамя побежденного Крыма.

В Санкт-Петербурге в 1873 году в центре сквера Александрийской площади был открыт памятник императрице Екатерине II [5]. Из всех фаворитов Екатерины есть изображение только Г. А. Потемкина. Идея установки монумента возникла в 1860 году, спустя 100 лет после воцарения Екатерины II. С 1988 года Екатерининский сад был взят под государственную охрану. В конце 90-х – начале 2000 года была проведена реконструкция сквера и возвращена планировка 1878 года.

Авторство памятника принадлежит художникам М. Микешину, А. Опекушину, М. Чижову, архитекторам Д. Гриму, В. Штереру. Высота скульптуры императрицы Екатерины II – 4,35 м. В руках – лавровый венок и скипетр, у ног – корона Российской империи. На груди императрицы – орден Андрея Первозванного. По кругу пьедестала фигуры сподвижников императрицы: государственный деятель Алексей Орлов-Чесменский, поэт Гавриил Державин, фельдмаршал Петр Румянцев-Задунайский, полководец Александр Суворов, государственный деятель Григорий Потемкин, полярный исследователь Василий Чичагов, президент Российской Академии Екатерина Дашкова, президент Российской академии художеств Иван Бецкой, князь Александр Безбородко.

Не сохранился памятник императрице Екатерине II в Симферополе. Памятник был установлен в 1890 году на территории городского сада. Монумент представлял собой бронзовую статую императрицы на гранитном пьедестале. В правой руке Екатерина II держала скипетр и развёрнутую карту Крыма, левая была простёрта к городу. Вокруг подножья памятника располагались скульптуры государственных деятелей екатерининской эпохи, участвовавших в присоединении Крыма к России – князей Григория Потёмкина и Василия Долгорукова, полководца Александра Суворова, посланника России в Турции Якова Булгакова. Памятник был разрушен при советской власти в 1921 году.

В 2014 году, на фоне исторических событий в Крыму, мэр Симферополя сообщил, что городские власти, после общения с Митрополитом Симферопольским и Крымским Лазарем, намерены восстановить памятник.

В 1900 году воздвигнут памятник основателям Одессы архитектора Ю. Дмитренко и скульптора М. П. Попова. Это – памятник Екатерине Великой и её сподвижникам – де Рибасу, де Волану, Г. Потемкину и П. Зубову. В 1920 г. памятник был демонтирован. Восстановлен в 2007 году.

В Духовщине, в Смоленской области, памятник светлейшему князю Г. А. Потёмкину-Таврическому открыт 4 января 2011 года. Торжественная церемония открытия памятника состоялась на следующий день после 220-летнего юбилея взятия Измаила русскими войсками под командованием А. В. Суворова, которые входили в состав армии князя Г. Потёмкина.

Памятника князю Г. А. Потемкину в Севастополе нет, и не было, хотя его имя напрямую связано с историей города русской славы. В 1787 году именно Г. А. Потемкин организовал и обеспечил путешествие Екатерины II в Таврию и Тавриду. Участие в поездке австрийского императора Иосифа II под видом графа Филькенштейна, послов Англии и Франции, аккредитованных в Санкт-Петербурге позволяло продемонстрировать европейским государствам готовность России к войне с Турцией, тем более, что Англия была обеспокоена все возрастающей мощью России и, опасаясь за свои позиции на Ближнем Востоке и Средиземноморском побережье, исподволь готовила Турцию к войне с Россией. Всех путешественников поразил вид Ахтиарской бухты с кораблями Черноморского флота. Эскадра насчитывала 3 линейных корабля, 12 фрегатов, 3 бомбардирских и 20 мелких судов. Восхищенная императрица провозгласила тост за здоровье Черноморского флота. В Севастополе гости находились с 22 по 24 мая 1787 г., 2 июня кортеж покинул пределы Крыма. Вояж Екатерины II на юг России укрепил позиции князя Г. Потемкина, его деятельность получила полное одобрение. Но впереди была новая русско-турецкая война. Рядом с князем Г. Потемкиным отстаивали южные рубежи А. В. Суворов, Ф. Ф. Ушаков. В 1791 году Турция подписала Ясский мирный договор, по которому к России отошло Черноморское побережье

от Южного Буга до Днестра. Состоялось становление Севастопольской крепости как порта и базы основной эскадры Черноморского флота. Началась морская слава Севастополя.

Не случайно центральная улица дореволюционного Севастополя называлась Екатерининской (сейчас – улица Ленина). Именно на ней был открыт 15 июня 2008 года, во время праздничных мероприятий, посвященных 225-летию со дня основания города-героя Севастополя, памятник императрице Екатерине II (авторы – скульптор Станислав Чиж и архитектор Григорий Григорьянц).

И вот, 3 июня 2015 года в Севастополе прошла торжественная церемония установки закладного камня на месте будущего памятника князю Г. А. Потемкину. Участниками этого действия были представители всех фракций Госдумы РФ и губернатор Севастополя С. Меняйло [6].

Памятники следует рассматривать как часть культурной реальности и образ хронотопа. С учетом того, что культурный ландшафт создает среду обитания конкретной нации, государства, то памятники также способствует дальнейшему развитию национального самосознания через осознание родовых связей и общечеловеческого в культурном бытии. И когда в этом социокультурном пространстве совершаются различные торжественные ритуалы, человек рождается еще раз духовно посредством серии обрядов – переходов. В этих посвящениях происходит коренная перемена онтологического состояния или общественного статуса.

Действие объективных законов истории определяет лишь характер и направление исторического потока, а его особенности, интенсивность и неповторимость обуславливается борьбой человеческих волей, горением страстей, талантом или невежеством людей, стоящих у истоков тех или других событий.

Понятие героического бытия не является отвлеченным и в наше время, ибо каждому не раз приходилось или придется делать моральный выбор, который не всегда бывает простым и однозначным. Героизм как социальное, нравственное явление в новых условиях должен приобрести новые черты, войти в ценностную систему, а для этого надо хорошо знать свое прошлое, чтоб Отчизне посвятить «души прекрасные порывы».

Героические традиции – вечное напоминание, напоминание о прошлом, напоминание о том, что связь времен и культур осуществляют люди и самая глубокая «загадка» силы традиции – в ее преемственности. Усвоение заветов, опыта, нравов, обычаев наших предшественников делает великую связь времен неразрывной, прочной, динамичной. Кто не знает, не помнит героического прошлого, тот не может быть духовно богатым.

Список литературы

1. *Аристотель*. Сочинения. В 4 т. Т. 2. / Аристотель ; [ред. и авт. предисл. З. Н. Микеладзе]. — М. : Мысль, 1978. — 685 с.
2. *Библер, В. С.* От наукоучения – к логике культуры : Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. — М. : Политиздат, 1991. — 412 с.
3. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда ; Метод социологии : [Пер. с фр.] / Эмиль Дюркгейм ; Изд. подгот. А. Б. Гофман ; [Примеч. В. В. Сапова]. — М. : Наука, 1991. — 572 с.
4. Памятник Григорию Потёмкину (Херсон) // Википедия — свободная энциклопедия : сайт. — URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_Григорию_Потёмкину_\(Херсон\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_Григорию_Потёмкину_(Херсон)) (дата обращения: 04.01.2016)
5. Памятник Екатерине II (Санкт-Петербург) // Википедия — свободная энциклопедия : сайт. — URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_Екатерине_II_\(Санкт-Петербург\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_Екатерине_II_(Санкт-Петербург)) (дата обращения: 04.01.2016)
6. Памятник князю Потемкину в Севастополе решили установить, несмотря на протесты горожан / SevNews.info // Новости Севастополя : сайт. - URL: <http://sevnews.info/rus/view-news/Pamyatnik-knyazyu-Potemkinu-v-Sevastopole-reshili-ustanovit-nesmotrya-na-protesty-gorozhan/19657> (дата обращения: 10.02.2016).
7. *Скориков, Ю. А.* Севастопольская крепость / Ю. А. Скориков. — СПб., 1997. — 320 с.

Статья поступила в редакцию 5.03.2016

Varnashova, E. F. *His Highness Prince G. Potemkin: The Heroic Memory*

The article unveils the meaning and relevance of “the heroic” and “historical memory” concepts. With the gallery of monuments to G. A. Potemkin and his epoch taken as an example, ways of the concepts` integration into the symbolic historical and cultural context are looked upon.

Keywords: “the heroic”, historical memory, symbolism, monument, Catherine the Great`s era.

Анализируется оценка личности и деятельности князя Г. А. Потемкина-Таврического его современниками и историками. Делается вывод, что противоречивость оценки вызвана неоднозначным отношением к политике России на юге и в Крыму. Подчеркивается, что деятельность князя была связана с перенапряжением государственных сил, но оправданием этому могут служить масштабы задуманного Потемкиным плана усиления могущества империи. Наиболее негативное восприятие личности и деятельности князя Потемкина характерно для зарубежной историографии, что вызвано опасением растущего геополитического влияния России.

Ключевые слова: князь Потемкин-Таврический, историография, геополитика, Россия, Крым.

Н. С. Жиртуева, доцент, д-р. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: zhr_nata@bk.ru

ЛИЧНОСТЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОКОВ И ИСТОРИКОВ

В 2016 году отмечается 225 лет со дня смерти князя Г. А. Потемкина-Таврического, но до сих пор в научно-исследовательской литературе нет единого мнения в оценках его личности и деятельности. Не было единогласия и среди его современников. Одни называли Потемкина великим и гениальным человеком, другие – «князем тьмы».

Исследованием личности и деятельности князя Г. А. Потемкина-Таврического занимались такие представители отечественной исторической науки как Д. Багалей, Д. Бантыш-Каменский, А. Брикнер, О. Елисеева, Е. Дружинина, В. Огарков, Н. Полевой, а за рубежом – Г. Адамчик, Р. Михель, Т. Шиман, Г. Соловейчик и др.

Во время исследования мы сталкиваемся с одним из основных препятствий: имеем в своем распоряжении множество писем, написанных самому Потемкину, множество отзывов о нем, но его собственных писем очень мало. Помимо этого по отношению к екатерининской эпохе сложилось много выдумок и рассказов анекдотического характера.

И все же, каким он был, Григорий Александрович Потемкин? Честолюбцем и сибаритом, который ради удовлетворения прихотливых капризов пользовался данным ему могуществом и богатством? Или мудрым государственным деятелем, благодаря прозорливости которого Российская империя приросла новыми территориями и усилила свое геополитическое положение на юге? Почему так противоречивы оценки его личности и результатов деятельности среди современников и потомков?

Личность и деятельность князя Г. А. Потемкина в оценке его современников. Точная дата рождения Г. А. Потемкина неизвестна. Относят ее к периоду с 1736 по 1742 гг. Уже в юные годы проявилась противоречивость натуры Григория. Своим товарищам он говорил, что хочет непременно быть или архиереем или министром. Неслучайно сын бедного смоленского дворянина сначала обучался в смоленской семинарии, а потом в светском учебном заведении – Московском университете. Там он показал быстрые успехи, и даже получил в награду золотую медаль (1756 г.). В 1757 году в числе двенадцати лучших воспитанников Потемкин отправился в Санкт-Петербург, где был представлен самой Елизавете Петровне. Однако, как замечает историк Д. Бантыш-Каменский, Григорий быстро соскучился единообразным учением, перестал ходить в университет, и был исключен «за нехождение» [3].

В выборе будущего Григория большую роль сыграло честолюбие. «Честолюбивый нрав его не мог довольствоваться саном пастыря Церкви, желал повелевать многими, гонялся за славою и внушил ему счастливую мысль сблизиться с Двором военною службой» [3]. Одним из первых, кто предвидел будущее Потемкина, был епископ Амвросий Зертис-Каменский, который одолжил ему на дорогу 500 рублей. Но свой долг Григорий так и не вернул, в чем проявилась одна из черт его характера: он не любил платить долги, будучи даже в зените могущества и славы.

Не имея значительных денег и покровителей, Потемкин смог приобрести покровительство братьев Орловых, а в 1762 году, при восхождении Екатерины на престол, был лично отмечен Императрицей, и за свое участие в перевороте получил 400 душ, два чина и 10 тысяч рублей. После 1762 года Потемкин стал часто бывать при дворе. Выполняя разного рода поручения, он достиг статуса действительного камергера уже в 1768 году.

Относительно причин стремительного восхождения и дальнейшего успеха Григория Потемкина

нет единого мнения. Современники отмечают среди основных причин его красивую внешность. Потемкина узнавали, по словам его племянника А. Н. Самойлова, «по возносящейся выше прочих главе». Для женщин своего времени он был неотразим. Иногда, особенно в зрелые годы, общее впечатление портила угрюмость: лицо Потемкина прямо-таки принимало зверское выражение, когда он хмурил лоб, уставившись одним глазом на собеседника. Но даже в свои самые старые годы, по словам принца де Линя, который одно время служил у Потемкина, «сгорбленный, съезженный, невзрачный, когда остается дома, – выпрямляется, вскидывает надменно голову, он горд, прекрасен, величествен, увлекателен, когда является перед своею армией, точно Агамемнон в сонме греческих царей» [10, с. 28]. Однако посол Англии Гуннинг не находил во внешности Потемкина ничего привлекательного и даже считал его непропорционально сложенным [4, с. 28].

Было бы ошибочно считать основной причиной восхождения Г. А. Потемкина была исключительно привлекательная внешность. Его возвышение началось не в Санкт-Петербурге, а во время первой русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Прекрасно понимая, что от этого зависит все его будущее, Потемкин был организатором и исполнителем самых рискованных операций, проявив и храбрость, и военную смекалку. Из письма главнокомандующего генерал-аншефа А. Голицына узнаем: «Непосредственно рекомендую Вашему Величеству мужество и искусство, которое оказал в сем деле генерал-майор Потемкин, ибо кавалерия наша до сего времени еще не действовала с такой стройностью и мужеством, как в сей раз, под командою вышеозначенного генерал-майора». Именно в это время между Потемкиным и императрицей завязывается переписка: «... с любопытством прочитывая все письма, государыня видела, с каким чувством любви и с какою похвалою изъясняется Потемкин на счет ее особы; она сперва приказывала передавать ему словесные ответы, а потом сама принялась за перо и вела с ним переписку» [10, с. 16-17].

Командующий войсками П. Румянцев-Задунайский писал в письме к Екатерине: «Не зная, что есть быть побуждаемому на дело, он сам искал от доброй своей воли везде употребление. Сколько сия причина, столько другая, что он во всех местах, где мы ведем войну, с примечанием обращался и в состоянии подать объяснение относительно до нашего положения и обстоятельств сего края, преклонили меня при настоящем конце кампании отпустить его в Санкт-Петербург во удовольствие его просьбы, чтобы пасть к освященным стопам Вашего Императорского Величества» [5, с. 141].

Наградами Потемкину за его доблесть в боях стали чин генерал-поручика, ордена святой Анны и святого Георгия 3-й степени. Заметим, что оба главнокомандующих отличались независимостью мышления, и нельзя упрекнуть их в желании угодить будущему фавориту. В дальнейшем Потемкин убеждал Екатерину не стеснять Румянцева инструкциями, предоставить ему большой простор в военных действиях. Будучи сам талантливым военным, Григорий Александрович способствовал продвижению других талантов – Федора Ушакова и Александра Суворова. Суворов в 1789 г. писал о нем: «Он честный человек, он добрый человек, он великий человек: щастье мое за него умереть», «Великий человек, велик умом, велик и ростом, не походил на того высокого французского посла в Лондоне, о котором канцлер Бакен сказал, что чердак обыкновенно худо меблируют» [4, с. 247].

Румянцев блестяще предугадал будущее Потемкина, жизнь которого с 1774 г. кардинально изменилась. Генерал-поручик был отозван в Санкт-Петербург, наделав своей карьерой много шума при дворе. Генерал-аншеф и сенатор П. И. Панин написал: «Мне представляется, что сей новый актер роль свою играть будет с великою живностью и с многими переменами» [10, с. 23]. При дворе опасались, что данные ему власть и влияние Потемкин использует в корыстных целях. Гуннинг высказался так: «Принимая во внимание характер человека, которого императрица так возвышает и в чьи руки она, как кажется, намеревается передать бразды правления, можно опасаться, что она сама для себя изготовит цепи, от которых ей в последствие нелегко будет освободиться» [4, с. 29].

Более всего впечатляет список деяний Потемкина, совершенных им за 18 лет славы и могущества. В 1775 г. он решительными действиями подавляет восстание Е. Пугачева и ликвидирует Запорожскую Сечь, что положило начало запорожскому казачьему войску, подвластному российской короне. В 1776 г. он становится генерал-губернатором Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний. Правитель юга обдумывает знаменитый «греческий проект», который не шутя занимал Екатерину и был пугалом для Европы. Потемкин мечтал завоевать Турцию, взять Константинополь, «войти при плесках в храм Софии», водрузить там крест и образовать из столицы Порты центр громадного христианского государства. Сардинский посланник де-Парело писал в своих воспоминаниях, что князь Потемкин «задумал план расширения владений России до Черного моря с целью открыть более удобный путь сбыта для произведений этой обширной империи, а впоследствии, быть может, поглотив самую плодородную часть владений султана» [9, с. 115-116].

Для реализации своего грандиозного замысла Потемкин начинает освоение южных земель и Крыма, основывая здесь ряд новых городов, первым из которых стал город Херсон (1778). В 1783 году началось строительство Севастополя как военного и морского порта России, а также создание Черноморского флота.

В 1784 г. Екатерина произвела своего помощника в генерал-фельдмаршалы, назначила Президентом Военной коллегии и Генерал-губернатором Крыма, наименованного Таврической Областью. Как Президент Военной коллегии, Потемкин заботился о развитии и укреплении русской армии, провел ряд преобразований в строевой службе и экипировке личного состава (отменил косички и букли, ввел для солдат удобное обмундирование и обувь и др.). Следует заметить, что «многие мероприятия его отличались редкою для того времени гуманностью». Потемкин смягчил наказания солдат, и Екатерина в этом вопросе его поддержала. «В народе и в войске он был весьма популярен, о чем можно судить по сочиненным в честь его народным и солдатским песням [1, с. 184].

В 1787 г. Григорий Александрович сопровождал императрицу в поездке на юг, до самого Севастополя. При прощании в Харькове она, восхищенная всем увиденным, пожаловала его титулом «светлейшего князя Таврического». В своем письме к князю Екатерина напишет так: «Друг мой сердечный, Григорий Александрович! 3-его дня окончили мы свое 6000 верстное путешествие и с того часа упражняемся в рассказах о прелестном положении мест Вам вверенных губерний и областей, о трудах, успехах, радении и усердии и попечении, и порядке, Вами устроенном повсюду, итак, друг мой, разговоры наши почти непрестанные, замыкают в себе либо прямо, либо сбоку, твое имя, либо твою работу» [10, с. 57].

А в 1787 – 1791 годах неутомимый Потемкин уже участвует в новой русско-турецкой войне, возглавляя 1-ю, Екатеринославскую, армию, и одновременно руководя действиями Черноморского флота. В феврале 1791 г. Потемкин отправляется в Петербург, где в подаренном ему Таврическом дворце организывает пышный праздник в честь Екатерины, который фактически стал их прощанием. Получив известие о победе над Турцией, Потемкин вернулся на юг, чтобы продиктовать свои условия мира Константинополю. Но к этому времени его здоровье было уже сильно ослаблено, в Яссах он почувствовал недомогание, больным изъявил желание выехать в Николаев и по дороге скончался. С большой торжественностью Потемкин был похоронен в построенном им Херсоне.

Екатерина была необыкновенно опечалена смертью Потемкина: «Князь Потемкин своею смертью сыграл со мной злую шутку. Теперь вся тяжесть правления лежит на мне одной». «Как можно Потемкина мне заменить? Все будет не то... Он был настоящий дворянин..., меня не продавал; его нельзя было купить» [4, с. 232-233].

Действительно, получив во всем поддержку государыни, Григорий Александрович фактически стал ее соправителем, ближайшим помощником во всех государственных делах. Екатерина нашла в Потемкине друга, союзника, советника во всех вопросах внутренней и внешней политики. Самая счастливая эпоха, наполненная громкими делами Екатерины, совпадает со временем могущества Потемкина и его влиянием на государыню. За это Потемкин баснословно вознаграждался деньгами, чинами, дарами. Нет смысла перечислять все это, список занял бы очень много места. Только с 1774 по 1784 гг. он получил от Екатерины деньгами и драгоценностями 18 млн. рублей [6, с. 106]. Деньги для тогдашней России колоссальные. И это не учитывая дареных дворцов, деревень и другой недвижимой собственности.

В переписке отражены реальные отношения этих двух великих людей. Императрица часто скучает без Потемкина, проявляет заботу о нем: «...не токмо помню часто, но и жалею и часто тужу, что ты там, а не здесь, ибо без тебя я как без рук», «ты мне очень, очень надобен, так прошу тебя всячески беречь здоровье». Григорий называет ее «моя щедрая мать», а Екатерина очень часто «батенькой» [4, с. 45, 50].

Потемкин имел противоречивую натуру: бывал спесив и обходителен, щедр и скуп, любил и простоту, и роскошь. Бесспорно, слава и богатство князя способствовали развитию противоречивости его души. Сегюр высказался так: «Иногда он обнаруживал гений орла, иногда легкомыслие ребенка. Великие предметы заставляли его действовать, мелочи останавливали его действия. Занявшись устройством фабрик, он после о них не заботился; купив что-либо, он сейчас был готов продать эту вещь, часто он опрокидывал то, что только что им самим было построено». Даже А. Н. Самойлов признавал, что громадные доходы князя были недостаточны для расходов его, что он беспечно предоставлял другим людям ведение своих дел [4, с. 244, 272]. Совершенно справедливо упрекали Потемкина в бесцеремонном обращении с деньгами и людьми, создании целой толпы никчемных людей у трона, расхищавших государственное добро.

Противоречивость натуры князя отразилась и на его деяниях. Потемкин хотел превратить южную Россию в богатый край. Приглашение колонистов, закладка городов, разведение лесов и виноградников, поощрение шелководства, учреждение школ, фабрик, типографий, корабельных верфей – всё это предпринималось чрезвычайно размахисто, в больших размерах, причем Потёмкин не щадил ни денег, ни труда, ни людей, ни себя. Много было начато и брошено, другое с самого начала оставалось на бумаге. Неслучайно Иосиф II написал после своего путешествия в Крым: «Я вижу во всем этом гораздо более эффекта, нежели внутренней цены. Князь Потемкин деятелен, но он гораздо лучше умеет начинать, нежели довершать» [4, с. 98].

Бесспорно, Потемкин был баловнем судьбы. Сардинский посланник маркиз де-Парело выразился так: «Потемкин – необыкновенный человек... Он баловень счастья... он сам сказал, что все проекты, вышедшие из его головы, имели успех, и, что по этой причине он чрезвычайно предприимчив... Идол, которому мы здесь кадим, странное существо... Князь такой человек, который возвысился столько же своим умом, сколько по счастливому стечению обстоятельств... Он более имеет природного ума, чем образования, он обладает главным из всех дарований, необходимых великому министру – способностью распознавать людей» [9, с. 115-118].

Неудивительно, что у Потемкина было много недоброжелателей. Писатель А. Болотов отзывался о князе так: «Потемкин ворочал всем государством; он родился во вред оному, ненавидел свое отечество и причинил ему неизреченный вред и несметные убытки алчностью своей к богатству; от него ничего ожидать было не можно, кроме вреда и пагубы. Все государство обрадовалось по случаю разнесшейся молвы, что пришел он в немилость императрицы. Однако оказалось, что он опять превозмог и продолжал по-прежнему дурить, обжираться, и делать проказы нimalo с таким саном несообразным». Историк князь М. Щербатов также нелестно отзывался о качествах личности Потемкина: «Властолюбие, пышность, подобоострастие ко всем своим хотениям, обжорливость и следственно роскошь на столе, лесть, сребролюбие, захватчивость и все другие пороки знаемые в свете» [4, с. 274-275].

Проливает свет на противоречивость высказываний о личности Потемкина суждение о нем принца де-Линя, который видел в характере князя много исполинского, романтического и варварского. По мнению А. Г. Брикнера, соседство такого гиганта для людей, обладавших только пороками «светлейшего» без его дарований, было невыгодно. Потемкин всегда был окружен раболепием и завистью, потому что несмотря ни на что продолжал оставаться для Екатерины самым близким человеком. Перед ним пресмыкались и лебезили самые знатные и высокопоставленные особы, втайне желая скорейшего падения. И Потемкин знал, как к нему относятся, но нimalo не переживал по этому поводу. Когда начал возвышаться Ермолов, сказал Сегюру: «Не беспокойтесь: меня не погубит этот мальчик, и вообще нет никого, кто бы осмелился это сделать. Я слишком презираю моих врагов, чтобы бояться их» [4, с. 53, 78].

Интересна характеристика Потемкина, данная ему графом Эстергази: «Никто не станет отрицать в нем обширных, гениальных способностей, приверженности к монархии, радения о государственной славе. Но ему ставят в упрек его леность, нарушение заведенных порядков, страсть к богатству и роскоши, чрезмерное уважение собственной личности и разные причуды, до такой степени странные, что иной раз рождалось сомнение – в здравом ли он уме. От всего этого он скучал жизнью и был несчастлив, и ты легко поймешь это: он не любил ничего» [4, с. 243].

Племянник князя Л. Н. Энгельгардт рассказал однажды об эпизоде, произошедшем за столом, когда Потемкин сказал следующие слова: «Мог ли человек быть счастливее меня? Все, чего желал я, все прихоти мои исполнялись как будто каким очарованием; хотел чинов и орденов – имею; любил играть – проигрывал суммы несчетные, любил давать праздники – давал великолепные; любил дорогие вещи – имел столько, что ни один частный человек не имеет так много и таких редких; словом, все страсти мои в полной мере выполнялись». Проговорив все это, он бросил фарфоровую тарелку на пол, разбил ее вдребезги, ушел в спальню и заперся там [4, с. 46]. Сам себя Потемкин называл «l'enfant gate de Dieu», т.е. «ребенок от Бога».

Личность и деятельность князя Г. А. Потемкина в историографии. Если столь противоречивы оценки личности и деятельности князя Г. А. Потемкина людьми, которые непосредственно с ним соприкасались, то, что же говорить об исследователях последующих эпох? В историографии мы можем наблюдать, во-первых, периоды забвения и повышенного интереса к личности князя, а, во-вторых, самые противоречивые сочинения о нем – от хвалебных до язвительно-критических.

В годы правления Павла I (1796–1800) начался период «злобного охаивания памяти величайшего государственного и военного деятеля, полководца, политика, дипломата, администратора и строи-

теля, реорганизатора и преобразователя армии, создателя Черноморского флота, основателя Херсона, Севастополя, Николаева и многих других замечательных городов» [14, с. 30]. Павел уничтожил изготовленную по распоряжению Екатерины II грамоту с перечислением заслуг Потемкина, приказал перезахоронить прах князя и разрушить памятник князю, который еще не был построен.

Под влиянием политики русофобии, поддерживаемой Павлом, в зарубежной историографии конца XVIII века сложилось крайне негативное отношение к личности и деятельности Потемкина. С 1797 по 1804 г. в Германии выходит ряд книг о России, среди главных персонажей которых был Потемкин. Автор этих сочинений секретарь саксонского правительства Г. А. В. Гельбиг, служивший в Петербурге в последние годы царствования Екатерины, собрал обширную коллекцию слухов, сплетен и небылиц о русской жизни, о нравах русского двора. С особым предубеждением и неприязнью он писал о Потемкине. В его книге «Потемкин-Таврический» акцентируется внимание на честолюбии, тщеславии Потемкина, несостоятельности его мероприятий на юге, впервые употребляется термин «потемкинские деревни». Этот миф можно считать одним из первых проявлений информационной войны проводимой Западом против России.

Сочинения Гельбига переводились и издавались за пределами Германии. Они оказали влияние на зарубежную историографию XIX–XX вв., на сочинения Теодора Шимана (1916) и Роберта Михеля (1935). От привычной для западной историографии оценки деятельности Г. А. Потемкина постарались отойти в своих работах Т. Адамчик (1936) и Г. Соловейчик (1938).

В самой России первым сочинением о князе Потемкине стало двухтомное издание «Жизнь князя Григория Александровича Потемкина Таврического, взятая из иностранных и отечественных источников» (1808), которое носило хвалебный характер. Книга Г. Гельбига была издана в России в 1811 году. Реакцией на ее появление было написание в 1812 году племянником князя А. Н. Самойловым «Жизни и деяний Генерала-Фельдмаршала Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического». Однако издана была эта книга только в 1867 году.

А. Н. Самойлов писал так: «Некто иностранный писатель, по наущению ли недоброжелателей или по собственному ожесточению, старался изобразить князя Потемкина Таврического такими чертами, по коим бы и самые важные его заслуги казались событиями случайности его и слепого счастья; наполнил повествование свое лживыми сплетениями и нелепостями, которые здравым рассудком и соображением с законами и обыкновениями российскими сами собою опровергаются. Но к сожалению такие лживые вымыслы многим нравились, и то сочинение переложено на отечественный язык без всякого исправления... Но всякой россиянин познает из сего, что автор сей был из числа иностранных невежд, что он верил площадным рассказам и не знал ни законов, ни обычаев русских» [13, с. 131].

Старательно перечисляя все заслуги Потемкина перед Отечеством, Самойлов утверждал, что «с самого возвышения своего по кончину, в продолжение 18-ти лет, он был ближайший при своей монархине и, имея полную доверенность ее, приобретенную поверхностью над всеми частями государственного управления, не омрачил жизни своей ни любостязанием, ни ненавистью, ни губительством завистников своих, ни мщением тех, кои ему вредить старались; но, воспаряя к славе по стезе, указанной ему от премудрой государыни, быв выше всех других страстей, оправдал выбор ее в полной мере» [13, с. 129].

В 1836 году сбылось, наконец-то, завещание Екатерины II: Потемкину был «воздвигнут монумент» в основанном им Херсоне, а через два года вокруг него разбит Потемкинский сквер. Скульптурную фигуру Потемкина создал И. П. Мартос, а пьедестал для нее – итальянский архитектор К. Ф. Боффо.

Несмотря на то, что XIX век считается веком романтизма и истории, никто из авторитетных российских историков так и не удостоил своим вниманием личности и деятельности князя Г. А. Потемкина-Таврического. Некоторое внимание уделил Потемкину в «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельмаршалов» (1840) историк Д. Бантыш-Каменский и историк Н. А. Полевой в своей книге «Русские полководцы или жизнь и подвиги российских полководцев от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I» [3; 12].

Д. Бантыш-Каменский так написал о Потемкине: «Он выходил из круга обыкновенных людей своего века, отличаясь разительными противоположностями... Ничто не могло равняться с деятельностью его воображения и его телесною ленью. В его делах, удовольствиях, нраве, походке – приметен был какой-то беспорядок. Иногда мечтал он о герцогстве Курляндском, короне Польской; в другое время желал быть архиереем, простым монахом; строил великолепные дворцы и, не окончив, продавал оные; посылал курьеров в отдаленнейшие места за некоторыми потребностями для

своего стола и часто, прежде нежели посланные возвращались, терял охоту отвесть привозимое ими. То занимался он одною войною, окруженный офицерами, козаками и татарами, или политикой: хотел делить Оттоманскую Империю, завоевать Персию, взволновать Кабинеты Европейские; в другое время проводил целый месяц вечера в гостях, забывая, по-видимому, все дела. То затмевал придворных блестящей своей одеждой, орденами разных держав, алмазами величины необыкновенной; давал без всякой причины очаровательные праздники – и после несколько недель сряду оставался дома, в кругу родных и приближенных, лежа на софе в шлафроке, с босыми ногами, обнаженной шеей, с нахмуренным челом, повислыми бровями и молча играл в шахматы или карты. Он любил обещать, но не всегда держал данное слово. Никто не читал меньше его; но не многие могли равняться с ним в занятиях. Они были поверхностны, но весьма обширны. В разговорах он изумлял литератора, артиста, богослова. Слог его был отрывистый, сильный» [3].

С 1865 года «Русский архив» начинает цикл публикаций «бумаг князя Потемкина-Таврического», что является свидетельством начала научного этапа изучения деятельности князя. В том же «Русском архиве» в 1875 году были опубликованы воспоминания маркиза де-Парело. В журнале «Русская старина» в этом же 1875 году издается биографический очерк жизни Потемкина, проиллюстрированный богатым эпистолярным материалом [9].

Однако первым серьезным монографическим исследованием личности и деятельности князя Г. А. Потемкина стала работа российского историка немецкого происхождения А. Г. Брикнера «Потемкин», которая появилась в годовщину 100-летия со дня его смерти (1891). В ней историк подчеркнул, что основная заслуга князя перед Россией заключается в том, что он первым понял огромное значение для нее Крыма и Черного моря, тогда как в русском обществе об этом имели крайне смутные представления. Именно он убедил Екатерину «в необходимости присоединения Крыма для славы и спокойствия России. Иначе она заслужит упрек от потомков: вот она могла, да не хотела или упустила». А. Г. Брикнер дал объективную характеристику личности Потемкина, в которой соединялись самые противоречивые качества: «Добро и зло, добродетель и пороки, умственные способности и нравственные недостатки. Государственный деятель и легкомысленный сибарит, аферист. Гениальная сила и слабость. Героизм и фанфаронство. Идеализм и цинизм. Культурная утонченность и варварство. Гуманность и кичливое самолюбие. Ум и сумасбродство» [4, с. 62, 242].

В это же время издается научно-популярное издание В. В. Огаркова «Потемкин. Его жизнь и общественная деятельность» (1892 г.) и публикуется большое количество разнообразных статей в российских исторических журналах. Исследователи этого периода склонны объективно оценивать деятельность Потемкина. Среди основных достижений они называют утверждение России на Черном море, оживление юга, появление новых городов. Вместе с тем, отмечаются недостатки административной деятельности князя, в которой чувствуется лихорадочная поспешность, самообольщение, хвастовство и стремление к чрезмерно трудным целям. Для работ выслались толпы мастеров из разных мест, но антисанитария и скудная пища способствовали распространению чумы. В. В. Огарков замечает, что для историка единственным утешением есть то, что «эти русские кости были подножием далеко не таких бесполезно-грандиозных сооружений как пирамиды египетских фараонов» [10, с. 36]. Д. М. Багaley отмечал, что разница между предначертаниями и успехами более всего видна на примере Екатеринослава [2, с. 455]. Мысль об университете, консерватории и десятках фабрик в Екатеринославе так и осталась неосуществлённой.

Для историографии советского периода характерна весьма сдержанная оценка деятельности Г. А. Потемкина, что объясняется общим негативным отношением к такому явлению екатерининской эпохи как фаворитизм. Во-первых, личности князя не было посвящено ни одного исследования. Пожалуй, только в монографии Е. И. Дружининой «Северное Причерноморье в 1775 – 1800 гг.» этому вопросу уделяется некоторое внимание [6]. Во-вторых, происходит сознательное уничтожение памяти о князе. Например, право называться основателем Херсона было единолично присвоено А. Ганнибалу. В 1917 г. памятник «любимчику Екатерины» был накрыт брезентом и превращен по выражению херсонцев, в «херсонское привидение». На его месте был установлен бюст К. Маркса, а бульвар Потемкина переименован в сквер К. Маркса. Был уничтожен Потемкинский дворец, некогда стоявший рядом с Екатерининским собором. В дальнейшем памятник Потемкину был перенесен во двор историко-археологического музея, а в годы Второй мировой войны он бесследно исчез. Восстановлен памятник в Херсоне только в 2003 г. скульптором Ю. Степаняном [11, с. 87-88].

После 1991 года наблюдаем в России новую волну интереса к личности светлейшего князя, что объясняется ее новым курсом на усиление геополитического положения. Современная политическая ситуация в мире, особенно после вхождения в состав России Крыма (2014), дает возможность осо-

знать значение деятельности Потемкина-Таврического для России. Наиболее значительный вклад в исследование темы сделан в современной историографической науке О. И. Елисеевой в работах «Григорий Потемкин» и «Геополитические проекты Г. А. Потемкина» [7; 8].

Противоречивость оценки личности и деятельности князя Г. А. Потемкина его современниками и историками вызвана неоднозначным отношением к геополитической стратегии России, как в самой России, так и за рубежом. Наиболее негативное восприятие личности и деятельности князя Потемкина характерно для зарубежной историографии, что вызвано опасением растущего геополитического влияния России. Бесспорно, что деятельность князя была связана с перенапряжением всех государственных сил, но оправданием этому могут служить масштабы задуманного Потемкиным плана усиления могущества империи, которые в полной мере мы можем оценить только на современном этапе.

Список литературы

1. А. Л. Екатерининский временщик / А. Л. // Исторический вестник. — 1892. — Т. 48. — № 4. — С. 160–184.
2. Багалей, Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры / Д. И. Багалей // Киевская старина. — Т. XXV. Апрель-Июнь. — К., 1889. — С. 438–484.
3. Бантыш-Каменский, Д. 28й генерал-фельдмаршал Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический / Д. Н. Бантыш-Каменский // ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА : сайт. - URL: <http://militera.lib.ru/bio/bantysh-kamensky/31.html> (дата обращения: 11.02.2016).
4. Брикнер, А. Г. Потемкин / А. Г. Брикнер. — СПб. : Изд. К. Л. Риккера, 1891. — 276 с.
5. Вейдемейер, А. Двор и замечательные люди в России, во второй половине XVIII века / А. Вейдемейер. — СПб. : Изд. И. Эйнерлинга, 1846. — Ч. 1. — 212 с.
6. Вейдемейер, А. Двор и замечательные люди в России, во второй половине XVIII века / А. Вейдемейер. — СПб. : Издание И. Эйнерлинга, 1846. — Ч. 2. — 222 с.
7. Елисеева, О. И. Геополитические проекты Г. А. Потемкина / О. И. Елисеева. — М.: ИРИ РАН, 2000. — 342 с.
8. Елисеева, О. И. Григорий Потемкин / О. И. Елисеева. — М. : Молодая гвардия, 2005. — 665 с.
9. Изображение и характеристики лиц, занимающих первые и главные места при Петербургском дворе (1783) / [сост. Н. Григорович] // Русский архив. — 1875. — Кн. 2. — Вып. 6. — С. 113–125.
10. Огарков, В. В. Г. А. Потемкин. Его жизнь и общественная деятельность / В. В. Огарков. — СПб. : Типография Ю. Н. Эрлиха, 1892. — 90 с.
11. Пиворович, В. Б. Улицами старого Херсона / В. Б. Пиворович, С. А. Дяченко. — Херсон : Вирлич М. А. : Персей, 2002. — 196 с.
12. Полевой, Н. А. Русские полководцы или жизнь и подвиги российских полководцев от времен Императора Петра Великого до царствования императора Николая I / Н. А. Полевой. — СПб. : Типография К. Жернакова, 1845. — С. 145.
13. Самойлов, А. Н. Жизнь и деяния генерала-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического / А. Н. Самойлов // Г. А. Потемкин. От вахмистра до фельдмаршала : Воспоминания. Дневники. Письма. — СПб. : Изд-во "Пушкин. фонда", 2002. — С. 128–148.
14. Шахмагонов, Н. Князь Потемкин-Таврический / Н. Шахмагонов // Герои и антигерои Отечества. — М. : Информэкспресс ; Российская газета ; Практика, 1992. — С. 30–105.

Статья поступила в редакцию 27.02.2016

Zhirtueva, N. S. *Prince G. A. Potemkin of Taurida's Personality and Activities in Reviews of Contemporaries and Historians*

Prince G. A. Potemkin of Taurida's personality and accomplishments as looked upon by his contemporaries and historians are analyzed. It is possible to conclude that the confrontation of opinions can be explained by an ambiguous attitude towards Russia's political management in the South and Crimea. An emphasis is placed on Potemkin's activities leading to overloading the budget of the country, which can yet be justified by Potemkin's grand strategy for consolidation of imperial power. The most critical assessment of Potemkin's personality and accomplishments is characteristic of foreign historiographers owing to their being apprehensive about an expanding geopolitical influence of Russia.

Keywords: Prince Potemkin of Taurida, historiography, geopolitics, Russia, Crimea.

Проведен исторический анализ роли Г. А. Потемкина в присоединении Крыма и Северного Причерноморья к России. Затронуты важные аспекты государственной деятельности великого сподвижника Екатерины II – создание Черноморского флота, строительство городов в Крыму и Северном Причерноморье, усмирение Запорожской Сечи, переселение славянского населения на новые земли. Развенчивается миф о потемкинских деревнях, которые якобы демонстрировал императрице Г. А. Потемкин во время знаменитого путешествия Екатерины II в Крым в 1787 году.

Ключевые слова: Крым, Таврическая Область, армия, флот, корабельная верфь, крымские татары.

С. П. Шендрикова, профессор, д-р ист. наук

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. Вернадского» (г. Ялта)

E-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru

РОЛЬ Г. А. ПОТЕМКИНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ТАВРИДЫ

Потемкин Григорий Александрович (1739–1791 гг.) – Светлейший князь Таврический, российский государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1784 г.), фаворит и ближайший помощник императрицы Екатерины II, Главнокомандующий российской армией в Русско-турецкой войне 1787 – 1791 гг. [1, с. 13].

Роль Г. А. Потемкина в исторической судьбе Крыма в частности и Северного Причерноморья в целом трудно переоценить. Добившись присоединения полуострова к Российской империи в 1783 году, светлейший князь, прежде всего, приступил к строительству Черноморского флота. С 1775 г. князь Г. А. Потёмкин являлся генерал-губернатором вновь присоединённых к державе земель Северного Причерноморья, достиг выдающихся успехов в их хозяйственном развитии. При нём были построены Севастополь, Херсон, Екатеринослав, Николаев, заложено множество других населённых пунктов, верфей, заводов и фабрик. Благодаря проводимой графом политике, имело место массовое переселение народов на южные земли России [9, с. 5].

Как командующий Г. А. Потёмкин покровительствовал А. В. Суворову и Ф. Ф. Ушакову. В 1775 г. Г. А. Потемкин решительными действиями ликвидировал Запорожскую Сечь и положил начало запорожскому казачьему войску, полностью подвластному российской короне. В 1776 г. он был назначен генерал-губернатором Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний. Правитель юга обдумывал план борьбы с Турцией вплоть до уничтожения турецкого государства и воссоздания Византии. При устье Днепра Г. А. Потемкин заложил Херсон с корабельной верфью, руководил строительством Екатеринослава (ныне – Днепропетровск), освоением Кубани, действиями русских войск на Кавказе. В его руках было сосредоточено управление всей южной Россией от Черного до Каспийского морей [2, с. 340].

После недавнего присоединения Крыма к Российской Федерации интерес к личности Г. А. Потемкина только усилился. Его природный талант дипломата, полководца и управленца может и сейчас послужить примером многим современным историческим деятелям.

Исторический анализ роли Г. А. Потемкина в колонизации Крыма и Северного Причерноморья – главная цель данного исследования.

Из огромного числа деловых бумаг и писем канцелярии Г. А. Потемкина видно, насколько разнопланова и непрерывна была его деятельность по управлению южной Россией. Хотя во всех начинаниях чувствуется лихорадочная поспешность, граничащая с самообольщением и стремлением к чрезмерно трудным целям. Как будто намеренно, он завышал себе планку и пытался переступить через человеческие возможности. Приглашение колонистов, закладка городов, разведение лесов и виноградников, поощрение шелководства, учреждение школ, фабрик, типографий, корабельных верфей – все это предпринималось чрезвычайно размахисто, в больших размерах, не щадя ни денег, ни труда, ни людей. Справедливости ради следует сказать, что многое было начато и брошено. Иное же с самого начала оставалось на бумаге. Однако большая часть смелых проектов Светлейшего князя и сегодня свидетельствует о его верном служении Отчизне.

Г. А. Потемкин первым понял значение присоединения Крыма к России. По этому поводу он писал Екатерине: «Крым положением своим разрывает наши границы <...> Положите же теперь, что Крым Ваш и что нет уже сей бородавки на носу – вот вдруг положение границ прекрасное <...> Нет держав в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки, Америки. Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставит» [12, с. 215].

8 апреля 1783 г. Императрица подписала манифест, окончательно закрепляющий Крым за Россией. Первыми шагами Г. А. Потемкина по реализации этого манифеста стали строительство Севастополя как военного и морского порта России и создание Черноморского флота, как военного, так и торгового [12, с. 217]. Г. А. Потемкин создал проект административного устройства Таврической Области, утвердил название и герб будущего центрального города Крыма – Симферополя, а базу Черноморского флота в Ахтиарской бухте предложил назвать Севастополем [12, с. 218].

В 1784 г. Екатерина II произвела Г. А. Потемкина в генерал-фельдмаршалы, назначив Президентом Военной коллегии и Генерал-губернатором Крыма, наименованного Таврической Областью. Как президент Военной коллегии Светлейший князь заботился о развитии и укреплении русской армии, провел ряд преобразований в строевой службе и экипировке личного состава (отменил косички, букли, ввел для солдат удобное обмундирование, обувь и проч.) [3, с. 118].

В 1787 г. Екатерина II предприняла свое знаменитое путешествие в Крым. Г. А. Потемкин в этом деле обустроивал весь маршрут императрицы, которая увидела только что созданные деревни и города. Херсон удивил даже иностранцев, сопровождавших Екатерину Великую, а вид севастопольского рейда с военной эскадрой был поистине потрясающим. За эти заслуги Г. А. Потемкин получил почетный титул «Светлейший князь Таврический» [5, с. 231]. Помимо этого титула, Г. А. Потемкин был удостоен и таких высочайших наград, как высшего в империи ордена Апостола Андрея Первозванного, орденов святого Александра Невского, Святого Георгия, Равноапостольного князя Владимира, Святой Анны и Святого Станислава. Его заслуги были отмечены Пруссим королевством (орден Черного Орла), Датским королевством (орден Слона), Шведским королевством (орден Серафима), Польским королевством (орден Белого орла) [5, с. 235].

19 мая 1787 г. огромный кортеж, сопровождавший Екатерину II, достиг Перекопа. Для встречи императрицы выстроили почетный караул, был дан артиллерийский салют. Екатерину II встретили Г. А. Потемкин, правитель Таврической Области В. Каховский, представитель дворянства Перекопского уезда Сеит-Ибрагим-ага и шесть мурз, а также многие гражданские и военные чины. Показали Екатерине II и основное богатство перекопской земли – 13 сортов отличной соли [4, с. 143].

Далее императрица со знатными особами почетным эскортом направилась в бывшую столицу Крыма – Бахчисарай. У Алма-Кермена ее встречали 26 самых знатных беев и мурз и почетный караул из поступивших на русскую службу 1000 лучших татарских всадников. Екатерина II была в восторге от увиденного, однако уже при въезде в Бахчисарай поездка едва не омрачилась. Запряженная десятью лошадьми карета императрицы чуть не упала с крутой скалы, и только подоспевшие на помощь местные жители удержали ее [4, с. 144]. В Бахчисарае именитые путешественники расположились в бывшем Ханском дворце, подготовленном к приезду царственной особы. Екатерина II пребывала в Бахчисарае с 21 по 22 мая 1787 г. по пути в Севастополь, а с 24 по 25 мая 1787 г. – на обратном пути следования. Очевидно, что посещение Ханского дворца, все увиденное во время путешествия переполняли чувства Екатерины II. Не случайно впоследствии она достаточно часто вспоминала и Тавриду, и Бахчисарай с Ханским дворцом [4, с. 144].

22 мая 1787 г. высокие гости направились в Инкерман. Устроители путешествия прекрасно продумали все тонкости, и путешественников ожидало много эффектных сюрпризов. В Инкермане на вершине самой высокой горы накануне прибытия Императрицы был сооружен специальный дворец-павильон, в котором планировался обед. В разгар пира по указанию Г. А. Потемкина неожиданно раздвинулся занавес на одной из стен павильона и перед изумленными гостями открылась незабываемая панорама Ахтиарской бухты Севастополя, на рейде которой стояли корабли Черноморского флота численностью 40 вымпелов [4, с. 151]. Вскоре раздались многочисленные пушечные выстрелы: Черноморский флот салютовал своей Императрице. Довольная увиденным Екатерина II направилась в Севастополь и здесь убедилась, насколько быстро строится новый город – база флота, продемонстрировавшего гостям свою мощь и выучку. На глазах у Екатерины II и многочисленных сопровождающих ее лиц корабли, открыв чрезвычайно меткий огонь, в мгновение уничтожили построенную для этих целей деревянную крепость [4, с. 153].

Следует отметить, что переполнявший Екатерину II восторг, конечно, разделяли не все присутствующие, и реакция у них на увиденное была также разной. В частности, австрийский император отметил, что в городе построено много домов, магазинов, арсенал и адмиралтейство. По мнению Иосифа II, прекрасным был и севастопольский порт, который он назвал лучшим в мире и в котором, по его мнению, могло разместиться 150 кораблей. Вместе с тем, высокопоставленному гостю не понравились команды кораблей [4, с. 162]. По этому поводу Иосиф II высказал следующее: «Матросы мало обучены своему делу; просто набрали две тысячи рекрутов да и назвали их матросами. Едва

только поступив на флот, они уже лезут на мачты. Случается, некоторые ломают при этом руки и ноги <...> На судах и во флотском госпитале много больных, которые находятся в тяжелом положении...» [4, с. 165]. Гораздо наблюдательнее и откровеннее оказался французский посол граф Сегюр, сообщавший в Париж: «Боюсь, как через 30 часов флаги ее (т. е. России – *С. III.*) кораблей могут развиваться в виду Константинополя и знамена ее армии водрузятся на стенах его» [4, с. 167]. Следующим пунктом назначения Екатерины II была Балаклава, где ее встретила рота восхитительных амазонок, состоявшая из жен и дочерей лучших семейств балаклавских греков. Балаклавская бухта также удивила гостей природными и военно-стратегическими возможностями [8, с. 208].

За время пребывания в Тавриде императрица и гости смогли побывать в Симферополе, Старом Крыму, Карасубазаре и Феодосии. Многое из увиденного порадовало. Однако были и разочарования. Так, некогда цветущая и многочисленная Каффа (Феодосия) на тот момент представляла собой достаточно жалкое зрелище, а Сегюр, в частности, сказал: «...нашли в городе едва 2000 человек, бродящих среди развалин храмов, пышных зданий» [4, с. 169]. Обратила Екатерина II внимание и на другие беды и проблемы края и его жителей. От зоркого глаза императрицы не ускользнуло недовольство некоторых крымских кругов по поводу присоединения Крыма к России. Решение этого вопроса благодаря дипломатической тактике Г. А. Потемкина Екатерина II увидела не только в поддержании военно-морской отрасли, но и в изыскании серьезных государственных инвестиций в экономическую, социальную, культурную, этническую и другие сферы жизни Крыма [6, с. 202].

Вместе с тем, граф Сегюр констатировал: «Богатство степного края, быстрое развитие городов, изобилие военных запасов и снарядов, отменное устройство войска, значение военных портов, прелесть южной природы в Крыму, заботливость князя (Г. А. Потемкина – *С. III.*) при управлении всем краем – все это должно было поразить Екатерину, обезоружить недоброжелателей князя и в то же время привести в удивление Европу. На Западе должны были узнать, какими источниками богатства и могущества располагает Россия. Путешествие это из контроля над действиями Г. А. Потемкина должно было превратиться в торжество его, Екатерины и вообще России в глазах Европы, в демонстрацию перед Оттоманской Портой и ее союзниками...» [4, с. 174].

На сегодняшний день бытует мнение, что во время этого путешествия Г. А. Потемкин лукавил и инсценировал результаты своей деятельности, показывал не реальность, а муляжи – т. н. «потемкинские деревни». Первым эту версию высказал саксонский дипломат Гельбиг. С целью подвергнуть сомнению успехи российской администрации в деле заселения южных областей России, отвоеванных у Турции, он опубликовал в гамбургском журнале «Минерва» статью, в которой обвинил Г. А. Потемкина в создании «показушных поселений», якобы представлявших собой нечто вроде театральных декораций [5, с. 265]. Эту версию охотно поддержали некоторые помещики центральной России, обиженные на Г. А. Потемкина за то, что тот разрешал селиться в Новороссии и в Крыму, в частности, всем, включая беглых крепостных, чем существенно снижал трудовые ресурсы помещичьих имений. Однако, по мнению исследователя А. М. Панченко, это был «потемкинский миф» особого рода. В екатерининскую эпоху было принято пышно декорировать все придворные мероприятия. Но роскошный вид поселений и ухоженность их жителей были настолько удивительными, что породили сомнение в подлинности предъявленной картины. Вместе с тем остается фактом, что в потемкинский период во вверенной Светлейшему князю губернии города и поселки строились, население обустроивалось. Кроме того, помпезность и высокий уровень приема крымских гостей для России был серьезным дипломатическим шагом. На тот момент необходимо было показать иностранным гостям (в т. ч. австрийскому императору Иосифу II, участвовавшему в путешествии Екатерины II в Крым), что Россия стоит твердой ногой на новых приобретенных землях и намерена их содержать наилучшим образом.

В 1787 г. началась война с Турцией, вызванная отчасти деятельностью Г. А. Потемкина. Устроителю Новороссии пришлось взять на себя роль полководца. Недостаточная готовность войск сказалась с самого начала. Г. А. Потемкин, на которого возлагались надежды полного уничтожения Турции, от военных неудач пал духом и думал даже об уступках, в частности, предлагал вывести все русские войска из недавно завоеванного Крыма, что неизбежно привело бы к захвату Крыма турецкими войсками. Императрице в частной переписке с графом приходилось неоднократно поддерживать его воинский дух. Только после удачной защиты Кинбурна А. В. Суворовым Г. А. Потемкин стал действовать решительнее, и 1 декабря 1787 г. командующий отдал приказ о подготовке штурма крепости. В приказе Г. А. Потемкин писал: «Представляя себе мужество и неустрашимость войска российского <...> ожидаю я с полною надеждою благополучного успеха» [11, с. 155].

6 декабря 1787 г., в день святого Николая Чудотворца, Г. А. Потемкин приступом взял Очаков,

получив трофеи в триста пушек и мортир, 180 знамен и множество пленных [11, с. 157]. За этот успех он был награжден орденом святого Георгия 1-й степени. В честь Г. А. Потемкина Императрица велела выбить золотую медаль. За победы на Днепровском лимане граф был удостоен украшенной алмазами шпаги, которую прислали ему на золотом блюде с надписью: «Командующему Екатеринославскою сухопутною и морскою силою, яко строителю военных судов». После взятия Очакова Г. А. Потемкин на некоторое время покинул театр военных действий, чтобы получить награды и славу, а также утвердиться в своем положении при императрице. Вернувшись, он позаботился о пополнении войск и постепенно стал продвигаться с основной массой войск к Днестру. Осажденные им Бендеры сдались без кровопролития. В 1790 г. Г. А. Потемкин получил титул Гетмана казачьих Екатеринославских и Черноморских войск [11, с. 278].

Г. А. Потемкин разглядел гений А. В. Суворова, который под его началом ярко выделился среди всего российского генералитета. Проводя в жизнь свой план войны, Г. А. Потемкин давал А. В. Суворову полную самостоятельность в выборе способов действий. Не забывал главнокомандующий и о поощрении честолюбивого полководца наградами [7, с. 239].

В конце февраля 1791 года Г. А. Потемкин прибыл в Петербург, чтобы противостоять интригам очередного фаворита императрицы Платона Зубова, пугавшего Екатерину II всевластием Светлейшего. Но добиться должного успеха Г. А. Потемкину не удалось. Роскошный праздник, устроенный им в Таврическом дворце, императрица назвала «прощальным вечером», давая этим понять своему бывшему фавориту, что дальнейшее его присутствие при дворе является нежелательным [10, с. 301].

Г. А. Потемкин вернулся в Яссы, где занялся проблемой мирных переговоров с турками. Но довести их до конца ему не удалось. 5 октября 1791 года в степи, по дороге в г. Николаев, Светлейший князь Г. А. Потемкин скончался. С большой торжественностью Г. А. Потемкин был похоронен в построенном им когда-то Херсоне [9, с. 142].

Список литературы

1. Брикнер, А. Г. Потемкин / А. Г. Брикнер. — СПб. : Изд. К. Л. Риккера, 1891. — 276 с.
2. Буганов, В. И. Григорий Потемкин-Таврический / В. И. Буганов, А. В. Буганов // Полководцы XVIII в. — М. : Патриот, 1992. — С. 339–360.
3. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. В 3 т. Т. 1. 1774–1788 гг. / Воен. учен. ком. Главного штаба ; [ред. Н. Ф. Дубровина]. — СПб., 1893. — XVI, 378 с. — (Сб. воен.-ист. материалов ; Вып. 6).
4. Дружинина, Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. / Е. И. Дружинина ; АН СССР. Ин-т истории. — М. : [Изд-во АН СССР], 1959. — 279 с.
5. Елисеева, О. И. Григорий Потемкин / О. И. Елисеева. — М. : Молодая гвардия, 2005. — 665 с.
6. Записки императрицы Екатерины II : пер. с фр. / Екатерина II. — Репринт. воспроизведение, 1859, Лондон. — М. : Наука, 1990. — 278 с.
7. Золотарев, В. А. Апостолы армии Российской / В. А. Золотарев. — 2-е изд. — М. : Летопись, 1994. — 266 с.
8. История государства Российского : Жизнеописания, XVIII в. : [Очерки] / Рос. нац. б-ка; [Авт.-сост. Е. М. Тепер и др.]. — М. : Кн. палата, 1996. — 444 с.
9. Кухар-Онышко, Н. А. Жизнь и смерть Светлейшего князя Г. А. Потемкина / Н. А. Кухар-Онышко, В. Б. Пиворович ; под ред. В. А. Карнаух. — Николаев, 2002. — 142 с.
10. Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический // Русская старина : Жизнь императоров и их фаворитов / Сост. А. Данилова. — М. : Изд-во «Новости», 1992. — 608 с.
11. Лопатин, В. С. Потемкин и Суворов / В. С. Лопатин; РАН. — М. : Наука, 1992. — 287 с.
12. Лопатин, В. С. Светлейший князь Потемкин / В. С. Лопатин. — М., 2005. — 477 с.

Статья поступила в редакцию 18.03.2016

Shendrikova, S. P. *Potemkin's Role in the History of Taurida*

The article analyzes G. A. Potemkin's role in making Crimea and the Northern Black Sea area part of Russia. Some major state policy achievements of this Catherine II's great supporter have been touched upon, namely, the creation of the Black Sea Fleet and foundation of a series of towns in Crimea and the Northern Black Sea region, the normalization of the situation with the Zaporozhian Sich and re-housing of the Slavic population. The myth that at the time of her well-known journey to Crimea in 1787 Catherine II had been allegedly shown around so-called Potemkin villages has been debunked.

Keywords: Crimea, Taurida, the army, the Navy, shipyard, the Crimean Tatars.

УДК 94(47)"1774/1791"

На основе анализа документов князя Г. А. Потёмкина (1739–1791) исследуется деятельность его как генерал-губернатора Новороссийского края в контексте хозяйственного освоения Новороссии в 1774–1791 гг. Раскрываются пути освоения Новороссии; отмечаются направления, которым Потёмкин придавал наибольшее значение.

Ключевые слова: Новороссия, освоение Новороссии, деятельность Потёмкина.

М. А. Матросов

Севастопольский государственный университет

E-mail: mikelonster@gmail.com

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. А. ПОТЁМКИНА ПО ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ОСВОЕНИЮ НОВОРОССИИ

Известные на сегодня оценки деятельности Г. А. Потёмкина по управлению Новороссией неоднозначны и часто основаны на преобладающем отношении к личности Потёмкина. Работы, касающиеся этой сферы его деятельности, либо – биографии (например, работа О. И. Елисеева), либо специально Потёмкину не посвящены (например, см. работы о Новороссии в списке литературы). В целях восстановления исторической справедливости необходима объективная оценка организации хозяйственного освоения земель Новороссии в период 1774 – 1791 гг., которая опиралась бы на анализ официальных документов того периода, в том числе и документы самого князя Г. А. Потёмкина. То есть необходимо проанализировать и понять, какие задачи в целом стояли перед российской администрацией Новороссии, высшим лицом которой был Потёмкин, что считалось приоритетным и насколько эти задачи были актуальны для своего времени.

Свою деятельность Г. А. Потёмкин осуществлял в то время, когда Россия закрепилась на берегах Чёрного и Азовского морей и должна была обустроить по-своему жизнь в только что приобретённом районе. С другой стороны, в это время (до Ясского мирного договора 1791 г.) существовала военная угроза со стороны Османской империи и Крымского ханства. Поэтому и Потёмкина, и администрацию Новороссии в первую очередь занимали военная охрана территорий, градостроительство, устройство баз для флота. Но внимание уделялось и вопросам хозяйственного освоения. Здесь российские власти предпочитали оставить населению возможность проявить личную инициативу, однако были задачи, выполнение которых по необходимости было делом только самих властей. А именно:

1. Решение вопросов обустройства местного населения, проживавшего здесь ранее;
2. Привлечение переселенцев и решение вопросов их обустройства на новом месте;
3. Налаживание управления хозяйственной жизнью приобретённых территорий.

В 1775 году была ликвидирована казаческая Запорожская Сечь, к 1775 г. занимавшая территории от р. Буг на западе до реки Кальмиус на востоке [1, с. 24]. На этой территории были рассеяны их поселения – «паланки», «зимовники», жители которых занимались самыми разными хозяйственными занятиями: рыболовством, охотой, пчеловодством, земледелием, ремеслом [1, с. 25–28]. Поселения располагались, как правило, возле крупных рек (Буг, Днепр, Кальмиус и др.). Степную зону казаки практически не осваивали, хотя и отмечаются среди них те, кто вёл полукочевой образ жизни [1, с. 28–29]. Татары, проживавшие на землях Новороссии, занимались скотоводством, земледелием, содержали бахчи возле крепостей на берегу моря, добывали в озёрах соль и продавали её в Очакове [21, с. 169].

Данных о судьбе запорожцев после ликвидации Сечи не так уж много. Ещё по ликвидации Сечи генералом Теккели было объявлено, что запорожцам, которые останутся на родине или захотят вернуться позже, предоставляется статус обыкновенных или военных поселян (за исключением старшин, «которые подверглись Монаршему гневу») [20, с. 208–209]. Зимовники старшины, вместе со скотом и имуществом, были конфискованы и распроданы; войсковые стада запорожцев были впоследствии переданы греческим переселенцам в городах Керчь и Еникале [20, с. 209].

Часть запорожских поселений впоследствии превратилась в сёла и деревни: так, происхождение от зимовников вели наиболее значительные селения Екатеринославской губернии [1, с. 61]. По инициативе запорожца Горленко и при содействии азовского губернатора Г. М. Черткова были преобразованы в слободы и заселены некоторые зимовники [1, с. 61]. На месте зимовника, до 1775 г. принадлежавшего А. Колпаку, была создана слобода Колпаковка [1, с. 62].

Из письма Г. А. Потёмкина Екатерине II, написанного в 1776 г. видно, что запорожцам, которые решили остаться, разрешили входить в городские и земледельческие сословия [20, с. 213]. Оставалась неприкосновенной частная собственность старшины, не проявлявшей враждебности к России; некоторым были выделены земли в Новороссии [20, с. 213].

Некоторые сведения даёт ордер Потёмкина от 1.07.1784 г. Запорожцам, желавшим вернуться на мирное поселение, в назначенных местах отводились «достаточные земли» [18, с. 610], однако вернувшимся было необходимо обзавестись семьёй. Тем же, кто хотел быть на «основании войска донского», это разрешалось и полагалось соответствующее жалование.

Некоторые документы Г. А. Потёмкина раскрывают взаимоотношения новых властей с местным татарским населением. В целом, кочевникам предоставлялась возможность вести привычный образ жизни, но при этом российские власти неоднократно ограничивали татарам доступ из Крыма в Таврические степи, устанавливали запрет на кочевья в отдельных районах.

Интересен ордер от 20.01.1787 г., который говорит о назначении эдисанского Бий Мегмет Мурзы «начальником над кочующими и имеющими селение за Перекопом в Мелитопольском уезде киргизскими и туркменскими татарами» [12, с. 10]. Это свидетельствует о стремлении новых властей взять жизнь региона под свой контроль, не прибегая при этом к радикальным изменениям существующего порядка вещей. Ордера свидетельствуют и о том, что татарам не был запрещен их прежний промысел: добыча соли в таврических озёрах. Однако если ранее это было для татар источником дохода [21, с. 169], то теперь, как видно из ордеров генерал-майору Репнинскому (17.07.1785 г.) и статскому советнику Каховскому (31.10.1785 г.), они могли добывать соль только для собственного потребления, но не продажу [19, с. 325, 328].

Таким образом: с одной стороны, правительство России постепенно брало под контроль и организовывало жизнь (и хозяйственную деятельность) местного населения новоприобретённых районов, а с другой стороны, не считало нужным менять сложившееся положение дел радикально.

Задачей Г. А. Потёмкина были приём и обустройство переселенцев. Это выполнялось на условиях, предполагавших предоставление переселенцам со стороны правительства России ряда льгот: их общий набор устанавливался Манифестом Екатерины II от 1763 года и не изменялся, по меньшей мере, до правления Александра I [1, с. 86].

Однако положения Манифеста не были шаблоном, которому нужно было соответствовать при всякой ситуации. Изменения, несомненно, вносились администраторами в зависимости от конкретной ситуации. И в случае переселений потёмкинских времени мы такие изменения наблюдаем.

Например, к тексту Манифеста прилагался реестр свободных земель, предназначенных для переселенцев, но конкретный размер выделяемых поселенцам участков там не объявлялся [4]. Поэтому данные в конкретных случаях варьируются.

Грекам, переселившимся из Крыма в Приазовье (1779 г.) было предоставлено по 30 [2, с. 199] (или 60 [16, с. 360]) десятин земли. Немцам, выехавшим из Данцига на поселение в 1789 г., было предоставлено по 65 десятин земли [1, с. 89]. Льготный срок, как правило, составлял в это время 10 лет [1, с. 89; 17, с. 198], но также могли встречаться и варианты.

На местном уровне переселенцам также оказывали поощрение. Так, в ордере от 25.06.1784 г. на имя В. В. Каховского Потёмкин предлагает выдать переселенцам в слободе Алешки по паре волов, лошади и корове, а также дополнительно выделить на душу по 8 десятин земли [18, с. 608].

Подобные льготы и поощрения оказывались, главным образом, иностранцам, но некоторые послабления делались и поселенцам из России и Малороссии. Например, в ордере на имя Каховского (1785 г.) переселенцев из Украины Потёмкин предлагает вместо левого берега Днепра расселить в запустевших греческих деревнях [19, с. 324], но из текста видно, что переселенцы принимались в статусе «государственных поселян».

Запреты Потёмкина на возвращение беглых из бывших запорожских земель отмечаются исследователями как «весьма замечательное явление» для периода расцвета крепостнической системы в России. В письме от 11.08.1775 г. к генералу Муромцеву Потёмкин пишет: «являющимся к вам... помещикам с прошениями о возврате бежавших в бывшую Сечь Запорожскую крестьян объявить, что... не может ни один из оных возвращен быть» [цит. по: 8, с. 127].

Инициативой Г. А. Потёмкина было расселение в Новороссии т. н. «заштатных церковников» с разных российских губерний. «Из них, – писал Потёмкин, – получатся и хлебопашцы, и милиция, которая вся обратится в регулярные казацкие сотни» [цит. по: 5, с. 360]. Отметим, что расселения с расчётом на то, что поселенцы будут исполнять одновременно и хозяйственную, и военную функцию, характерно именно для времён Потёмкина, когда определённая степень внешней угрозы для

Новороссии ещё сохранялась.

В апреле 1783 г. на имя Потёмкина поступило прошение старообрядца Никодима из Стародубья о присоединении к православию на началах единоверия. Воспользоваться моментом для своих целей решили и Потёмкин, и руководство православия. 27 августа 1785 года появился указ, утверждавший правила присоединения раскольников к православию, и был опубликован проект Потёмкина о переселении раскольников в Таврию, где им выделялись земельные наделы и предоставлялись льготы [7, с. 70].

Однако новороссийские земли заселялись не только группами колонистов. В бумагах Потёмкина находятся упоминания и о частных лицах, которым на разных основаниях выделялись земли. Например, в ордере от 9.02.1786 г. Потёмкин выражает желание поспособствовать майору албанской команды М. Чапони в устройстве шелковичного завода [10, с. 12]. В том же году (ордер от 18.04.1786 г.) для устройства шёлкового завода в Таврику отправляется граф Парма [10, с. 30]. Согласно ордеру от 10.10.1786 г. в Таврику поселяется отставной гусар Я. Фёдоров «с употреблением по искусству к разводу виноградов» [11, с. 21].

Применялась сдача отдельных промыслов на откуп. Исключительное внимание, как видно из документов, Потёмкин уделял соляному промыслу. Добывавшаяся в Таврической области соль была значимой статьёй экспорта и приносила хороший доход. Соль была также средством для обмена на продукты: это видно, например, из ордера от 16.07.1787, который разрешает набрать из озера 30 пудов соли за четверть ржаной муки, доставленной в перекопский магазин [14, с. 3]. За счёт «соляных сумм» выплачивались жалованья; на эти средства предполагалось открыть университет в Екатеринославе. Помимо откупа на соляные озёра, сдавались на откуп и рыбные ловли, и торговля вином в Крыму.

Следует отметить, что освоение Новороссии в последней четверти XVIII в. было максимально активным, но, в тоже время, всё же недостаточно эффективным. Так, высочайший указ Сенату от 8.06.1787 г. декларирует значительные успехи земледелия Екатеринославской губернии [3, с. 221-222]. Однако в верности этих слов можно усомниться, так как циркуляр В. В. Каховского (от того же года) говорит, что хлебопашество в Таврике находится почти в упадке и князь Потёмкин об этом знает [17, с. 678]. Об осведомлённости Потёмкина говорит и ордер от 15.08.1785 г., в котором сам князь предлагает Каховскому восстановить хлебопашество до надлежащего состояния [18, с. 653].

Ордер от 28.04.1787 г. свидетельствует о том, что в реальности мероприятия по обустройству быта и труда переселенцев фактически проходили не так гладко, как на бумаге. Потёмкин пишет в этом документе о донесении Прокоповича и Ливанова о состоянии дел в приазовских селениях Магнуш, Саблы и др. [13, с. 3].

О фактическом положении дел в Новороссии свидетельствует и то, что в первом манифесте, опубликованном в 1763 году, не оговаривались какие-либо ограничения насчёт прибывающих (по выражению Д. И. Багалея, «иностранцы принимались все без разбору» [1, с. 86]). Манифест, где упорядочивалось переселение иностранцев, был издан только в 1804 году [1, с. 86-87], т. е. через 13 лет после смерти Потёмкина. Нетрудно догадаться, что многие недостатки, присущие бесконтрольным переселениям XVIII в., должны были выясниться как раз во время потёмкинской деятельности.

Большое внимание Потёмкин уделял сбережению и разведению новых лесов в Новороссии. В этих местах леса были редкостью и находились они только возле больших рек. В то же время была необходимость сделать здешний край более удобным для проживания. К тому же, в это время стараниями Потёмкина закладывались города, которые должны были стать центрами судостроения на Чёрном море.

Забота о решении «лесной проблемы» отражено в большом количестве документов. Так, в ордере от 26.08.1786 г. Потёмкин требует описать, размежевать и разделить казённые леса Таврики на части и лесосеки [11, с. 11]. В Николаеве для отопления применяли уголь, найденный исключительно в окрестностях города [5, с. 366, 367].

Перед Г. А. Потёмкиным стояла и задача организации системы управления вверенными ему территориями: в том числе – управления хозяйственной жизнью. Например, для управления сельскохозяйственной жизнью района была учреждена Контора земледелия и домоводства [5, с. 366]. В канцелярию, с помощью которой находившийся одно время в Петербурге Потёмкин управлял вверенными ему территориями, входили и два агронома – Прокопович и Ливанов [6, с. 66]. В конце 1789 года Потёмкин пишет о проекте школы для хлебопашества в Богоявленске, около Николаева [9, с. 369] (этот проект так и остался на бумаге).

В документах мы нередко видим, что Потёмкин требует от адресатов передачи ему самых раз-

нообразных статистических данных. Например, 15 марта 1788 года Потёмкин требует от Каховского точных данных, обеспечены ли обитатели Таврики достаточным количеством хлеба для посева, а если нет, то – сколько хлеба находится в запасных магазинах и достаточно ли его для ссуды [15, с. 61]. В феврале 1786 года у того же адресата князь требует предоставить ему данные относительно населения слободы Алешки: «состоящие в Алешках казенные поселенцы в каком количестве на семью или на человека провиантом довольствуются, сколько теперь всех мужского и женского пола душ, как годных к работе, так и престарелых и малолетних, в каком состоянии они суть со стороны экономии и хлебопашества» [10, с. 15].

Интересен ордер Потёмкина от 4.03.1787 г., где князь рекомендует Каховскому озаботиться созданием карты, на которую были бы нанесены земли, розданные поселенцам, и земли, которые остались пустыми. Необходимость этих сведений Потёмкин объясняет большим количеством поступающих к нему просьб о выделении земли. Последние официальные генеральные карты земель Новороссийской и Азовской губерний относились тогда к 1782 году [6, с. 71]; видимо, за пять лет произошло настолько много изменений, что и сам Потёмкин, и его администрация при выделении земель не всегда могли гарантировать, что эти земли окажутся никому не принадлежащими. Надо думать, состояние, в котором находилась система управления новоприобретёнными землями в 1787 году, ещё не позволяло своевременно получать точные данные о занятости того или иного участка.

Картина эффективности управления новороссийскими территориями дополняется циркуляром, который в 1787 году В. В. Каховский направил Ачказу Аге [17]. Ссылаясь на требования Потёмкина восстановить хлебопашество региона, Каховский излагает адресату меры, который он счёл нужным принять. В соответствии с циркуляром область была разделена на части, в каждую из которых направлялся смотритель; работа отдельных смотрителей контролировалась надзирателями. Со стороны администрации устанавливалась некоторая норма сельхозпродукции, которую поселяне должны были произвести и сдать, за что ответственными назначались смотрители и надзиратели.

Инициатива такой системы исходит, видимо, от самого Каховского и дворян, с которыми он советовался. Однако напомним и об ордере самого Потёмкина, назначавшем руководителя для кочующих в Таврике татар. В целом обе меры соответствуют друг другу: мы видим постепенное формирование системы управления и контроля жизни региона государственной администрацией.

Итак, документы свидетельствуют, что в своей деятельности по хозяйственному освоению Новороссии Г. А. Потёмкин уделял внимание задачам, которые необходимо было решить российским властям, только что получившим территорию Новороссии в управление. И хотя некоторые проекты оказались невыполненными, а эффективность исполнения распоряжений часто оставляла желать лучшего, всё же можно вынести положительную оценку деятельности Потёмкина как первого лица российской администрации Новороссии по хозяйственному освоению этих территорий.

Список источников и литературы

1. Багалея, Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры : Исторический этюд Д. И. Багалея. — Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1889. — 115 с.
2. Гавриил, А. Х. и Т. Переселение греков из Крыма в Азовскую губернию и основание Готфийской и Кафийской епархий / Гавриил [Розанов], архиеп. Херсонский // Записки Одесского Общества Истории и Древностей (ЗООИД). — Одесса, 1844. — Т. 1. — С. 197–204.
3. [Екатерина] Высочайшие указы (1787, 1789 г.) / Екатерина [Вторая, Всероссийская Императрица] // ЗООИД. — Одесса, 1872. — Т. 8. — С. 221–224.
4. [Екатерина Вторая] Манифест о дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах / Всероссийская Императрица Екатерина Вторая // Дворянский род Рогге (Rogge) : сайт. - URL: <http://genrogge.ru/gr/gr-manifest1.htm> (дата обращения: 11.02.2016).
5. Елисеева, О. И. Григорий Потемкин / О. И. Елисеева. — М. : Молодая гвардия, 2005. — 665 с.
6. Загоровский, Е. А. Организация управления Новороссией при Потёмкине в 1774–1791 годах / Е. А. Загоровский // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей (ЗООИД). — Одесса, 1913. — Т. 31. — С. 52–82., разд. паг.
7. Иванов, А. О. поселении раскольников в пределах нынешней Таврической губернии / А. Иванов // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии (ИТУАК). — 1889. — № 7. — С. 70–80.
8. Кабузан, В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.) / В. М. Кабузан ; АН СССР, Ин-т истории СССР. — М. : Наука, 1976. — 307 с.

9. Ордера князя Потёмкина: I. Распоряжения по устройству флота и города Николаева. II. По Новороссийскому краю // ЗООИД. — Одесса, 1858. — Т. 4. — С. 363–377.
10. Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784–1796) / Г. К. Киреенко // ИТУАК. — 2-е изд. — Симферополь, 1897. — № 3. — С. 1–35.
11. Ордера князя Потемкина, 1786 г. (продолжение) / Г. К. Киреенко // ИТУАК. — 2-е изд. — Симферополь, 1897. — № 4. — С. 1–31.
12. Ордера князя Потемкина, 1787 г. (продолжение) / Г. К. Киреенко // ИТУАК. — Симферополь, 1888. — № 6. — С. 1–35.
13. Ордера князя Потемкина, 1787 г. (продолжение) / Г. К. Киреенко // ИТУАК. — Симферополь, 1889. — № 7. — С. 1–24.
14. Ордера князя Потемкина, 1787 г. (продолжение) / Г. К. Киреенко // ИТУАК. — Симферополь, 1889. — № 8. — С. 1–11.
15. Ордера князя Потемкина правителью Таврической области (продолжение) / Г. К. Киреенко // ИТУАК. — Симферополь, 1891. — № 11. — С. 57–75.
16. Отвод земли грекам, переселявшимся из Крыма к Азовскому морю / Н. Мурзакевич // ЗООИД. — Одесса, 1858. — Т. 4. — С. 359–362.
17. Подлинный циркуляр 1787 года правителя Таврической области В. В. Каховского, на имя коллежского асессора Ачказа Аги, вследствие повеления, данного ему князем Г. А. Потемкиным принять меры к восстановлению запущенного в области хлебопашества / А. Матвеев // ЗИООИД. — Одесса, 1889. — Т. 15. — С. 678–680.
18. Распоряжения (Ордера) светлейшего князя Потемкина-Таврического правителью Таврической области В. В. Коховскому за 1784 и 1785 гг. / Ф. Лашков // ЗИООИД. — Одесса, 1889. — Т. 15. — С. 594–677.
19. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год / Н. Мурзакевич // ЗИООИД. — Одесса, 1881. — Т. 12. — С. 249–329.
20. Скальковский, А. История Новой Сечи, или последнего Коша Запорожского : Сост. из подлинных документов Запорожск. сечевого архива А. Скальковским. В 3 ч. Ч. 3. / А. Скальковский. — 2-е изд., испр. и значит. умноженное. — Одесса, 1846. — 296 с.
21. [Томилов] Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи землям, 1774 года / [Томилов ; П. А. Зеленый] // ЗООИД. — Одесса, 1868. — Т. 7. — С. 166–198.

Статья поступила в редакцию 18.03.2016

Matrosov, M. A. G. A. Potemkin's Activities Aimed at Novorossiia's Economic Development

Based on the analysis of his personal documents, the article studies the activities of Prince G. A. Potemkin (1739 – 1791), Governor-General of Novorossiia Krai, aimed at economic development of Novorossiia in 1774 – 1791. Novorossiia's economic development strategies of highest importance to Potemkin are covered.

Keywords: Novorossiia, development of Novorossiia, G. A. Potemkin's activities.

На основе письменных источников и данных археологии проведена историческая реконструкция событий, связанных с попыткой киевского князя Святослава Игоревича колонизировать устье Дуная. Анализируются причины поражения русской дружины в войне с Византией. Показано влияние религиозной политики князя на общую обстановку в нижнем Подунавье и собственную судьбу.

Ключевые слова: княжеская дружина, христианская община, колонизация, религиозная политика, волхвы.

М. Н. Козлов, профессор, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kmn_75@mail.ru

СВЯТОСЛАВ НА ДУНАЕ (К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕРУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ НИЖНЕГО ПОДУНАВЬЯ В СЕРЕДИНЕ X ВЕКА)

Интерес к Северному Причерноморью возник у наших предков отнюдь не в XVIII в. Богатый природными ресурсами регион испокон веков привлекал восточных славян своими бескрайними степными просторами и близостью международных торговых путей. В византийских и арабских письменных источниках VI–VIII в. неоднократно упоминается некая Причерноморская Русь, с территории которой воины-русы совершали военные походы на византийские поселения. Современные археологические исследования подтверждают существование восточных славян в VI–XI вв. в устье Дуная и нижнем Поднестровье. Во второй половине XI в. славянские поселения в этом регионе были уничтожены половцами [7, с. 143].

Особый интерес в современной исторической науке вызывает попытка в середине X в. киевского князя Святослава Игоревича расширить свои владения за счет болгарских земель в нижнем Подунавье. Это формулирует основную цель данной статьи, а именно, определить степень влияния религиозной политики князя Святослава на общую обстановку в нижнем Подунавье и ход русско-византийской войны 962–971 гг.

Согласно Повести временных лет в 965 году князь Святослав Игоревич совершил молниеносный поход в Хазарский каганат: «В лето 6473 (965). Иде Святослав на козары; слышавше же козари, изидоша противу с князем своим Каганом, и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их и Белу Вежю взя. И ясы победы и касоги» [5, с. 17].

На захваченных землях было создано Тмутараканское княжество, в состав которого вошли Восточный Крым, Таманский полуостров и нижнее Прикубанье. К сожалению, в древнерусских летописях Тмутаракань упоминается крайне редко лишь в связи с несколькими эпизодами междоусобных войн. Состав населения нового княжества, его социально-экономическая и политическая жизнь для нас остается полной загадкой. Известно только, что в конце XI в. Тмутаракань заняли половцы.

Менее удачной оказалась попытка Святослава занять устье Дуная. Так, согласно Повести временных лет, в самом начале Дунайской эпопеи удача сопутствовала киевскому властителю, и его дружина без труда заняла всю восточную Болгарию, в том числе столицу Переяславец. Так, в Повести временных лет поход русских дружин в Болгарию описывается следующим образом: «В лето 6475 (967). Иде Святослав на Дунай на Болгары. И бившемся обоим, одоле Святослав болгаром, и взя город 80 по Дунаеви, и седе княжа ту в Переяславци, емля дань на гръцех». Святослав счастлив на новом месте и даже хочет сделать Переяславец своей столицей. Не случайно он говорит своей матери Ольге: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя, из Чех же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скоро и воск, мед и челяд» [5, с. 17].

Летописец явно симпатизирует Святославу, подчёркивая его необычайную ловкость (сравнивает с леопардом), храбрость и невзыскательность (может спать на земле и питаться одной кониной). Став совершеннолетним, возможно, князь принял вместе с титулом правителя своего государства и сан высшего жреца бога Перуна. Как и положено, в таком случае, скоморохи-сказители стали слагать в его честь хвалебные оды-славы, которые легли в основу устных легенд и преданий о князе-воителе и, вероятно, были использованы Нестором в «Повести временных лет». Ситуация резко меняется в 969 году, когда болгарские союзники Святослава открыто переходят на сторону Византии, а в самом войске киевского князя назревает заговор. Что же произошло в 969 году? Повесть временных лет лишь безучастно вещает о поражении Святослава в Болгарии и его гибели у днеп-

ровских порогов, не сообщая о причинах поражения и гибели Святослава.

Несколько проясняет ситуацию Иоакимовская летопись, из текста которой мы узнаем о конфликте киевского князя с христианами руссами не только в Киеве, но и собственной дружине. Так, под 967 годом в источнике сообщается о расправах над знатными христианами в столице Киевской Руси: «О крещении Святослав и слышать не хотел, а из вельмож и смерть многие приняли, и от неверных весьма ругаемы были» [6, с. 56-57]. Необходимо отметить, что гонения на христиан начались еще при жизни княгини Ольги – их покровительницы, а расправа над христианами в столице, вероятно, связана с совершеннолетием Святослава и принятия им титула Киевского князя. Не случайно под тем же годом в Хронике Регинона Прюмского сообщается о бегстве из Киевской Руси, приглашенного Ольгой из Германской империи епископа Адальберта. Согласно источнику, большая часть посольства была перебита русскими фанатиками, а сам епископ едва спасся [3, с. 48-49].

После смерти великой княгини репрессии против христиан усилились и распространились на дружину князя: «По смерти Ольги Святослав пребывал в Переяславце на Дунае, воюя с казарами, болгарами и греками, имея помощь от тестя, князя угорского и князя лядского, не единожды побеждая, наконец за Дунаем у стены длинной все войско погубил. Тогда диавол возмутил сердца вельмож нечестивых, начал клеветать на христиан, бывших в войске, якобы это падение войск приключилось от прогневания лжебогов их христианами. Он же настолько рассвирепел, что и единственного брата своего Глеба не пощадил, но разными муками томя убивал. Они же с радостью на мучение шли, а веру Христову отвергнуть и идолам поклоняться не хотели, с веселием венец мучения принимали. Князь же, видя их непокорение, особенно на пресвитеров ярься, якобы то чарованием неким людям отвращают и в вере их утверждают, послал в Киев, повелел храмы христиан разорить и сжечь и сам вскоре пошел, желая всех христиан изгубить. Но Бог ведал, как праведных спасти, а злых погубить, ибо князь всех воинов отпустил полем к Киеву, а сам с немногими пошел в ладьях, и на Днепре близ (порогов) напали на них печенег и со всеми, бывшими при нем, убили. Так вот и принял казнь от Бога» [6, с. 57].

В этом сообщении особый интерес вызывает несколько любопытных деталей. Во-первых, к моменту поражения Святослава в битве под Доростолом в Киеве еще были пресвитеры и церкви, то есть первая волна языческой реакции, прокатившаяся по Руси еще при жизни княгини Ольги, не была столь фатальной для жителей Киева, как последующая, начавшаяся в дружине вскоре после поражения Святослава в войне. Во-вторых, в источнике, наконец, угадываются советчики Святослава, подталкивающие его к репрессиям против христиан. Автор Иоакимовской летописи называет их «нечестивыми вельможами», то есть высокопоставленные дружинники-бояре. Не ясно, в таком случае, зачем знатым воинам убивать своих братьев-христиан, находясь фактически в окружении врагов? Следует учесть, что за спиной дружины Святослава находились языческие жрецы, которые в глазах воинов должны были способствовать победе русичей над врагами и нести ответственность за провал всего Дунайского похода. Единственным выходом для жрецов было найти других виновников поражения и возложить ответственность на них. В противном случае их самих ждала расправа. Кроме того, языческие жрецы, отстраненные от власти Ольгой, жаждали мести. Возможно, что фраза Иакова Мниха о том, что Ольга «требища бесовьская съкруши», не была простой фантазией автора, так как разрушение языческих храмов зачастую сопровождалось убийством жрецов.

На момент подписания князем Святославом мирного договора с византийцами жрецы-волхвы уже полностью восстановили свое бывшее влияние. В пользу такого утверждения свидетельствует летописный текст мирного договора Святослава с византийцами. В отличие от подобного мирного договора князя Игоря, в котором все руссы клянутся христианским Богом и Перуном, в тексте Святослава христианский Бог не упоминается вовсе, а его место занимает Велес. Так, рядом с князем угадываются не только адепты Перуна, но и клан жрецов Велеса – волхвы. Таким образом, Иоакимовская летопись рисует нам образ другого Святослава – злобного фанатика и безжалостного убийцы, не пожалевшего родного брата. Вполне возможно, впрочем, что Святослав узнал о заговоре дружинников-христиан, недовольных бесконечными войнами с единоверцами. Возглавить русское войско после устранения Святослава должен был, вероятно, Глеб – сторонник мира с Византией.

Сообщения Иоакимовской летописи хорошо согласовываются с данными византийского хрониста Льва Диакона, видевшего в Святославе безжалостного и недалекого завоевателя, истребляющего болгарское население: «Сфендослав очень гордился своими победами над мисянами; он уже прочно овладел их страной и весь проникся варварской наглостью и спесью. Объятых ужасом испуганных мисян он умерщвлял с врожденной жестокостью: говорят, что, с бою взяв Филиппополь, он со своей собственной ему бесчеловечной свирепостью посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жи-

телей и тем самым смирил и [обуздал] всякое сопротивление и обеспечил покорность» [2, с. 193].

Святослав, по словам Льва Диакона, не останавливался не перед чем, даже умерщвлением младенцев. Так, по словам данного хрониста после одной из неудачных для Святослава битв, его воины принесли в жертву погибшим соотечественникам пленных болгар и их грудных детей: «И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили [несколько] грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра» [2, с. 207].

Лев Диакон, несомненно, пристрастен в своих сообщениях, так как многое в его рассказах является явным преувеличением. Так, количество жителей Филипполя, якобы преданных по приказу Святослава страшной казни абсолютно фантастично (по хронике – 20 тыс.). В небольшой крепости и в мирное время не было столько жителей, а, учитывая, что во время войн большая часть мирных жителей обычно покидает город, к началу осады Филипполя там могло находиться максимум 5–6 тысяч человек, большинство из которых были гарнизоном крепости. К тому же руссы не имели обычая сажать кого-либо на кол, такой обычай был присущ скорее самим византийцам. Вместе с тем, большая часть информации, сообщенная Львом Диаконом, скорее всего, соответствует действительности. Так, наличие у восточных славян обычая приношения в жертву погибшим воинам и жрецам детей находит подтверждение в ходе археологических раскопок храмов поздних язычников XI–XIII веков [4, с. 116–122].

Кроме того, сообщения Льва Диакона объясняют и массовый переход союзников-болгар на сторону Византии и недовольный ропот христиан в собственном войске. Вероятно, приглашенный византийцами в качестве союзника для расправы над восставшими болгарами, первоначально Святослав не встретил серьезного сопротивления со стороны этнически близких руссам жителей Подунавья. Однако вскоре, пораженные зверствами войск Святослава, местные жители обратились за помощью к своим вчерашним врагам – византийцам. Таким образом, недалековидный князь оказался в кольце врагов.

Автор «Повести временных лет» после сообщения о подписании мирного договора с Византией как-то теряет интерес к Святославу и лишь упоминает вскользь о его «случайной» гибели Святослава от печенежских сабель в низовьях Днепра: «Весне же приспевши, в лето 6480, поиде Святослав в пороги. И нападе на нь Куря, князь печенежский, и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбе его съделаша чашю, оковавше лоб его, и пяху из нее» [5, с. 45].

Согласно сообщениям нескольких византийских хронистов Святослав с небольшой частью древнерусской дружины из-за недостатка ладей остался до весны зимовать у днепровских порогов, а остальная дружина во главе со Свенельдом вернулась в Киев. Ранней весной Свенельд должен был с ладьями вернуться к днепровским порогам и забрать князя и оставшихся дружинников. Святослав погиб в середине апреля, не дождавшись помощи от Свенельда. Лед на Днепре тает в конце марта, таким образом, Свенельд никак не мог «опоздать» на выручку своего сюзерена. Скорее всего, он и не собирался спасать Святослава. Кроме того, косвенно подтверждает соучастие Свенельда в гибели Святослава последняя фраза летописца, подытожившая правления князя-воителя: «Свеналд же приде Киеву к Ярополку. И всех лет княженья Святослава лет 20 и 8» [5, с. 45]. Складывается впечатление, что Свенельд своим невмешательством хотел выслужиться перед Ярополком.

На первый взгляд, поведение высокопоставленного варяга было явным предательством древнерусского князя. В таком случае не ясно, почему летописец не осуждает Свенельда, а наоборот, пытается его обелить, приписывая ему попытку спасти своего сюзерена? Перейдя на службу к Святославу от Ольги (а до этого, согласно летописи, он служил князю Игорю), этот вельможа сохранил влиятельное положение в русской дружине. Византийские хронисты называли его вторым после Святослава в русском войске. Кроме того, согласно Повести временных лет, мирный договор с Византией составлялся от имени не только Святослава, но и Свенельда. Начинаясь текст этого договора словами: «Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде ...» [5, с. 47].

Свенельд активно поддержал Ольгу после смерти мужа и, возможно, сопровождал ее в поездке Константинополь в 944 году, во время которой Ольга и некоторые ее сторонники приняли христианство. Он не мог быть рьяным сторонником убийства христиан в войске Святослава.

По свидетельству Иоакимовской летописи, Святослав после убийства брата и его единоверцев послал часть дружины в Киев и «повелел храмы христиан разорить и сжечь». В пользу того, что приказ Святослава был выполнен, свидетельствуют данные археологии, согласно которым в Киеве

языческое святилище, возведенное князем Владимиром в конце 70-х – начале 80-х годов X века, было построено на месте христианского храма, остатки которого: камни и обломки штукатурки с фресковой живописью, – были обнаружены исследователями под фундаментом святилища. По мнению Я. Е. Боровского, храм был разрушен посланцами Святослава в конце 60-х – начале 70-х годов X века, то есть в период, когда начались гонения на христиан [1, с. 48]. Согласно же Иоакимовской летописи, во время правления Святослава была разрушена христианская церковь святого Николая [6, с. 56].

Вслед за посланцами князя должен был прибыть и сам властелин Киевской Руси. Судя по кровавой драме, разыгравшейся незадолго до этого на берегах Дуная, с его приходом в Киеве должны были начаться массовые убийства христиан. Это предположение подтверждает и автор Иоакимовской летописи, сообщающий, что Святослав шел к столице, «желая всех христиан изгубить».

В Киеве остались семьи многих дружинников, убитых по приказу Святослава после Доростольской битвы. Среди христиан было немало варягов-соотечественников Свенельда (не случайно автор «Повести временных лет» сообщил после описания договора князя Игоря с византийцами, что среди варягов оказалось много христиан). Кроме того, возвращение языческих жрецов к власти в Киеве никак не соответствовало интересам варягов, отношения которых со служителями языческого культа были традиционно враждебными. Поведение Свенельда становится вполне логичным и оправданным, так как, предав своего князя, Свенельд тем самым защитил христианскую общину в Киеве (да и во всей Руси) способствовал приходу к власти умного и гибкого Ярополка, лояльно относившегося к христианам.

Таким образом, можно сделать вывод, что уже в середине X века восточные славяне могли колонизировать нижнее Подунавье и закрепиться в части Северного Причерноморья, но религиозный фанатизм князя Святослава и его природная недалекость привела русское войско к поражению. Длительные и кровопролитные войны, которые вела дружина Святослава, погубили наиболее боеспособную часть войска, обострили отношения восточных славян с соседями, усилили племенной сепаратизм внутри самого государства.

Список источников и литературы

1. Боровский, Я. Е. Концепции язычества и христианства в буржуазной историографии и данные археологии / Я. Е. Боровский, А. П. Моця // Славяне и Русь в зарубежной историографии. — К. : Наукова думка. — 1987. — С. 121–139.
2. Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. — Т. 2: Византийские источники / сост. М. В. Бибилов. — 372 с.
3. Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. — Т. 4: Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. — 502 с.
4. Козлов, М. Н. К вопросу о детских языческих жертвоприношениях в домонгольской Руси / М. Н. Козлов // Причерноморье. История, политика, культура : Серия А. Античность и средневековье : Вып. XVI (V): избр. материалы XI и XII науч. конф. «Лазаревские чтения» / под общ. ред. С. Ю. Сапрыкина. — Севастополь : Фил. МГУ в г. Севастополе, 2015. — С. 116–121.
5. Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова ; под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. — Ч. 1: Текст и перевод. — 404 с.
6. Татищев, В. Н. История Российская. В 3 т. Т. 2. / В. Н. Татищев. — М. : АСТ, 2003. — 735 с.
7. Федоров, Г. Б. Славяне Поднестровья / Г. Б. Федоров // По следам древних культур. Древняя Русь / науч. ред. Г. Б. Федоров. — М. : Госкультпросветиздат, 1953. — С. 121–154.

Статья поступила в редакцию 15.03.2016

Kozlov, M. N. Prince Svyatoslav's Conquest of the Danube: An Outlook on the Ancient Russia's Colonization of the Lower Danube Region in the Middle of the Ninth Century

Based on written evidences and archeological records, a historical background reconstruction of Svyatoslav Igorevich of Kiev's attempt at colonization of the Danube's mouth has been made. His religion policy and its impact on the Lower Danube region and the prince's own life is focused upon.

Keywords: prince's retinue, Christian community, colonization, religion policy, the Magi.

ГЕОПОЛИТИКА

УДК 94(470)

Рассматриваются вопросы экономического, территориального, военного, гуманитарного характера, стоящие перед российской внешней политикой в 90-е гг. в отношениях с Украиной, в частности, связанные с Крымом, определение важности взаимоотношений двух стран в обеспечении стабильности на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Россия, Украина, взаимоотношения, противоречия, геополитика.

И. И. Козубенко, доцент, д-р ист. наук

Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе

E-mail: kozubenko.irina@gmail.com

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ 90-Х ГГ. 20 В.: ПРОБЛЕМНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Белорусы, украинцы, русские – народы, наиболее близкие в этническом, культурном и социально-политическом отношениях. Но, как многократно доказывала история, именно близость России и Украины создавала проблемы в их взаимоотношениях. Подтверждением этому служат многочисленные взлеты и падения в российско-украинских отношениях и их чрезвычайно сложный характер затяжного противостояния последних лет.

В сентябре 2016 г. исполнится 277 лет со дня рождения генерал-фельдмаршала светлейшего князя Таврического Г. А. Потемкина, чью роль в истории сложно переоценить. С его именем связаны Севастополь, Одесса, Николаев, Херсон, переименованный в Днепропетровск Екатеринослав. Несмотря на то, что для Потемкина главным предметом его внимания был восточный вопрос и расширение границ империи ради ее безопасности, князь всего себя отдавал Южной Малороссии и Новороссии. Несомненной заслугой князя Г. Потемкина в преобразовании Российской империи стало создание Черноморского флота и строительство Севастополя. И делал он это для развития и возвышения России. В 1805 г. адмирал П. В. Чичагов при всем своем критическом отношении к князю в письме к С. Р. Воронцову писал, что именно Потемкин внушил императрице убеждение в необходимости содержания сильного флота [3]. Основание Севастопольской гавани стало эпохой в истории русского флота, присоединение Крыма стало эпохой для всей России. И в 2015 г. виднейший французский политик сказал: «Крым не был завоеван Украиной в 18 веке. Он был завоеван Россией. На самом деле, именно императрица Екатерина II и знаменитый генерал Потемкин отвоевали Крым, и не у украинцев, а у турок и турецких вассалов. И затем Крым развивался как провинция России» [4]. В новейших российско-украинских отношениях вопрос Крыма стал одной из отправных точек тяжелейшей конфронтации. Однако конфликт Москвы и Киева по этому поводу разгорелся не в 2014 г., а после распада СССР – в начале 90-х гг. 20 в., когда активно поднимался вопрос о правомочности передачи Крыма в состав УССР, о его статусе. Но российское руководство и лично Б. Н. Ельцин относились к проблеме Крыма осторожно: изменение межреспубликанских границ толкало развитие ситуации по Югославскому сценарию. Россия имела в своем составе десятки автономий и проблем в них. События вокруг Крыма могли стать прецедентом. Руководство России не имело достаточных политических и военных ресурсов для втягивания в долгосрочное и чреватое войной противостояние с Киевом. В случае начала военного конфликта становилась проблематичной задача «легализации» России как правонаследницы СССР. Российское руководство отстранилось от решения вопроса, в то время как парламент автономии провозглашал акты, противоречащие украинским законам, президент Крыма Ю. А. Мешков, взяв курс на независимость от Киева, пытался создавать силовые структуры и деятельность крымских активистов находила поддержку на уровне патриотических организаций, политиков и отдельных региональных лидеров в Москве.

Не только проблемы Крыма, но и все российско-украинские отношения в первой половине 90-х годов оказались едва ли не самыми сложными во всей внешнеполитической деятельности РФ. На формирование политики России в отношении Украины влияло множество факторов, среди которых

следует выделить основные: 1) Украина как торговый и политический партнер имела для России первостепенное значение, и выстраивание прочных и взаимовыгодных отношений с Украиной было для России приоритетным. Украина являлась крупнейшей после РСФСР республикой СССР, высокой была степень интегрированности промышленности, через Украину шли основные транспортные маршруты в Европу, в республике были сосредоточены важные объекты ВПК, значительная группировка ВС, запасы вооружений; 2) в отношениях двух государств имелись важные психологический и культурный аспекты: «славянский компонент» – Белоруссия и Украина – воспринимались как естественные элементы российской самоидентификации. По мнению З. Бжезинского, «без Украины Россия перестает быть евразийской империей» [2, с. 26]. Во власти и в обществе процесс восприятия Украины как отдельного государства и выстраивания отношений с ней, как с любой другой соседней страной, шел весьма тяжело. В. Портников, цитируя Г. В. Старовойтову, пишет: «Ельцин был искренне уверен – ...как и любой среднестатистический россиянин, – что большая часть украинцев избирателей проголосует против независимости. Он не понимал, как это может быть – чтобы неотличимые от русских, говорящие по-русски украинцы хотели бы создавать свое собственное государство. И когда? Тогда, когда в России победила демократия!» [7, с. 50].

На Украине сильное влияние на взаимные отношения оказывал фактор подозрительности. Комплекс «младшего брата» способствовал идее необходимости утвердить свою национальную самоидентификацию: в корне украинской постсоветской идентификации лежит «негативный» подход, она построена вокруг концепта «украинец – это не русский» [8]. В. Пастухов, указывая на психологический фактор формирования взаимных отношений, замечает: «...отношения между Россией и Украиной скорее иррациональны, чем рациональны..., две фобии, которые доминируют сегодня: одна – это некая фобия того, что Россия может поглотить Украину, фобия постоянной интенции России восстановить империю, восстановить влияние. Обратная фобия – это подозрение Украины в наличии вечного «комплекса Мазепы», есть ощущение, что Украина замыслила коварство и предательство, и это единственная и необходимая цель ее политики» [6].

После формального распада СССР в 1992 год Украина и Россия вошли как два независимых соседних государства и основными задачами, стоящими перед ними, были:

1. Задачи реинтеграции. Украина – одна из создателей СНГ – сразу поставила себя вне основных рамок Содружества, держась отстраненно от основных интеграционных мероприятий и структур СНГ. Президент Л. М. Кравчук открыто объявлял СНГ «формой цивилизованного развода», выступая против «наднациональных структур». Киев не подписал большинство договоров в рамках СНГ, избегал участия в оборонительных и экономических структурах. В период 1994-1996 гг. Украина присоединилась в качестве наблюдателя или полноправного члена ко многим структурам СНГ, однако эти действия носили характер «дружеского жеста» Л. Д. Кучмы по отношению к России. Правительство придерживалось провозглашенной многовекторности: Украина участвовала, по крайней мере, формально, во всех инициативах СНГ и в то же время налаживала тесные контакты с ЕС, США. Все соседние страны были провозглашены «стратегическими партнерами» Украины.

2. Экономические задачи. Промышленные предприятия двух стран были интегрированы в рамках советской экономики. Разрыв этих связей угрожал остановкой производства и закрытием предприятий. После 1991 г. объем торговли значительно упал. Если в 1991 году на Россию приходилось 80 % украинского экспорта [8, с. 23], то в 1995-1996 гг. доля России в товарообороте Украины составляла 47 %, в 1997 г. – 40 %, а 1998 г. – около 33 % [1, с. 30]. В 1997 г. объем взаимной торговли составлял около 14 млрд. долл. Однако в процентном соотношении товарооборот значительно сократился. Над двухсторонними отношениями довлел вопрос внешней задолженности Украины. Россия сохраняла объемы поставок газа и нефтепродуктов на Украину, в то же время Украина не могла обеспечить своевременной оплаты товара. Газовые долги усиливали позиции России в переговорах по ключевым вопросам.

3. Задачи стабильности доступа в Европу российского экспорта. Украина является основным маршрутом российского экспорта в Европу. С обретением независимости Киев получил прямой доступ к европейским потребителям газа. В начале 90-х гг. в условиях острого экономического кризиса эта проблема стояла крайне остро и влияла на украинско-российские взаимоотношения. Понимая важность для России транзитного потенциала Украины, официальный Киев использовал этот фактор как один из внешнеполитических козырей, сохраняя контроль над газотранспортной системой. В то же время Россия могла требовать своевременную оплату или повышение цены на газ.

4. Задача раздела советских активов и обязательств по советским внешним долгам. По первоначальному соглашению активы и пассивы СССР делились между странами СНГ в пропорциональ-

ном соотношении. Доля Украины составила значительную часть – 16,7 %. Россия взяла курс на легализацию себя перед внешним миром как правопреемницы СССР, в том числе и в вопросах долгов, кредитов и зарубежной собственности. В 1992-1994 гг. были подписаны со всеми республиками СНГ соглашения о «нулевом» варианте. Переговоры же по данной проблеме с Украиной были длительными. В декабре 1994 г. администрация президента Л. Д. Кучмы подписала договор об отказе от советских активов. Однако парламент Украины его так и не ратифицировал, и, несмотря на все усилия российской дипломатии, с Украиной вопрос советского наследия до сих пор окончательно не решен, как и не решены вопросы украинской задолженности по государственным кредитам, за российский газ.

5. Задачи в военной сфере. На территории Украины находилась большая группировка Советской Армии, хранились значительные запасы оружия и военных материалов. Планы Киева и Москвы на будущее вооруженных сил СССР принципиально отличались. Украина однозначно взяла курс на «национализацию» военного наследия и создание на его основе ВС Украины за счет переподчинения частей ВС СССР, дислоцированных на ее территории. Россия изначально придерживалась идеи единой армии СНГ. Вокруг этой проблемы разгорелся серьезный конфликт, в значительной степени связанный с разделом ЧФ. Россия не имела реальных механизмов влияния на эти события, так как сам процесс создания собственных ВС даже не начинался, а дислоцированные на Украине войска принадлежали государству, которое упразднил сам российский президент. Указ президента РФ о подчинении ему ВС СССР появился лишь в мае 1992 г. Он предусматривал подчинение ВС России не только частей на территории РФ, но и за ее пределами. Однако к тому времени процесс организации ВСУ уже значительно опережал ответные действия Москвы при готовности определенного числа командного состава бывшей СА перейти в подчинение Киеву. Опоздание в несколько месяцев было для того времени решающим. Россия отказалась от борьбы за воинские части на территории Украины. Единственной структурой ВС СССР, которая сопротивлялась «национализации», был ЧФ, хотя в октябре 1991 г. Верховный Совет Украины принял решение о подчинении Украине ЧФ. 5 апреля 1992 г. президент Украины Л. М. Кравчук подписал Указ «О переходе Черноморского флота в административное подчинение Министерству обороны Украины». 7 апреля 1992 г. президент РФ Б. Н. Ельцин издал Указ «О переходе под юрисдикцию Российской Федерации Черноморского флота». Страны оказались на грани «горячей» войны. Одни корабли подняли на мачтах Андреевский флаг, другие флаг Украины. Стороны находились в полушаге от открытия огня. В июне 1992 г. Б. Н. Ельцин и Л. М. Кравчук подписали соглашение о продолжении переговорного процесса по созданию ВМФ России и ВМС Украины на базе ЧФ. В августе 1992 г. президенты России и Украины подписали соглашение о принципах формирования ВМФ России и ВМС Украины на базе ЧФ бывшего СССР, согласно которому ЧФ становится Объединенным флотом России и Украины с объединенным командованием. В 1995 г. на встрече Б. Н. Ельцина и нового президента Украины Л. Д. Кучмы было подписано соглашение, по которому ЧФ России и ВМС Украины базируются раздельно. России передается 81,7 %, Украине – 18,3 % судов. В 1997 г. были подписаны итоговые межправительственные соглашения о статусе и условиях пребывания ЧФ России на территории Украины, о параметрах деления ЧФ, о взаиморасчетах, связанных с разделом флота и пребыванием ЧФ РФ на украинской территории.

6. Задача определения статуса стран, владеющих/не владеющих ядерным оружием. После 1991 года Украина оказалась третьей ядерной державой по количеству боеголовок и носителей. Это стало серьезным вызовом для ее соседей. Хотя Украина в принятой в 1990 г. «Декларации о суверенитете» провозгласила свой безъядерный статус, в стране сформировалось общественное мнение о необходимости сохранить ядерное оружие. На Украине противостояли три группы сторонников / противников по этому вопросу. В поддержку ядерного статуса выступала группа, представленная, в основном, бывшим советским генералитетом. За скорейшее обретение безъядерного статуса выступал МИД и многие прозападные политики. Вокруг Л. М. Кравчука объединилась «центристская» группа, считавшая необходимым обусловить отказ от ядерного оружия различными уступками и гарантиями со стороны Запада и России. И в связи с обострившимся конфликтом вокруг ЧФ Украина смогла использовать ядерный фактор как элемент давления на Москву: Л. М. Кравчук в мае 1992 г. подчинил ракетную и воздушную стратегические армии МО Украины. Съезд народных депутатов РФ принял решение ратифицировать Договор СНВ-1, но не обмениваться ратификационными грамотами до тех пор, пока Украина не присоединится к ДНЯО. Это вынудило администрацию Дж. Буша к активному и непосредственному давлению на Киев, что привело к заключению лиссабонских соглашений, по которым Украина окончательно соглашалась на присоединение к ДНЯО.

7. Задачи разрешения территориальных претензий и упорядочивания границ. Споры Москвы и Киева по поводу Крыма сводились к двум основным вопросам: о статусе Крыма и Севастополя, о судьбе Черноморского Флота.

8. Задачи гуманитарного характера, в частности, определение статуса русского языка. На территории Украины проживало 9 млн. этнических русских, количество «русскоговорящих» достигало 50 % населения. Киев был нацелен на инкорпорацию этнических русских в состав украинской политической нации. Российская оппозиция часто критиковала Б. Н. Ельцина и его администрацию за недостаточно жесткую и последовательную позицию в отстаивании интересов русскоязычных жителей Украины. В языковой политике Украины проявилась нечеткость языкового законодательства и, одновременно, жесткость правоприменительной практики, однозначно ориентированной на укрепление позиций украинского языка и допускающей популистские «реверансы» в сторону языков национальных меньшинств. Официальные органы ссылались на ст. 10 Конституции Украины, в которой зафиксировано положение об украинском государственном языке, и игнорировали положение той же статьи о свободном развитии, использовании и защите русского языка и других языков национальных меньшинств. После провозглашения Украиной независимости пространство русского языка резко сузилось путем закрытия русских школ, сокращения обучения в вузах на русском языке, закрытия кафедр русской филологии, снижения поступления русских учебников, книг и газетно-журнальной продукции. В Крыму властями осуществлялась целенаправленная политика по вытеснению русского языка из общественной жизни, включая принудительные меры воздействия на сограждан. Были выработаны рекомендации, согласно которым использование русского языка квалифицировалось как угроза национальной безопасности Украины. Сохранив свое присутствие в образовании, русский язык в Крыму повсеместно вытеснялся из официально-деловой, судебной, административной, информационной сфер.

9. Вопросы определения дальнейшего строительства отношений с Западом. Во внешней политике Украины наблюдалось заметное тяготение к западным институтам – ЕС и НАТО. Некоторые высокопоставленные чиновники открыто говорили о возможном вступлении в альянс. В большой степени это делалось для оказания давления на российское руководство, порой неприкрытого шантажа по спорным вопросам. Планы НАТО относительно расширения на восток, заигрывание Запада с Киевом, потакание антироссийским выпадам Киева в 90-е гг. вызывали у РФ серьезные опасения. США и ведущие европейские державы признавали, что российско-украинское сотрудничество играет важную роль в обеспечении стабильности всего евро-атлантического региона, но, с другой стороны, всякое сближение РФ и Украины неизбежно вызывало у Запада беспокойство по поводу возрождения российской империи.

Отношения России и Украины в 90-е гг. прошли те же стадии, что и вся политика России ельцинского периода в СНГ. Она носила реактивный характер. Москва лишь реагировала на внешнеполитические запросы и шаги Киева. «Российская дипломатия была вынуждена отвечать на выдвинутые Украиной условия вывода с ее территории ядерного оружия, на ее отказ совместно использовать и финансировать Черноморский флот, на образование многомиллиардной украинской задолженности и практику несанкционированной откачки газа из магистральных трубопроводов, на проведение политики, ограничивающей сферу применения русского языка и образования на русском...» [5, с. 114]. Действия российского руководства редко достигали стратегических задач, да и сами стратегические цели на украинском направлении не были четко сформулированы.

Исследование недавнего прошлого помогает понять настоящее. И осознать, что многие проблемы российско-украинских отношений накапливались годами, а националистические зерна падали в благодатную почву, на протяжении многих лет сдобриваемой самим украинским истеблишментом. И задуматься вновь о роли России и ее миссии. И вспомнить слова светлейшего князя Таврического – «возвысить славу России».

Список литературы

1. Белова, В. Л. Некоторые проблемы региональной экономической реинтеграции стран СНГ / В. Л. Белова, М. А. Быкова // Социально-гуманитарные знания. — 1999. — № 1. — С. 118–133.
2. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы) / З. Бжезинский. — М. : Международные отношения, 2010. — 256 с.
3. Брикнер, А. Г. Потемкин. IV. Деятельность Потемкина до 1786 г. / А. Г. Брикнер // АДЪЮТАНТ! : сайт. — URL: <http://adjutant.ru/potemkin/brikner04.htm> (дата обращения: 15.02.2016).
4. Валери Жискар д'Эстен: Генерал Потемкин отвоевал Крым не у Украины : 28.03.2015 / сост.

antifa // АНТИФАШИСТ ... – antifashist : сайт. — URL: <http://antifashist.com/item/valeri-zhiskar-desten-general-potemkin-otvovael-krym-ne-u-ukrainy.html> (дата обращения: 10.02.2016).

5. Мошес, А. Славянский треугольник. Внешняя политика России: 1991–2000 / А. Мошес // Pro et Contra. — 2001. — Т. 6. — № 1–2. — С. 107–121.

6. Пастухов, В. Б. Сила взаимного отталкивания: Россия и Украина – две версии одной трансформации / В. Б. Пастухов // ПОЛИТ.РУ : сайт. — URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/10/29/rusukr/> (дата обращения: 10.02.2016).

7. Портников, В. Э. Миф умер – да здравствует миф! / В. Э. Портников // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 6 (50). — С. 51–56.

8. Украина-Россия : проблемы экономического взаимодействия = Україна-Росія : проблеми економічної взаємодії / С. И. Пирожков [и др.]. — К.: НИУРО, 2000. — 255 с. — На укр. яз.

Статья поступила в редакцию 10.03.2016

Kozubenko, I. I. *The Russian-Ukrainian Relations of the Early 1990s: A Problem-Focused Historical Analysis*

The article considers the foreign policy challenges of economic, territorial, military and humanitarian nature that Russia had to stand up to in its relations with Ukraine, namely, over Crimea. The importance of Russian-Ukrainian relations for stability provision in post-Soviet area is analyzed.

Keywords: Russia, Ukraine, relationship, conflicts, geopolitics.

УДК 94(47).066:327

Показана роль Г. А. Потемкина в формировании внешнеполитической линии, которую проводило русское правительство во второй половине царствования Екатерины II в крымском вопросе. Рассматриваются идеи Потемкина через призму реальных политических событий и потребностей, имевших место в России и их отличие от идей предшественников.

Ключевые слова: крымский вопрос, геополитика, Крымское ханство, проекты.

Л. В. Арутюнян, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

E-mail: larisaarutyunyan@yandex.ru

КРЫМСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. А. ПОТЕМКИНА

В период правления Екатерины II результатом внешнеполитической деятельности Российской империи стало значительное расширение ее границ, как на запад, так и на юг. И в этом большая заслуга принадлежит Светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому – ближайшему сподвижнику императрицы. В истории России он известен не только как фаворит Екатерины II и влиятельный сановник, но и как выдающийся государственный деятель и военачальник, который на протяжении 17 лет (с 1774 по 1791 годы) фактически выполнял функции второго после императрицы лица в государстве, руководил военной, внешнеполитической и административно-хозяйственной сферами. Об активном участии Г. А. Потемкина в государственных делах свидетельствует его многочисленная переписка с Екатериной II., в которой затрагивался целый ряд важных государственных вопросов.

Во внешнеполитической деятельности Г. А. Потемкин руководствовался идеями, сформулированными им в нескольких геополитических проектах. Это его записки «О Крыме» 1782 г., «О Польше» 1788, 1790, 1791 гг., «О Швеции» 1789 и 1791 гг., а также связанные с ними другие документы. В них отражены идеи, ставшие основополагающими во внешней политике Российской империи второй половины царствования Екатерины II и заложившие основы для дальнейшей геополитики в этих регионах. Проекты разработанные Потемкиным имели сугубо прагматичный характер, и призваны были решать насущные вопросы внешней политики России того периода, которые можно было осуществлять, в основном, опираясь только на свои силы. Как отмечала Елисеева, в проектах Потемкина рассматриваются вопросы, отражающие интересы России, обусловленные ее географическим положением, особенностями государственных границ, что требует от государства выработки комплекса мер в национальной политике с учетом специфических условий.

Потемкин дает анализ принципов стабильности и нестабильности отдельных участков границ, рекомендации о формировании вооруженных сил, с учетом реальных условий защиты рубежей Российской империи с различными климатическими условиями и ландшафтом. Большое внимание уделяется взаимоотношениям органов государственной власти с многочисленными народами, проживающими в стране. Сделан детальный анализ о пользе разных внешнеполитических союзов для России. Территориальная экспансия Российской империи и включение в ее состав новых народов напрямую связывалась Потемкиным с этнической, культурной и религиозной принадлежностью присоединяемых территорий.

Одним из ключевых достижений российской внешней политики, претворивших в жизнь замыслы светлейшего князя Г. А. Потемкина, является присоединение Крымского ханства.

Деятельность Григория Потемкина в различных сферах изучали многие исследователи, в том числе: Н. Ю. Болотина, О. И. Елисеева, Е. Е. Гоппе, В. С. Лопатин, А. В. Мальгин, С. Махов и др.

Длительный период в истории России ее внешнеполитическая деятельность на так называемых «южных» (тогда назывались восточными) рубежах, не была успешной. Многочисленные военные действия здесь носили оборонительный характер, или выполнялись союзнические обязательства в составе антитурецкой коалиции, преследующие при этом, в конечном итоге, решение своих проблем на западе, в частности, с Польшей или со шведами. Вероятно, такая позиция была обусловлена тем, что Россия не рассматривала южное направление в качестве области своих первоочередных интересов. Хотя, необходимо отметить, что во время правления царевны Софьи Алексеевны и Петра I начали говорить о своих притязаниях на крымские земли. О присоединении Крыма к России и о завоевании Константинополя высказывался также и главнокомандующий русской армией граф

Б. Х. Миних в начальный период русско-турецкой войны 1736–1739 гг., но оно, вероятно, отражало собственное мнение генерал-фельдмаршала, а не позицию государства [5, с. 49].

Безуспешные военные кампании русских войск в XVI–XVII вв. привели к осознанию того, что только обладание Крымом позволит установить господство в Северном Причерноморье. Завоевание Крымского ханства стало одним из приоритетов во внешней политике России в XVIII веке. Однако, более акцентированной заинтересованность России в Причерноморье стала только после вступления на престол Екатерины II.

В записке канцлера Российской империи графа М. И. Воронцова «О Малой Татарии», поданной императрице 6 июля 1762 г., было высказано мнение о роли Крыма для России: «Полуостров Крым местоположением своим настолько важен, что действительно может почитаться ключом российских и турецких владений; доколе он останется в турецком подданстве, то всегда будет страшен для России, а напротив того, когда бы находился под Российскою державою, или бы ни от кого независим не был, то не токмо безопасность России надежно и прочно утверждена была, но тогда находилось бы Азовское и Черное море под ея властью» [2, с. 17].

Однако, в первую половину правления Екатерины II во внешнеполитической деятельности России доминировала, ориентированная на Пруссию, группа сановников с вице-канцлером графом Никитой Ивановичем Паниным во главе. Она проводила политику сближения России с Пруссией. Данная группировка считала, что Россия не настолько могущественна, чтобы проводить независимую внешнюю политику и лишь в союзе с Германией может достичь результатов на международной арене. В 1764 г. Паниным был предложен императрице план создания союза северных держав России, Пруссии, Дании, Швеции и Польши при ведущей роли Берлинского двора, а также при учете интересов и благожелательного нейтралитета Великобритании – «Северный аккорд». Этот союз призван был противостоять Франции и Австрии. Преимущество этого проекта виделось в том, что договора, заключенные Россией с этими странами, позволяли сохранить безопасность всей северной и северо-западной границы государства и возможность беспрепятственно осуществлять торговлю на Балтике и Северном море.

Таким образом, и «Северный Аккорд» не предусматривал активной российской политики на юге. Данный проект не был осуществлен. Тем не менее, идея создания альянса с Пруссией, как основным партнером России в Центральной Европе, была доминирующей до начала 80-х гг. Этот период, впоследствии, Екатерина II в письме Г. А. Потемкину назовет «прусским гнетом» [2, с. 123].

Отношение Панина к крымскому вопросу сформулировано в труде «Татарская негоциация», который обсуждался на заседании Государственного совета в марте 1770 г. «Совет рассуждал и обще согласился», что Крым и другие «под властью хана находящиеся татары» не будут полезными подданными ее императорского величества. В качестве аргументов в пользу такого вывода приводится, что «никакие с них порядочные подати собираемы быть не могут», «к обороне границ служить не будут». Также, завоевание этих территорий «может вызвать против себя общую и небезосновательную зависть и подозрение в беспредельном намерении умножения своих областей» [2, с. 44].

В результате, было принято решение о том, что значительно выгоднее не присоединять Крым, а сделать Крымское ханство независимым государством под протекторатом России. «Как мало России пользы от подданства сего полуострова с подчиненными ему другими татарскими ордами, так напротив того велико и значительно может приращение силам и могуществу российским, если они отторгнутся от власти турецкой и оставлены будут навсегда в независимости» [4, с. 49].

В своей внешней политике Панин не преследовал цели исключить отдельных игроков с политической арены, а следовал принципам установления взаимоотношений с ними. Ни в Курляндии, ни в Польше, ни в Крыму, он не рассматривал вопрос завоевания территорий, а изыскивал способы оказания влияния на них. Так, Панин планировал, предоставив формальную независимость Молдавии, Валахии и Крыму, создать буферную зону, отделяющую Россию от Турции.

Участие в разделе Речи Посполитой в 1772 году по инициативе Фридриха II явилось вынужденной мерой и не отвечало интересам России, так как она планировала сохранить польское государство в качестве буферной зоны между Россией и германскими государствами. По мнению некоторых историков, именно раздел Польши и явился причиной распада «Северного Аккорда». Изменение вектора направленности внешнеполитического курса Российской империи во второй половине правления Екатерины II произошло после Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. с ростом влияния Г. А. Потемкина. Вместе с единомышленниками, он создал придворную прорусскую партию, которая смогла постепенно оттеснить на второй план «прусскую» партию графа Н. И. Панина [1, с. 270].

Представители «русской» партии приняли идеи канцлера Андрея Ивановича Остермана, выска-

занные еще в 30–40-х гг. XVIII в., который считал, что России необходимо придерживаться своих собственных интересов, и не попадать под влияние других государств [2, с. 203]. Такая позиция давала возможность России отказаться от роли государства-сателлита.

Концепции «Северного аккорда» Потемкин противопоставил планы продвижения России на юг к северному побережью Черного моря, установления господства над Дунайскими княжествами и Северным Кавказом. Решающая роль князя Г. А. Потемкина в обосновании необходимости присоединения Крымского ханства к России не вызывает сомнения. Записка «О Крыме», написанная им в 1782 г. Екатерине II, впервые была опубликована С. М. Соловьевым в книге «История падения Польши».

Однако, присоединение Крыма к России явилось итогом длительного процесса. Письма Потемкина 1782 г. и Манифест Екатерины II 1783 г. явились итогом долгой и кропотливой работы. С начала 1770-х гг. Россия начала проводить политику создания формально независимого но фактически подконтрольного России, Крымского ханства, поддерживая лояльную России власть в Крыму. Победа в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., способствовала дальнейшему претворению такой политики в Крыму.

21 июля 1774 года Турция подписала Кючук-Кайнарджийский договор, согласно которому в состав России вошли крымские крепости Керчь и Еникале, на северном побережье Черного моря Кинбурн с прилегающими территориями, а также Азов и Кабарда. Россия получила право торговать и иметь военный флот на Черном море, а также проводить торговые суда через проливы. Крымское ханство формально получило независимость под протекторатом России, что должно было укрепить безопасность южных границ России.

Однако, Турция не смирилась с таким положением, и вынашивала планы вернуть Крым в вассальную зависимость и готовилась к новой войне с Россией. Она потребовала вернуть ей право назначать в Крыму судей и таможенных чиновников, отказаться от независимости крымского ханства, а также возвратить Кинбурн и Тамань.

Крымский хан Девлет-Гирей также не захотел признать этот договор, бежал на Тамань и стал готовить наступление на Еникале и Керчь. Недовольны были и определенные протурецки настроенные слои населения в самом крымском ханстве. Все это дестабилизировало обстановку на полуострове. Бунт приверженцев Османской Турции в Крыму и высадка в 1774 г. турецких войск были подавлены введенными туда русскими войсками, но не изменили политики России поддерживать выбранного знатно, крымского хана. И только когда в 1775 г. крымским ханом стал противник России Девлет-Гирей, русское правительство решило посадить на ханский престол своего ставленника.

В марте 1777 г. ханом стал, лояльный России, Шагин-Гирей. Ему была предоставлена возможность самостоятельно решать внутренние вопросы ханства, а внешнюю политику необходимо было согласовывать с Россией. Таким образом, был установлен российский протекторат над Крымским ханством. Однако, проводимые Шагин-Гиреем реформы, вызвали новый бунт.

Турецкий султан, не признавший Шагин-Гирея законным правителем, назначил ханом Селим-Гирея, который вместе с турецким флотом направился в Крым. Россия вынуждена была опять вводить в Крым войска для защиты своего ставленника. В декабре 1777 года в районе урочища Сары-Абыз Селим-Гирей был разгромлен.

Князь А. А. Прозоровский, участвовавший со своим корпусом в подавлении мятежа в письме к Потемкину в конце 1777 года обосновывал благоприятность создавшейся ситуации для присоединения крымского ханства к России. Такого же мнения придерживался и граф Румянцев [5, с. 45].

Однако, ни Екатерина, ни Потемкин не решились в тот момент на присоединение Крыма, так как это могло вызвать новую войну с Турцией, к которой Россия была не готова. Внутри самой страны обстановка была нестабильной. Не так давно было подавлено восстание Е. И. Пугачева.

Вместо этого начинается операция по выводу христиан из Крыма. Такое решение обосновывалось тем, что во время мятежа 1777 года христианские общины греков и армян поддерживали русские войска, и теперь при каждом новом возмущении татар в Крыму звучали призывы вырезать христиан. Однако, помимо чисто гуманных соображений, преследовалась цель экономически ослабить Крымское ханство и поставить его в полную зависимость от России, лишив его основного источника доходов от податей, которые платило христианское население полуострова.

Потемкин решил вывезти из Крыма христианские семьи и поселить их в Новороссии. для заселения плодородных земель юга России людьми, имеющими большой опыт в торговле, ремеслах, возделывании земель. Процесс переселения народов протекал сложно, так как христианам приходилось покидать насиженные места. Хан Шагин-Гирей также поначалу не соглашался отпустить армян

и греков, так как налоги с них давали большие поступления в казну. Но Потемкин убедил его не препятствовать переселению.

Сохраняющаяся на протяжении ряда лет угроза войны с Турцией из-за Крыма, а также борьба за независимый от влияния Пруссии внешнеполитический курс в Европе, привело к сближению России с Австрией, также стремившейся к разделу европейских земель Османской Порты. За союз со Священной Римской империей выступали Г. А. Потемкин, А. А. Безбородко, П. В. Завадовский, А. Р. Воронцов и другие представители русской партии. Однако, в отличие от остальных, Потемкин считал сближение с Австрией временной мерой. По его мнению, российская политика в Европе не должна способствовать усилению могущества одного из немецких государств [2, с. 12].

В мае 1781 г. был подписан русско-австрийский договор об условиях взаимной помощи в борьбе с Портой. Он позволил Екатерине заручиться благожелательным нейтралитетом империи Габсбургов на случай решительных действий в крымском вопросе. Это было своевременной мерой, так как в Крыму в очередной раз возникла критическая ситуация. После подписания Айналы-Кавакских договорённостей между турками и русскими в 1779 году, российские войска покинули Крым и не могли влиять на ситуацию внутри ханства.

В результате в мае 1782 г. на полуострове произошла очередная междоусобица. Против Шагин-Гирея подняли мятеж два его брата, Батыр и Арслан. Протурецкая партия Крыма избрала ханом Батыр-Гирея, и обратилась к Порте за помощью. Воспользовавшись мятежом, турки заняли Тамань, готовя отправку войска в Крым. Шагин-Гирей бежал из Кафы в Керчь и искал помощи у России. Потемкин писал Екатерине: «...Случай же ввести в Крым войска теперь настает, чего и мешкать не надобно. Преданный Вам союзник и самовластный государь своей земли требует Вашей защиты к усмирению бунтующих. Те ж войска останутся в Крыму, доколе нужно будет» [3, с. 132].

В рескрипте на имя Потемкина в июне 1782 г., Екатерина II передавала ему все полномочия «сделать все потребные распоряжения, кои были бы достаточны к защищению хана Шагин-Гирея и к приведению нами в повиновение ему татарских народов» [3, с. 86].

В конце сентября 1782 г. Россия ввела войска в Крым. Непопулярность среди населения политики Шагин-Гирея, нарушавшей национальные и религиозные обычаи, а также постоянные происки Турции в Крымском ханстве все больше укрепляли Потёмкина во мнении о необходимости присоединить Крым к России. Анализ ситуации в Турции (страшный пожар в Стамбуле, бушевавший более двух суток, свержение визиря – сторонника войны), а также заключенный союз с Австрией, позволяли ему сделать вывод, что Порта в данный момент не решится на войну с Россией из-за Крыма. В переписке с Екатериной II, он убеждает императрицу, что сохранение независимости крымского ханства будет служить постоянным очагом напряженности в отношениях с Турцией.

Эта переписка свидетельствует о готовности Потемкина и Екатерины решать крымский вопрос радикально, т.е. уже с этого времени началось рассмотрение конкретного вопроса о присоединении Крыма к России. Таким образом, внешнеполитическая деятельность по присоединению Крыма к России в 1782 г. вступила в заключительную фазу своей реализации. Аргументы Г. А. Потемкина о необходимости присоединения Крыма изложены в направленной им записке к Екатерине II в качестве приложения к Проекту письма к австрийскому императору Иосифу II, а также в собственноручной записке Г. А. Потемкина «О Крыме». Изучение переписки позволяет сделать вывод о том, что между Потемкиным и Екатериной происходило неоднократное обсуждение вопроса о присоединении Крыма России.

Приведенные ниже выдержки из переписки раскрывают роль светлейшего князя в присоединении Крыма. Потемкин пишет императрице: «Если же не захватить ныне, то будет время, когда все то, что ныне получили даром, станем доставать дорогою ценою. Извольте рассмотреть следующее. Крым положением своим разрывает наши границы ... Положите теперь, что Крым Ваш, и что нету уже сей бородавки на носу» [2, с. 98]. «... С Крымом достанется и господство в Черном море, от Вас зависеть будет запираеть ход Туркам и кормить их или морить с голоду». 14 декабря 1782 г. Екатерина II в секретном рескрипте на имя Г. А. Потемкина предписывает ему принять все меры к присоединению Крымского ханства к России «при первом к тому поводе» [4, с. 107].

Решение о присоединении Крыма имело довольно сильное противодействие в правительственных кругах, и Екатерина отдавала должное воле и настойчивости, которые Потемкин проявил в преодолении этих негативных настроений.

Через пророссийски настроенных представителей татарской знати Потемкин склонил хана к отречению от престола и организовал просьбу жителей Крыма о принятии их в русское подданство. В начале апреля 1783 года Шагин-Гирей отрекся от престола. Потемкин, узнав об этом, предложил

«объявить поводом сложение ханом его достоинства» для обоснования присоединения Крыма, поскольку Россия «не может в другой раз испытывать, каков будет новый хан» [3, с. 123].

8 апреля 1783 г. Екатерина II подписывает манифест «О принятии полуострова Крыма, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу».

В Манифесте отмечалась «вынужденность» такого шага, обусловленного исключительно миротворчеством. После отречения Шагин-Гирея татарская знать обратилась к Екатерине с просьбой присоединить Крым к России. 10 июля из лагеря при Карасубазаре Потемкин сообщил императрице о присяге татарской знати. «Знатные уже присягнули, теперь за ними последуют и все...» [4, с. 108].

Таким образом, присоединение Крыма одна из наиболее важных внешнеполитических побед Екатерины и Потемкина. Российская политика в этом вопросе претерпела существенные изменения. Этому важному событию предшествовали долгая подготовка, выжидание удобного международного момента, многочисленные промежуточные ступени на пути вхождения полуострова в состав Российской Империи.

Список литературы

1. Болотина, Н. Ю. Потемкин / Наталья Болотина. — М. : Вече, 2014. — 477 с.
2. Елисеева, О. И. Геополитические проекты Г. А. Потемкина / О. И. Елисеева. — М.: ИРИ РАН, 2000. — 342 с.
3. Лопатин, В. С. Потемкин и Суворов / В. С. Лопатин; РАН. — М. : Наука, 1992. — 287 с.
4. Лопатин, В. С. Новое о планах князя Г. А. Потемкина по присоединению Крыма к России / В. С. Лопатин // Москва-Крым : Историко-публицистический альманах. — М : Фонд «Москва-Крым», 2000. — Вып. 2. — С. 88–107.
5. Мальгин, А. В. Присоединение Крыма к России в свете мотивов имперской экспансии / А. В. Мальгин // История и современность. — 2013. — №1 (17). — С.45–68.

Статья поступила в редакцию 25.02.2016

Arutyunyan, L. V. The Crimean Issue as Part of G. A. Potemkin's Foreign Policy

The article points out G. A. Potemkin's role in the elaboration of the Russian foreign policy regarding the Crimean issue during the second half of the reign of Catherine II. Potemkin's initiatives and their being unlike those ones of his predecessors are analyzed in light of the political events and shortcomings Russia had lived through.

Keywords: the Crimean issue, geopolitics, Crimean Khanate, projects.

Обосновывается возможность использования цивилизационной теории, для изучения роли личности в исторических процессах, анализируется деятельность Г. А. Потемкина как представителя политической элиты цивилизационного ядра православно-славянской цивилизации по реализации «Греческого проекта».

Ключевые слова: цивилизационная теория, православно-славянская цивилизация, цивилизационное ядро.

Т. В. Вакулова, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: vakulo1@yandex.ru

СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ Г. А. ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ КАК ЯРКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЭПОХИ: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

*«Россию нужно подморозить,
Чтобы Россия не гнила».
В леонтьевской предсмертной прозе
Любая фраза тяжела.
На койке монастырской узкой,
В последний собираясь рейс,
Он утверждает: «Надо русским
Сорваться с европейских рельс»
А. Городницкий [цит. по: 7]*

Основоположник цивилизационной теории Н. Я. Данилевский писал: «...Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянстве вообще нечто ей чуждое... Европа видит, поэтому в Руси и в Славянстве не только чуждое, но и враждебное начало» [2, с. 50]. «Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе? К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью, – нет, не принадлежит» [2, с. 60] Внешняя политика Г. А. Потемкина, была направлена на разворот России с запада на восток. И в этом смысле «Греческий проект», был ярким тому подтверждением.

Использование цивилизационного подхода в оценке деятельности личности в истории, связанна с тем, что долго в советской исторической науке использовался формационный подход, согласно которому, ведущая роль в развитии государства и общества принадлежала классам, а не личностям. Данный подход признает в развитии общества однолинейность, жестко привязывая всё к экономическому фактору в объяснении причин различных событий. Советская философия, так же «дифференцировала» исторический материализм от диалектического, при этом антропологическая проблема, проблема роли личности в диалектическом материализме, по существу, терялась.

Цивилизационный подход дает возможность увидеть определённые, качественные различия и особенности в развитии государств и обществ, определить роль не только экономики, но и культуры, религии, выделить проблему роли личности. Длительное игнорирование цивилизационного подхода серьезно обедняло нашу историческую науку и социальную философию, мешало понять многие процессы и явления. Восстановление в правах и обогащение цивилизационного подхода позволит сделать наше видение истории более многомерным [9, с. 147-148].

Отметим, что мы не предлагаем применения формационного и цивилизационного подходов по принципу «или – или», это применение должно быть по принципу «и – и». И формационный и цивилизационный подходы обладают обширными возможностями для обогащения своих положений.

Цивилизационный анализ ценностных основ коллективного и индивидуального сознания помогает по-новому взглянуть как на духовную ситуацию XVIII века, так и на личностей того времени.

Создатель цивилизационной теории Н. Я. Данилевский в своей работе «Россия и Европа» вводит понятие культурно-исторического типа: «главное же должно состоять в отличении культурно-исторических типов, так сказать самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития (здесь и далее цит. в соврем. орфографии – Т. В.)» [2, с. 88]. «Эти культурно-исторические типы или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке суть:

1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонно-финикийский, халдейский или древнесимитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-

симитический или арабийский и 10) германо-романский или европейский» [2, с. 91]. Славянский тип автор считал формирующимся культурно-историческим типом.

Согласно теории Н. Я. Данилевского, важным условием существования цивилизаций является *экспансия*, как распространение, расширение территориальное, географическое, политическое, экономическое, а так же *культурное расширение* зоны обитания, или *зоны влияния* отдельного государства, народа, культуры или цивилизации.

Нужно отметить что, «Российская государственность исторически оказалась ответом на экспансивные вызовы, как Востока, так и Запада. Россия традиционно стиснута империями: Цинской, Оттоманской, Латинской. Выжить в таких условиях можно было, лишь самой став империей» [5, с. 98-99]. При этом государства, идущие в авангарде экспансионистских устремлений Запада и Востока против Руси-России, неизменно терпели поражение и прекращали свое существование в качестве независимых субъектов исторического развития. «Россия на протяжении веков представляла собой устойчивое социополитическое образование, способное сдерживать противоречия, обеспечивать устойчивую организацию огромных территорий с разнородным населением и противостоять агрессии извне. Эта устойчивость поддерживалась государственно-политической системой, принимавшей державный характер» [3, с. 14].

Положение о естественной экспансии цивилизаций является одним из основополагающих также в концепции Освальда Шпенглера. Развивая идеи Н. Данилевского, О. Шпенглер подчёркивает, что цивилизации проявляют себя в различных аспектах – культурном, политическом, экономическом, военном, дипломатическом и др. Экспансия цивилизации, по мнению Шпенглера, осуществляется проводимой государством политикой, которая ставит своей целью территориальные, сырьевые и финансовые завоевания [11, с. 446].

В своей книге «Закат Европы» опубликованной в 1918 г. Шпенглер пишет, что каждая цивилизация несёт в себе конфликтную составляющую, и эта составляющая у Шпенглера называется «принцип экспансии». Экспансия, по мнению Шпенглера, является судьбой западной цивилизации.

Творческое развитие идей Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера содержится в работах А. Тойнби. Его идеи изложены в книге «Постижение истории» (1934–1961) [8]. Согласно Тойнби, цивилизации – это динамические системы эволюционного типа. Тойнби связывает развитие цивилизаций с мировыми религиями – высшими ценностями цивилизаций. По мнению Тойнби, цивилизация – это вид общества, общность объединённых системой общественных отношений людей, являющихся, как правило, наследниками одной и той же культуры, живущих в единой социальной сфере. Государства являются частным выражением цивилизаций. Границы цивилизации не такие чёткие, как политические границы государств, в них входящих. Тойнби выделяет 21 цивилизацию [8, с. 82-85].

Тойнби считает, что рост цивилизации по своей природе является восходящим движением. Цивилизации развиваются благодаря порыву, который ведет их от «вызова» через «ответ» к дальнейшему «вызову»; от дифференциации через интеграцию и снова к дифференциации.

Согласно концепции А. Тойнби, цивилизации имеют свой центр и периферию. Проблематику центра и периферии можно трактовать в понятиях, как территориального аспекта, так и *духовно-ценностного*, смыслового.

Выделяют активное меньшинство (ядро) цивилизации, и пассивное большинства (периферию). В рамках такой интерпретации цивилизационный подход осуществляется как культурологический, что даёт возможность изучить структуру духовных основ и связей, религиозных комплексов, этнического разнообразия культур.

Нужно отметить, что в целом, периферия подчиняется центру, но она может оказаться в состоянии воздействовать на него, заменить его или же отделиться.

Центры и периферия рассматриваются нами в данном исследовании в ценностно-смысловом значении. Растущая цивилизация, а именно такой мы рассматриваем Российскую империю Екатерининской эпохи, являет собой единство и состоит из творческого меньшинства – центра или элиты (цивилизационного ядра) за которым добровольно следует большинство, общество (периферия).

Периферия складывается из множества сегментов и охватывает обширную сферу вокруг центра, большинство населения периферии смотрит на центр как на источник руководящих указаний касающихся поведения, стиля жизни и убеждений. Во многих случаях на периферии империи продолжают сохраняться или зарождаются *самостоятельные центры*.

Примером таких имперских образований служат средневековая империя Габсбургов в Австро-Венгрии и Испании, Российская держава, имеющие в своей основе полиэтнические и поликонфессиональные основания. Каждый сегмент подобной периферии мог сохранять свои самостоятельные

центрально-ядерные элементы и признаки. Например, в Российской державе таковыми являлись царства Польское, Грузинское и др., великие княжества Финляндское и Литовское, великое герцогство Курляндское и др. [10, с. 173]. Титул императрицы Екатерины II звучал так: Божию милостию, Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иных, Государыня и Великая Княгиня Новгорода Низовския земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белоозерская, Удорская, Обдорская, Кондийская и всея Северныя страны Повелительница и Государыня Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных наследная Государыня и Обладательница.

Сложившаяся в большинстве патримониальных режимов концепция (ядра) центра подчеркивала его роль как хранителя постоянного социального и космического порядка, благосостояния и единства общества. «Ядро – это выдающиеся люди, которые принадлежат цивилизации и ведут за собой народ и если их уничтожить в каждом поколении, то и народ уходит из списка цивилизованных наций, именно они и составляют истинное воплощение сил расы и цивилизации. Только им мы обязаны прогрессом, сделанным в науках, искусствах, промышленности, политике и геополитике, одним словом, во всех отраслях цивилизации» [6, с. 120]. Именно таким представителем цивилизационного ядра Российской империи и являлся на наш взгляд светлейший князь Г. А. Потемкин-Таврический как представитель политической элиты екатерининской эпохи.

Такие личности, по мнению ученых не появляются ни случайно, ни чудом, но представляют собой венец долгого прошлого, как бы концентрируя в себе величие своего времени и своей расы. Крупные успехи каждой цивилизации осуществлялись всегда небольшой группой высших умов. Представители (ядра) политической элиты регулировали межгрупповые отношения в соответствии со сложившимися критериями (справедливости, поддержания равновесия с внешней и внутренней средой, духовно-символического обеспечения порядка), центральные элиты стремились обеспечить монопольную символизацию прямого соотношения между космическим и социальным порядками, особенно в плане соответствия этих порядков политической организации общества.

Они стремились напрямую контролировать внешние отношения государства. Элиты формировали различные механизмы улаживания конфликтов и умиротворения, как внутри государства, так и во внешней политике, они создавали механизмы накопления, обеспечения и распределения экономических ресурсов для защиты своего государства-цивилизации [12, с. 265].

Интересно упомянуть, что у однофамильца Н. Я. Данилевского – известного русского писателя Григория Петровича Данилевского – есть очерк «Екатерина Великая на Днепре», в котором высокохудожественно описана организованная Г. А. Потёмкиным поездка Екатерины II в Крым.

В очерке изображается встреча Екатерины Великой с Иосифом II на Днепре. Автор пишет: «Она выехала из Петербурга 7 января 1787 г. в кругу отборных лиц двора, в сопровождении послов французского, австрийского и английского, поджидая на дороге встретить двух венценосных гостей – польского короля, Станислава-Августа и австрийского императора, Иосифа Второго» [1, с. 45]. Г. П. Данилевский рисует императорскую встречу, которая произошла на лесной дороге. «И в то же время, из-за угла леса, в полуверсте, на встречу карете показалась рессорная дорожная коляска, также запряженная восьмериком. Это был Иосиф, бросивший свою свиту и ехавший с одним Потёмкиным. Встреча Екатерины и Фалькенштейна не замедлила совершиться. ... Император выскочил первым и подоспел к откинутым подножкам кареты, из которой выходила императрица. ... Екатерина и Иосиф пошли вперед, свита немного поодаль. Потёмкин указывал дорогу» [1, с. 54].

Светлейшего князя охватили сомнения. «Ну, ожидал ли я, что они тут встретятся? Строил города, рыл горы, крестил татар, завоёвывал царства, чтобы прославить Екатерину, совершал чудеса, чтобы в безлюдном крае она царственно проехала и увидела многолюдство, короля польского заставил выехать ей навстречу в Канев, дождался, что австрийский император выехал её встречать... всё устроил отлично и вдруг они встретятся в лесу, в корчме...» [1, с. 55]. «Первые впечатления светлейшаго были приятны. Чистые лавки шли вдоль стен комнаты. Образа в главном углу были утыканы сухими цветами. Лампада теплилась перед иконою Николая Чудотворца...» [1, с. 55]. «Императрица ласково протянула руку Иосифу, который ее поцеловал, и с улыбкою попросила его сесть. Потёмкин, Румянцев, Безбородко, Шувалов и прочие из свиты Екатерины и Иосифа почтительно стали у дверей» [1, с. 56].

Встречи Иосифа II и Екатерины II были достаточно частыми. В 1781 году они подписали дого-

вор сроком на 8 лет, по которому в случае нападения Турции на Россию австрийский император обязывался объявить Турции войну и вести её тем же количеством войск, что и Россия.

Как известно, «греческий проект» в развернутой форме был изложен Екатериной II в письме к австрийскому императору Иосифу II в 1782 году, т. е. за пять лет до описанной встречи. А еще раньше, примерно в 1780 году, он был намечен в меморандуме светлейшего князя Александра Андреевича Безбородко, возможно, предназначенном для встречи двух императоров в Могилеве.

Очевидно, что ко времени рождения в 1779 году великого князя Константина Павловича внука Екатерины, проект уже существовал в разработанном виде. Выбор имени для новорожденного князя, выбитая в честь его появления на свет памятная медаль с античными фигурами и надписью: «Назад в Византию», – достаточно ясно свидетельствовали о намерениях императрицы, связанных с внуком. Английский посол сэр Джеймс Харрис писал: «Ум князя Потемкина постоянно занят идеей создания Империи на востоке: ему удалось заразить императрицу этими чувствами, и она оказалась в такой степени подвержена химерам, что окрестила новорожденного Великого князя Константином, наняла ему в кормилицы гречанку по имени Елена и говорит в своем кругу о том, чтобы посадить его на трон Восточной империи» [4, с. 5]. Знаменитый «Греческий проект», без сомнения, одна из самых масштабных и амбициозных внешнеполитических идей, которые когда-либо выдвигались «ядром» России во внешней политике. В некоторых источниках мы читаем, что эта идея принадлежала Григорию Григорьевичу Орлову, в других Григорию Александровичу Потемкину. Современные историки продолжают спорить, видя в нем, то очередную потемкинскую несбыточную идею, то проявление традиционного имперского экспансионизма, так называемого «принципа экспансии», то дымовую завесу, скрывающую далеко идущие намерения, то ясную и продуманную программу действий [4, с. 5-6].

При всех спорах, мы видим, как геополитический вектор России разворачивался на восток. С точки зрения цивилизационной теории выстраивать и осуществить такие планы, было бы невозможно, если бы Константинополь не воспринимался в России как духовная родина. Русские стремились спасти Константинополь как бывшее ядро, столицу православной цивилизации, и это было делом чести для русского мира, частью его национального и цивилизационного самосознания.

Основанием для реализации «Греческого проекта» несомненно служила религиозная преемственность Российской империи по отношению к Константинопольской. Россия получила свою веру из греческих рук, в результате брака киевского князя Владимира и византийской царевны Анны, и потому выступала теперь в качестве естественной избавительницы греков от ига неверных. Это обстоятельство вносило в возникавшие между россиянами и греками отношения новый оттенок, ибо Россия оказывалась не только покровительницей Греции, но ее преемницей и наследницей [4, с. 7].

С точки зрения цивилизационной теории, происходило территориальное расширение православно-славянской цивилизации, реализовывался принцип экспансии, так же реализовывалась попытка духовного собирания культурных оснований православно-славянской цивилизации.

Мы рассматриваем этот проект как вариант цивилизационно-геополитического поворота России на восток, как попытку перемещения русского мира на берега Босфора, как образование новой антизападной, антибуржуазной цивилизации, куда должны были войти греческое царство, Османская империя, и славяне, которые готовы оттолкнутся от европейской – разлагающейся цивилизации и возродить культурные основания нового исторического процесса.

Деятельность Григория Потемкина, который выполнял функции второго после императрицы лица в государстве, члена правительства руководившего военной, внешнеполитической, а в Крыму и на юге административно-хозяйственной сферами, мы рассматриваем с точки зрения цивилизационной теории, как представителя активного ядра православно-славянской цивилизации. Его деятельность в XVIII веке была направлена, прежде всего, на расширение безопасности России и именно для этого Г. А. Потемкин и Екатерина Великая планируют создать на востоке, а затем и в Европе империю дружественных народов, во главе которой станет внук Екатерины II – Константин. В основе воссозданной империи будут те же культурно-религиозные основания, что и в России.

Начало формирования «Греческого проекта» относят к середине 1770-х гг., когда после Кучук-Кайнарджийского мира Г. А. Потемкин подал Екатерине II план своей «восточной системы», которая должна была прийти в русской политике на смену «северной системе» графа Никиты Ивановича Панина. Возвышение Г. А. Потемкина, с 1774 года, было связано с тем, что выдвинутые им идеи отвечали стратегическим замыслам и цивилизационным идеям Екатерины II, выработанным в ходе первой русско-турецкой войны.

После окончания русско-турецкой войны 1768–1774, политика России была направлена на при-

соединение Крымского ханства к России, что было, по сути, частью греческого проекта.

Не секрет, что планы завоевания столицы Восточной Римской империи воодушевляли русских царей еще в XVII веке, их вынашивал во время азовского и прутского походов Петр I, они вновь возникли при Анне Иоанновне во время турецкой кампании 1736–1739 годов. В 1762 году, граф, генерал фельдмаршал Христофор Антонович Миних, представил Екатерине II письмо, в котором призывал ее выполнить завещание Петра и занять Константинополь.

Вольтер так же много писал Екатерине II об этом в своих письмах времен русско-турецкой войны 1768–1774 гг. он постоянно обращается к греческой теме и подталкивает Екатерину к завоеванию Константинополя и возрождению греческого государства и просвещения. 15 ноября 1768 г. Вольтер писал Екатерине: «Если они начнут с Вами войну, мадам, их постигнет участь, которую предначертал им Петр Великий, имевший в виду сделать Константинополь столицей Русской империи. Эти варвары заслуживают быть наказанными героиней за тот недостаток почтения, который они до сих пор проявляли по отношению к дамам. Ясно, что люди, которые презирают изящные искусства и запирают женщин, заслуживают того, чтобы их уничтожали. Я прошу у Вашего императорского Величества дозволения приехать, чтобы припасть к Вашим стопам и провести несколько дней при Вашем дворе, когда он будет находиться в Константинополе, поскольку я глубоко убежден, что именно русским суждено изгнать турков из Европы». В ответном письме императрица сообщила Вольтеру, что пока, до «его приезда в Константинополь», она посылает ему «шубу, пошитую на греческий манер и подбитую лучшими мехами Сибири» [4, с. 23]. В этой шубе на сибирских мехах есть что-то символически указывающее на тот греко-российский синтез, который будет впоследствии осуществлен в проекте.

Историческая уникальность «Греческого проекта» Екатерины Великой, в том виде, как он изложен в письме к Иосифу II, заключается в том, что императрица не собиралась присоединять Константинополь к Российской державе, и переносить туда столицу. Она хотела воссоздать центр новой Греческой империи, престол которой должен был достаться внуку Константину лишь при одном условии, что он сам, и его потомки навсегда отказываются от притязаний на российскую корону [4, с. 25]. Таким образом, две соседние державы под скипетрами «Звезды Севера» и «Звезды Востока», Александра и Константина, должны были быть соединены узами братской дружбы, причем Россия, должна была исполнять в этом союзе ведущую роль.

О политическом значении Г. А. Потемкина возле Екатерины Великой доносил граф Луи Филипп де Сегюр французский дипломат, который был послом Франции при дворе российской императрицы французскому министру Шарлю Гравье де Верженну: «Князь пользуется безграничным влиянием; ему известны все тайны, все добродетели и слабости государыни; он необходим для ее ума; он имеет власть над ее сердцем; она смотрит на него как на единственного человека, способного управлять армией и принять какое-нибудь твердое решение в случае революции; это единственный подданный, верность которого она считает твердой и неподкупной. Несметные богатства, которыми она его награждает, и та громадная власть, которую она ему предоставила, неразрывно связывают его интересы с жизнью этой государыни. Он служит ей оплотом против всех невзгод, какие ей могут угрожать; она считает его, и совершенно справедливо, единственным человеком, у которого есть гордость, ум и характер» [4, с. 25].

В записках П. В. Чичагова вице-адмирала, морского министра Российской империи с 1802 по 1811 год сказано: «Гений Потемкина царил над всеми частями русской политики, и Великая Государыня могла лишь радоваться его умению содействовать ее видам». И далее: «Кто же из государственных людей более Потемкина способствовал расширению пределов и могущества Империи? Он приобрел для России области в одном из благораствореннейших климатов Европы. Его гений царил над всею политикою империи наряду с гением его бессмертной государыни» [4, с. 25].

Вся деятельность Г. А. Потемкина связана с формированием и реализацией проектов, отражавших цивилизационные интересы России. Заключая выгодные политические союзы, реализовывая дипломатические и военные акции, политическая элита России, как ядро цивилизации связывала их с географическим положением империи. В записках «О Крыме», «О Польше», «О Швеции», а также в проектах, посвященных Северному Кавказу, Закавказью и Персии в Г. А. Потемкин высказывал идеи, ставшие ведущими во внешней политике второй половины екатерининского царствования и, в конечном счете, заложил основы для всей дальнейшей геополитики Российской империи. Являясь ярким представителем политической элиты православно-славянской цивилизации, Г. А. Потемкин реализовал проект присоединения Крыма к России, принимал жизненно важные решения, связанные с интересами России в XVIII веке, служил интересам своей империи и цивилизации.

Список литературы

1. Данилевский, Г. П. Исторические рассказы : I. Царь Алексей, с соколом ; II. Вечер в тереме царя Алексея ; III Екатерина Великая на Днепре / [Соч.] Г. П. Данилевского. — СПб. : Изд. А. С. Суворина, ценз. 1885. — 70 с.
2. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа : Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому / [Соч.] Н. Я. Данилевского. — 5-е изд., с посмерт. примеч., ст. К. Н. Бестужева-Рюмина [Теория культурно-исторических типов] и указ. предметов и имен. — СПб. : Изд. Н. Страхова, 1895. — XLII, 629 с.
3. Ерасов, Б. С. Цивилизационная теория и евразийские исследования / Б. С. Ерасов // Цивилизации и культуры : Науч. альм. / Ин-т востоковедения РАН ; [гл. ред. Б. С. Ерасов]. — М. : Изд-во Ин-та востоковедения, 1996. — Вып. 3: Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. — С. 3–28.
4. Зорин, А. Л. Русская ода конца 1760-х начала 1770-х годов, Вольтер и «Греческий проект» Екатерины II / А. Л. Зорин // Новое литературное обозрение. — 1997. — № 24. — С. 5–29.
5. Ильин, В. В. Структурность политосферы / В. В. Ильин // Полис. — 1995. — № 1. — С. 98–99.
6. Лебон, Г. Психология народов и масс / Гюстав Лебон. — М. : Социум, 2010. — 320 с.
7. Муза, Д. Византизм и русское возрождение: неслышанный пророк / Дмитрий Муза // Молодежное информационное агентство Новороссия : сайт. - URL: <http://mianews.ru/ru/2016/02/16/vizantizm-i-russkoe-vozhrozhdenie-neuslyshannyj-prorok/> (дата обращения: 17.02.2016).
8. Тойнби, А. Дж. Постигание истории : избранное / А. Дж. Тойнби ; пер. с англ. Е. Д. Жаркова; под ред. В. И. Уколовой, Д. Э. Харитоновича ; [вступ. ст.: В. И. Уколова ; науч. коммент.: Д. Э. Харитонович]. — М. : Айрис-пресс, 2006. — 637 с.
9. Цивилизационный подход к концепции человека и проблема гуманизации общественных отношений / С. Э. Крапивенский, Н. В. Омельченко, А. Л. Стризов и др. ; под ред. д-ра филос. наук, проф. С. Э. Крапивенского. — Волгоград: Изд-во ВГУ, 1998. — 240 с.
10. Шилз, Э. О соотношении центра и периферии. Ценностно-смысловой аспект ядра и периферии / Эдвард Шилз // Сравнительное изучение цивилизаций : Хрестоматия / Сост., авт. вступ. ст. и ред. Б. С. Ерасов. — М. : «Аспект Пресс», 1998. — С. 171–176.
11. Шпенглер, О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: В 2 т. Т.1. Образ и действительность / О. Шпенглер ; пер. с нем. И. И. Маханькова. — М. : Айрис-пресс, 2004. — 523 с.
12. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт ; пер. с англ. А. В. Гордона ; науч. ред. пер. Б. С. Ерасов. — М. : «Аспект Пресс», 1999. — 416 с.

Статья поступила в редакцию 25.02.2016

Vakulova, T. V. His Highness Prince G. A. Potemkin of Taurida: A Remarkable Representative of the Political Elite of Catherine's Era as Studied in Light of the Theory of Civilization.

The article give grounds for the theory of civilization to be applied as a method for considering the role of personality in history and looking upon G. A. Potemkin as an elite politician and part of the nucleus of the Slavonic Orthodox civilization in terms of the "Greek project" realization.

Keywords: the theory of civilization, the Slavonic Orthodox civilization, the nucleus of civilization.

Анализируется проблема международной изоляции российского государства в период XV-XVIII вв. Рассматривается история введения санкций в отношении России. Раскрываются причины блокады Московского царства на примере антимосковской политики Ливонского ордена, Польши, Литвы, Швеции и Священной Римской империи. Изучаются механизмы изоляции и ответные действия Московского государства, Российской империи до конца XVIII в., когда стране при Екатерине II удалось добиться выполнения одной из главных внешнеполитических задач – выхода к Черному морю и ликвидации «восточного барьера».

Ключевые слова: изоляция, механизмы изоляции, «восточный барьер», санкции, русская опасность.

А. П. Константинова, аспирант

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

E-mail: alinadant@rambler.ru

МЕХАНИЗМЫ ЗАПАДНОЙ ИЗОЛЯЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Санкции против России, объявленные Западом, действия направленные на изоляцию России – одна из наиболее обсуждаемых в настоящее время проблем. Отдельные аспекты избранной темы, так или иначе, затрагивались в исследованиях внешней политики России в работах П. А. Цыганкова, В. В. Дегоева, А. Б. Кузнецова, В. П. Потемкина, А. Л. Хорошкевич и других исследователей.

История санкций против России насчитывает не одно столетие. Вводимые в рассматриваемый период санкции имели целью ослабление Московского государства, удержание его в границах периферии, изменение его позиции по крупным международным вопросам.

Утверждение России на Балтийском и Черном морях должно было расширить и облегчить торговые отношения с другими государствами, дать России доступ к Средиземному морю. Отмечая наличие у России «большой стратегии» господства на Балтийском, Черном и Каспийском морях, Д. ЛеДонн пишет, что геополитической целью сдерживания России, было запираение её в рамках Heartland и недопущение её широкого прорыва к морю и к глобальной экономике, контролируемой морскими державами [24].

Примеры первых санкций против Руси, в частности в отношении Новгорода и Пскова можно проследить в течение XV века, когда ливонские города и Ганза прекратили поставлять важнейшие стратегические товары. Во второй половине XV века в Ливонии возникла «русская опасность», более всего выражавшаяся в страхе перед нашествием восточного соседа [12, с. 184]. С конца XV века «Московская опасность» становится модной темой политической пропаганды в Германии, и в других европейских странах. В течение всего XV века вводились неоднократные запреты Ливонского ордена и Ганзы на вывоз в Новгород и Псков коней, зерна, оружия, военных материалов и металлических изделий [7, с. 47, 60, 63, 120, 120, 213].

Во время голода, поразившего всю Русь, Ливония в 1437 году запретила экспорт хлеба из Прибалтики на русские земли, также были аннулированы все ранее заключенные сделки. Запреты на хлебную торговлю с Новгородом возникали еще не раз – например, в 1524 и 1527 гг. Ливония, чтобы вынудить Василия III принять выгодные для нее условия договора, заставляла своих купцов не возить рожь на Русь [10, с. 23].

С 1495 года ливонские города соблюдали запрет на вывоз в Россию меди, свинца, чугуна, проволоки. В 1498 году к числу запрещенных к вывозу товаров добавились пушки, селитра, доспехи. В 1507 году литовские и ганзейские города наложили запрет на вывоз в Россию цветных и благородных металлов [18, с. 22, 38-39, 54-55, 70-73].

Общее решение Литовского княжества, ганзейских городов и Ливонского ордена о запрете вывоза на Русь цветных и благородных металлов было принято в начале XVI века, и просуществовало до 1514 года [12]. После удачной для России войны с Литовским княжеством запрет был снят. Кроме того, Василию III удалось добиться успеха на дипломатическом поприще. Московское государство долгое время добивалось признания и включения в «ранг равных» европейским сообществом. После победы в войне 1512-1522 годов Василию III удалось добиться признания императором Священной римской империи царского титула. Западноевропейские государи долгое время не признавали титула московского царя, но Московское царство могло быть потенциальным союзником в борьбе с Османской империей. В этой связи, чувствуя угрозу со стороны «крупнейшей военной

державы Средневековья», соперники Московского царства вынуждены были идти на уступки.

Каперство против Московского государства было одной из мер, предпринимаемых для его изоляции. Сигизмунд I (1506-1548) в 1517 году нанял корабли, которые задерживали русские корабли, направляющиеся на запад. Глава гданьских каперов (и многие другие) получали от него «печать и грамоту», «позволявшую заниматься каперством против русских», также им «вменялось в обязанность и разрешалось нападать только на русских» [18, с. 162]. Препятствуя морской торговле Русского государства, ревелские пираты задерживали и захватывали торговые суда, направлявшиеся к Нарве. Другой польский король Сигизмунд-Август в 1569 году нанял к себе на службу каперов, которые должны были задерживать иностранные корабли, везшие в пределы Московского государства какие бы то ни было товары.

В качестве ответной меры на блокаду завоеванного русскими порта Нарвы и подрыв русской торговли на море силами Польши и Швеции, Иван Грозный в 1569 году нанял датского пирата Роде, который должен был продавать захваченные товары в русских портах, поставлять в Московское государство с захваченных кораблей пушки и товары [8, с. 36].

Режим торговли, установленный в Прибалтике сначала Ганзейским союзом, а затем немецким патрициатом ливонских городов, исключал возможность прямых контактов русских купцов с западноевропейскими партнерами. Это заставляло Москву искать возможности и способы преодоления торгового посредничества ливонских купцов.

В 1493 году Иван III установил русско-датские политические и экономические отношения. После подписания «Докончания о мире и дружбе» в Москве возникла датская купеческая колония. Согласно русско-датским договорам, в 1506 и 1516 годах русским купцам в Дании и датским в России предоставлялись гарантии беспрепятственного проезда и торгов, защиты со стороны местных властей и справедливого суда.

В качестве ответа Ливонии и Ганзейскому союзу в 1498 году Русское государство вводит запрет импорта соли и запрет русско-ганзейской торговли в 1503-1509 гг. В 1517 году заключается союз с Тевтонским орденом, согласно которому стороны обязались участвовать в совместных действиях против Польши. В 20-е гг. XVI века заключается союз с Молдавией [18, с. 73, 76, 131, 157].

После установления отношений Москвы с Англией через Белое море в 1553 году необходимые товары попадают в Московию. Англия, занимавшая самостоятельную позицию по отношению к Габсбургам и папе римскому, была естественным союзником Московского царства. Иван Грозный в течение XVI века неоднократно выступал с инициативой в направлении сближения с Англией против объединившихся Польши и Литвы. В период Ливонской войны, когда противники Московского царства ввели блокаду, Англия продолжала поставлять ему необходимые стратегические товары. Союзникам Русского государства предоставляются гарантии беспрепятственного проезда и торгов, защиты со стороны местных властей и различные привилегии. В частности Английская Московская компания получила монополию на беспошлинную торговлю с Россией.

В 1562 году заключается новый двухсторонний договор с Данией. Согласно ему, датским купцам было предоставлено право торговли в Новгороде, Пскове, Ругодиве (Нарве) и других русских городах, а русским – в Датском королевстве, что было подтверждено в договоре Ивана IV с Фредериком II в 1578 году [17, с. 64].

Начиная с 1540-х годов, все чаще возникали распри из-за границ между Ливонией и Русским государством, для подрыва военного потенциала Московии, чинились препятствия проезду ружейных мастеров из Западной Европы на службу к русским царям [12, с. 186; 16, с. 484]. Когда в 1547 году саксонец Ганс Шлитте по поручению московского правительства набрал на русскую службу 123 специалиста, все они были насильственно задержаны в Любеке [15]. Аналогичная судьба постигла и других мастеров [22; 16, с. 484]. После провала миссии Ганса Шлитте император Карл V запретил везти из Священной Римской империи в Россию военное снаряжение и отпускать туда специалистов по военному делу [12, с. 190]. «Перед Европой впервые конкретно стал вопрос о «русской опасности» и о необходимости вести в отношении Москвы политику изоляции...» [14, с. 11].

С целью изоляции Русского государства шведский и польский короли принимали энергичные дипломатические усилия для того, чтобы помешать Московии в налаживании необходимого диалога с Европой. Польский король Густав I Ваза (1528-1560) обращаясь к английской королеве Марии, настаивал на прекращении англо-русской торговли. Другой польский король и великий князь литовский Сигизмунд II Август (1530-1572), обращаясь к римскому папе, Елизавете Тюдор, Филиппу II и в Голландию, говорил о срочной необходимости предупредить и не допустить продвижения Русского государства к Балтийскому морю [9, с. 31].

Заклученный в 1557 году Позвольский договор также предусматривал союз Ливонского ордена с Польско-Литовским государством, нацеленный против Русского государства. Московия объявлялась общим врагом. Опасаясь военного усиления Москвы с помощью Англии, польский король в 1569 году всеми силами внушал английской королеве мысль о предосудительности торговли с Иваном IV и угрожал захватом кораблей, направлявшихся в Нарву [2, с. 83-84].

После укрепления южных и юго-восточных рубежей Московского государства (покорение Москвой Среднего и Нижнего Поволжья, установление русского протектората над Большой Ногайской Ордой; в 1552 г. завоевание Казани) и ликвидации угрозы со стороны Ногайской Орды, у Ивана IV появляется возможность прорыва блокады. В 1558 году Царь начинает Ливонскую войну, в которую вступили Литва, Польша, Швеция и Дания.

«Московская опасность» встревожила и восточногерманских князей. Священная Римская империя в 1570 году официально ввела запрет на торговлю с Россией и вместе с Польшей добивалась присоединения других стран к этому запрету. В грамоте императора Священной Римской империи Фердинанда I от 26 ноября 1561 года содержится запрет всем подвластным ему курфюрстам, князьям, бюргерам и рыцарям поставлять московскому царю товары военного назначения [6, с. 201].

Император Священной Римской империи Максимилиан II, как и его предшественник, объявил торговую блокаду Московского государства. С целью создания «восточного барьера» Империя во время Ливонской войны содействовала объединению Польши и Литвы, а затем и части Ливонии, в единое государство. Заклучив мир с султаном Селимом II, Максимилиан II направил агрессию Турции и Крымского ханства против Московского государства (крымско-турецкий поход на Астрахань 1569 г.) [18, с. 18-19].

Ливонская война и опричина, подорвали возможности Московского царства. Воспользовавшись его ослаблением, соперники Русского государства совершают интервенцию, в результате которой к Польше отходят Смоленские, Северские, Черниговские земли, а выход Московского государства к Балтийскому морю закрывается Швецией.

В XVI в. Россия состоялась как централизованное государство и активно расширялась. Имея обширную территорию, Россия осталась без прямого доступа к морским торговым путям. В результате она оказалась на периферии мирового экономического развития и в стороне от бурного процесса формирования мировой экономической системы. Намечается главная цель внешней политики Московского государства – добиться выхода к морю, преодолеть хозяйственную отсталость, вызванную экономической изоляцией.

Деятельность русских царей начала вызывать озабоченность крупных европейских держав. В результате в европейской политике XVI в. появился комплекс мер, который можно назвать «анти-российскими санкциями». Основными западными соперниками России в данный период были Ливония, Польша и Литва. Однако и Священная Римская империя, и Швеция предпринимали шаги для изоляции Русского государства. Разрушение блокады было необходимым для преодоления страной военно-технического отставания. Периоды военных столкновений сопровождались санкциями против Русского государства. Чаще всего применялись продовольственное эмбарго и запрет на ввоз стратегически важных товаров.

Балтийский торговый путь имел первостепенное значение для экономического и культурного развития Русского государства, а также для развития его политических отношений с европейскими странами. Однако, режим торговли, установленный в Прибалтике, тормозил развитие Московского царства. В частности, весь торговый обмен с Европой мог осуществляться только через ливонские порты Ригу и Ревель, а перевозить товары можно было лишь на судах Ганзейского союза.

Различные санкции против Московского государства, направленные на изоляцию возможного конкурента в мировой морской торговле, сдерживание его культурного роста, сопровождались информационно-войной. Создание негативного облика державы в далекой Европе было направлено на отвлечение торговцев от идеи проникновения в Московию. В начале XVI века на Руси появились «летучие листки» направленные на формирование образа «враждебного варварского государства». В период Ливонской войны продолжилось формирование образа страны «агрессивных варваров, покорных своим тиранам» [9, с. 24].

Опыт «государственной пропаганды» со стороны Речи Посполитой в ходе Ливонской войны был не первый в польско-литовской истории. Аналоги существовали и ранее. Это освещение Грюндвальдской битвы и «оршанская пропаганда», которая после битвы под Оршей (1514 г.) настроила против Московии часть европейского общественного мнения.

К началу 20-х гг. XVI в. Османская империя достигла апогея политического могущества. В связи с борьбой с «крупнейшей военной державой Средневековья» возникает идея приобщения Московского царства к участию в антитурецкой лиге. Московские цари вели переговоры, обменивались посольствами с Римом, Священной Римской империей по данному вопросу. С помощью гипотетического участия в антитурецкой лиге, московские цари пытались создать «общий интерес с Западом». Проект участия в антитурецкой коалиции стал инструментом, с помощью которого Московское государство пыталось преодолеть изоляцию.

В конце Ливонской войны в 1580 году русская дипломатия предложила императору Священной Римской империи Рудольфу II союз против турок, рассчитывая на отмену запрета свободно ввозить в Россию из Австрии и германских земель оружие, порох, однако получила отказ [16, с. 662].

После Смутного времени, польско-литовской и присоединившейся к ней шведской интервенции Москва отказывается от активной внешней политики. Однако по мере восстановления хозяйства и стабилизации положения внутри страны царское правительство начинает решать внешнеполитические задачи. Основным соперником становится Речь Посполитая.

В годы Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.), в связи с высоким спросом на русское зерно, сложностей с наймом иностранцев на русскую военную уже службу не было. В 1630 году шведские и нидерландские военные специалисты с разрешения Густава-Адольфа уже свободно нанимались на службу московскому правительству [15]. В это время Московское государство также традиционно пыталось оперировать в отношениях с европейскими странами гипотетической возможностью своего участия в антиосманской коалиции.

К XVII веку относится и начало контринформационной борьбы. Так, московское правительство протестовало перед Швецией против печатавшихся в Риге во время восстания Разина 1670-1671 гг. сообщений, в которых унижалось царское достоинство. В договор с Речью Посполитой 1650 года была внесена специальная статья об истреблении книг, отзывавшихся неблагоприятно о Московском государстве [6]. В 1699 году был заключен антишведский союз между Россией, Польшей, Саксонией и Данией, дававший шанс бороться за выход к Балтийскому морю.

Успехи внешней политики России первой четверти XVIII в. и превращение ее в великую державу вызывали враждебное отношение большинства европейских государств.

Воздвигнутый французской дипломатией на рубеже XVI-XVII вв. для противодействия гегемонистским устремлениям испанских и австрийских Габсбургов, «восточный барьер» с начала XVIII столетия приобрел и антироссийскую направленность – с целью сдерживания экспансии России в восточноевропейском и черноморско-балканском направлениях. Польша являлась важнейшим элементом так называемого «восточного барьера», состоящего, помимо нее, из Швеции и Османской империи [22]. Франция также пыталась отвлечь Россию от вмешательства в европейские дела, обострив отношения России с Турцией и Персией.

Для спасения Швеции как великой державы, Франция участвовала в разжигании русско-турецкой войны 1711 года [17, с. 62]. С 30-х годов XVIII в., французская дипломатия активизирует политику «восточного барьера». Кардинал А. Флери, фактически первый министр Людовика XV, рассматривал «восточный барьер» в качестве универсального средства политики сдерживания как Австрии, так и России, провоцируя Османскую империю на открытый конфликт с обеими державами в обмен на всестороннюю помощь Порте в модернизации страны по европейскому образцу [3, с. 62]. Флери путем субсидий способствовал объявлению Швецией войны России в 1741 году. В 1741 году Франция вмешивается во внутренние дела России. При поддержке французского посла маркиза де-ла-Шетарди императрица Елизавета Петровна занимает престол. Новое правительство было настроено на дружественные отношения с Францией [13].

В 20-е годы XVIII века Британские власти также опасались роста политического и военноморского могущества России и «русской угрозы» владению английского короля (Ганноверу). Несмотря на роль России в войне за Австрийское наследство (1740-1748) и оказанную Англии и Австрии помощь, Елизавета Петровна благодаря дипломатической активности Лондона была отстранена от поствоенного урегулирования. Российская делегация не была допущена до участия в переговорах по заключению в 1748 году Аахенского мира [11, с. 92]. Участие России в переговорах должно было поднять ее политический престиж, однако, как отмечает российский исследователь М. Ю. Анисимов «Лондон намеренно оставлял России роль «наемной державы», предоставляющей свои войска ради чужих интересов, что могло исключить ее участие при заключении мира» [1, с. 188].

В течение всего XVIII в., по мере успехов России, ухудшались русско-французские отношения. В 1748 году произошел разрыв дипломатических отношений между Россией и Францией в результа-

те отъезда консула. Правительство Франции продолжило политику «восточного барьера».

В течение почти всего периода своего правления Людовик XV не скрывал враждебного отношения к России и активно противодействовал России в Польше и Швеции, а также постоянно разыгрывал против Петербурга турецкую карту. Одной из основных функций Секрета короля был сбор сведений и поддержание тесных связей с представителями стран «восточного барьера», чтобы король Франции мог противодействовать намерениям России, желавшей закрепиться в ряду великих держав и собирающейся, как полагали во Франции, начать экспансию в Европу.

В 1762 году в секретной инструкции своему посланнику в Петербурге Людовик XV указывал: «единственная цель моей политики в отношении России состоит в том, чтобы удалить ее как можно дальше от европейских дел. Все, что может погрузить ее в хаос и прежнюю тьму, мне выгодно, ибо я не заинтересован в развитии отношений с Россией» [19, с. 412]. В конце 1768 года французская дипломатия разожгла русско-турецкую войну с целью воспрепятствовать вмешательству России в польские дела. Французская дипломатия сыграла важную роль в подготовке государственного переворота в Швеции (август 1772 г.), имевшего откровенно антирусскую направленность [19; 46].

Один из руководителей тайной дипломатии Людовика XV, граф де Брольи, после воцарения Екатерины II, в специальной записке, посвященной отношениям с Россией, писал, что нужно попытаться погрузить Россию «в глубокий летаргический сон... Лишь таким путем можно помешать московскому правительству даже помыслить о внешней политике» [20, с. 22]. Ставка при этом делалась не только на разжигание традиционной вражды к России ее ближайших соседей – Швеции, Польши и Османской Порты, так и на внутренние беспорядки. В этом смысле пугачевский бунт 1773-1775 годов представлял для французской дипломатии несомненный интерес [20, с. 46]. В повстанческой армии «маркиза Пугачева» находились отдельные французские офицеры-инструкторы [21, с. 9].

В разработанной программе внешней политики России канцлера А. П. Бестужева-Рюмина (с 1744 г.) названной «системой Петра I», Франция выделялась в качестве противника России на международной арене. Среди противников также были обозначены Швеция и «враг потаенный» – Пруссия. Программа предусматривала сохранение союзнических отношений с государствами, имевшими общие долговременные интересы с Россией. Учитывалась общность устойчивых интересов России с морскими державами – Англией и Голландией – при отсутствии каких-либо взаимных территориальных претензий их связывали давние торговые отношения, и с Австрийской империей – их сближала обоюдная заинтересованность в поддержании равновесия в Центральной Европе и отпоре Османской империи. С помощью русско-австрийского союза предполагалось получить выход в Черное море и обеспечить безопасность южных границ Российской империи [1].

В разработанной Г. А. Потемкиным и нашедшей поддержку у Екатерины II внешнеполитической программе, «постоянным принципом русской политики в Центральной Европе» определялось «поддержание равновесия сил между двумя германскими государствами и создание препятствий для усиления одного из них» [5, с. 15].

Осознавая необходимость утверждения на Черном море, Потемкин писал царице: «Крым положением своим разрывает наши границы... С Крымом достанется господство в Черном море» [4, с. 155]. В 1782 году Екатерина II направила Г. А. Потемкину секретный рескрипт, где она потребовала занятия Крыма при самом удобном случае.

Эти обстоятельства, а также проводимая Францией политика «восточного барьера» обусловили решение императрицы Екатерины II сохранить мир с Пруссией и осуществить впоследствии один за другим три раздела Польши: в 1772, в 1793 и в 1795 годах.

Победа в войне с Турцией 1768-1774 гг., заключение Кучук-Кайнарджийского мира изменили соотношение сил в Причерноморье и открыли для России огромные возможности. Черное море и проливы оказались полностью открыты для русского торгового мореплавания.

Умелая дипломатическая подготовка позволила Екатерине II в 1783 году включить Крым в состав Российской империи без острого конфликта с европейскими странами. Иосиф II согласился с вхождением Крыма в состав Российской империи не без учета обещанных в «греческом проекте» Екатерины II соблазнов императору Священной римской империи.

Екатерина II в период своего царствования закрепила статус России как великой державы, завоевав Крым и получив доступ к Черному морю, присоединив к России, после раздела Речи Посполитой, Литву, Белоруссию и территории в низовьях Днепра.

Войны 1676-81, 1686-1700, 1710-13, 1735-39 годов привели к усилению позиций России в Причерноморье и подрыву военных возможностей Крымского ханства. Однако чем больших успехов

добивалась Россия в борьбе с турками и татарами, тем сильнее становилось противодействие европейских держав, в первую очередь Англии, Франции и Польши, оказывавших явную или тайную поддержку противникам России. В XVIII веке продолжились попытки влияния на Россию с целью её нейтрализации. При этом в качестве «форпостов сдерживания» выступали Швеция, Речь Посполитая и Османская империя. Порта являлась препятствием продвижения России в южном направлении и помехой укреплению российского могущества.

В 1787 году Российская империя воевала с Портой, чем воспользовались Англия и Пруссия, подтолкнув Швецию к агрессии против России в 1788 году. Петербург оказался в неблагоприятной ситуации, поскольку страна вынуждена была воевать на два фронта. Шведская армия была остановлена, однако войну с Турцией России пришлось вести еще несколько лет. И лишь в 1791 году был заключен Ясский трактат, в результате которого русско-турецкая война была завершена для России с положительными результатами, поскольку итогом этой войны было превращение России в черноморскую державу. Успешное завершение русско-турецкой войны вызвало панику в Лондоне. Британские власти предпринимают шаги, направленные на открытую конфронтацию с Россией вплоть до организации англо-русского конфликта. По утверждению Е. Л. Штейнберга, именно в это время впервые была выдвинута версия о «русской угрозе» британским владениям в Индии [23, с. 17].

С целью преодоления изоляции Россия приобретает «естественных союзников» (в XVI в. – Дания, Англия, в XVII – Англия, в XVIII – Австрия). С третьим разделом Речи Посполитой ликвидирует «восточный барьер». Заключение династических связей царствующих семейств также имело целью окружение России цепью дружественных государств (Курляндия, Голштиния, Мекленбург), роль и позиции которых могли не только способствовать укреплению России на Балтике, но и обеспечить выход к Северному морю.

Профессор Гарвардского университета Д. ЛеДонн в своей работе «The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650-1831» показывает, что Россия пыталась сформировать такую политическую конфигурацию, которая превращала бы прежде соперничавшие с ней центры силы в пространство пограничья между нею и ее новыми союзниками (Пруссией и Австрией – в случае с разделами Польши, Данией и Пруссией – в случае со Швецией) [24].

В целом, в отношениях России с Западом выделяют некоторые традиции: сотрудничество против общих угроз, союзническая политика и наступательное отстаивание интересов. Примерами сотрудничества против общих угроз в рассматриваемый период могут быть попытки России участвовать в Северной войне (1655-1660), присоединение в 1686 году к Священной лиге, участие в Семилетней войне 1756-1763 гг.

Ко второй традиции относится выстраивание союзнической политики. В условиях, когда России не удавалось достичь своих целей в союзе с западными странами или добиваться их поддержки, российские правители нередко уходили в относительную изоляцию для перегруппировки сил. Так внутреннее положение России вынудило ее при вице-канцлере А. И. Остермане взять курс на умиротворение Англии и Дании на Суассонском конгрессе 1728-1729 гг.

Для третьего типа отношений характерна наступательность. В XVII-XVIII веках российское государство вело войны с Речью Посполитой и Оттоманской империей, в XVIII веке Петр I нанес поражение Швеции. Русско-турецкие войны XVIII века способствовали расшатыванию «восточного барьера» и превращению Российской империи в черноморскую державу, третий раздел Речи Посполитой, которая являлась главной опорой «восточного барьера», способствовал его ликвидации.

Список литературы

1. Анисимов, М. Ю. Российский дипломат А. П. Бестужев-Рюмин (1693–1766) / М. Ю. Анисимов // Новая и новейшая история. — 2005. — № 6. — С. 175–192.
2. Гамель, И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях / И. Гамель. — СПб., 1865. — 179 с.
3. Дегоев, В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. / В. В. Дегоев. — М. : РОССПЭН, 2004. — 496 с.
4. Екатерина II и Г. А. Потемкин : Лич. переписка, 1769-1791 / Изд. подгот. В. С. Лопатин; [Отв. ред. С. Г. Десятков; РАН]. — М. : Наука, 1997. — 989 с.
5. Елисеева, О. И. Геополитические проекты Г. А. Потемкина / О. И. Елисеева. — М. : ИРИ РАН, 2000. — 342 с.
6. История дипломатии. В 3 т. Т. 1. / под ред. В. П. Потемкина. — М. : Соцэкгиз, 1941. — 568 с.
7. Казакова, Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: конец XIV – нач. XVI в. / Н. А. Казакова; АН СССР; Ин-т истории СССР. — Л. : Наука, 1975. — 358 с.

8. *Кашин, В. Н.* Торговля и торговый капитал в Московском государстве / В. Н. Кашин. — Л. : Кубуч, 1926. — 295 с.
9. *Королюк, В. Д.* Ливонская война (Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в.) / В. Д. Королюк; отв. ред. А. А. Новосельский. — М. : Изд-во АН СССР, 1954. — 110 с.
10. *Лаптева, Е. В.* Средневековые антироссийские санкции: к истории вопроса / Е. В. Лаптева // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 6 (55). — С. 22–27.
11. *Лиштенан, Ф.-Д.* Россия входит в Европу: императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740-1750 / Франсина-Доминик Лиштенан; [Пер. с фр. В. А. Мильчиной]. — М. : ОГИ, 2000. — 407 с.
12. *Маазинг, М.* «Русская опасность» в письмах рижского архиепископа Вильгельма за 1530-1550 гг. / Мадис Маазинг // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2010. — № 1. — С. 184–194.
13. Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740-1742 годов : Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге / Жак Иоахим Тротти де Ла Шетарди (1705-1758); примеч. [вступ. ст.] и доп. П. Пекарский. — М. : Книга по Требованию, 2011. — 671 с.
14. *Платонов, С. Ф.* Москва и Запад в XVI-XVII веках / Акад. С. Ф. Платонов. — Л. : Сеятель, 1925. — 150 с.
15. *Поршнев, Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства / Б. Ф. Поршнев. — М. : Наука, 1976. — 436 с.
16. *Соловьев, С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. 3 : История России с древнейших времен. Т. 5–6. / С. М. Соловьев. — М. : Голос, 1993. — 758 с.
17. *Фейгина, С. А.* Аландский конгресс. Внешняя политика России в годы Северной войны. Ниинггадский мир / С. А. Фейгина. — М. : Изд-во АН СССР, 1959. — 548 с.
18. *Хорошкевич, А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич. — М. : Наука, 1988. — 292 с.
19. *Черкасов, П. П.* Двуглавый орел и Королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775 / П. П. Черкасов. — М. : Наука, 1995. — 439 с.
20. *Черкасов, П. П.* Людовик XV и Емельян Пугачев: французская дипломатия и восстание Пугачева (по документам дипломатических архивов Франции и России) / П. П. Черкасов // *Россия и Франция: XVIII–XX века*. — М.: Наука, 1998. — Вып. 2. — С. 21-46.
21. *Черкасов, П. П.* Россия и Франция : 300 лет совместной истории / П. П. Черкасов // *Экономические стратегии*. — 2010. — Т. 12. — № 10. — С. 6–15.
22. *Черникова, Т. В.* Иноземцы в русской жизни XV–XVI вв. / Т. В. Черникова // *Вестник МГИМО-университета*. — 2011. — № 6 (21). — С. 146–152.
23. *Штейнберг, Е. Л.* История британской агрессии на Среднем Востоке / Е. Л. Штейнберг. — М. : Воениздат, 1951. — 210 с.
24. *LeDonne, John P.* The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831 / John P. LeDonne. — New York : Oxford University Press, 2004. — [IX], 261 p.

Статья поступила в редакцию 5.03.2016

Konstantinova, A. P. The History of the Western Isolation-Centered Policy Approach towards Russia

The article considers the problem of international isolationist policy targeting Russia over a span of the 15th-18th centuries. An analysis has also been carried out to study of anti-Russian sanctions. With the Livonian Order's anti-Moscow policy and that of Poland, Lithuania, Sweden, and the Holy Roman Empire taken as an example, the article sheds light on the reasons for the realm's blockade. Furthermore, it explains the principles of the isolationist policy aimed at the Russian Empire and the countermeasures which had been taken right until it was the turn of the eighteenth century when Catherine II succeeded in gaining access to the Black Sea and subsequently breaking through "the Eastern blockade".

Keywords: isolation, mechanisms of isolation, "Eastern barrier", sanctions, Russian threat.

УДК 908(1-924.71)

Освещается вопрос истории имения, расположенного на территории международного детского центра «Артек», начиная с 1825 г. по настоящее время, приводятся биографические сведения его владельцев. Описания владения, сведения об изменении характера имения и построек публикуются на основе воспоминаний современников, публикаций XIX в. и архивных документов. Подробнее об истории этих земель изложено в книге «Макарухина Н. М. Гурзуф – первая жемчужина Южного берега Крыма: кн. вторая. Симферополь, 2012» [17].

Ключевые слова: Потёмкин, родословие, Артек, князя Голицыны, церковь, памятник Воронцову, виноградарство, виноделие.

Н. М. Макарухина, историк

Член Союза краеведов России (г. Санкт-Петербург)

E-mail: nataly-45@list.ru

ИМЕНИЕ ПОТЁМКИНЫХ В АРТЕКЕ И ЕГО СУДЬБА

«Потемкин никогда не забывал тех, которым был чем либо-либо обязан. Когда он учился в Московском университете, то был хорошо принят в доме ... Сергея Дмитриевича Потемкина. ... Впоследствии, когда счастье приблизило его к трону, он постоянно покровительствовал сыновьям Сергея Дмитриевича ... графу Павлу и Михаилу Сергеевичам» [2, с. 83] писал в 1841 году военный историк А. В. Висковатов.

С. Д. Потёмкин приходился дальним родственником Светлейшему князю. Обратимся к родословию Потемкиных. В «Российской родословной книге» П. В. Долгорукова читаем: «Графы и дворяне Потемкины. В начале шестнадцатого века, при Великом Князе Василии Иоанновиче, выехал из Польши в Россию шляхтич Ганс, Александров сын, Потемский, принял православную веру с именем Тарасия Потемкина, и был родоначальником Потемкиных» [10, с. 168]. Подробная родословная рода Потемкиных была опубликована в «Родословном сборнике русских дворянских фамилий» В. В. Руммелем и В. В. Голубцовым 1887 году.

У Тарасия Потемкина было 2 сына: Иван и Илларион, они стали родоначальниками двух ветвей Потемкиных. От Ивана Тарасьевича ведет свою родословную владелец имения Артек, от Иллариона Тарасьевича идет линия Светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического, которая на нем же и обрывается, так как у князя не было прямого потомства и его титул никому в роде Потемкиных не передавался.

У Г. А. Потемкина было 5 сестер. Одна из них – Марфа (Елена) была выдана замуж за подполковника В. А. Энгельгардта. Их дочь Татьяна Васильевна Энгельгардт при содействии императрицы Екатерины II вышла замуж за сына С. Д. Потёмкина Михаила Сергеевича. От этого брака дочь Екатерина Михайловна (в замужестве графиня Рибопьер) и сын Александр Михайлович – будущий владелец имения Артек. Таким образом, отец А. М. Потёмкина приходился князю Потёмкину племянником в 8 колене. Но матушка владельца имения Артек приходилась князю родной племянницей. После кончины князя наследники по линии Энгельгардтов получили большую часть его недвижимого имущества. А после кончины матушки Татьяны Васильевны (во втором браке княгини Юсуповой) А. М. Потёмкин стал несметно богат. В родовых имениях шести губерний России: Московской, Симбирской, Орловской, Харьковской, Тульской и Астраханской у него было 18.642 крепостных душ» [25]. Имение в Артеке Таврической губернии было в числе ещё других пяти – «благоприобретённое». Всего в «благоприобретённых имениях – 3624 крепостных: в Нижегородской, Санкт-Петербургской, Оренбургской и Таврической губерниях» [25]. Кроме этого у жены «в родовых имениях – 4735 душ и благоприобретённых – 1358» [25, Л. 3-об]. «9 марта 1832 года по купчей крепости совершённой в Симферопольском уездном суде» А. М. Потёмкин приобрёл «на Южном берегу дачу Кардиатрикон – Артек тож, доставшуюся ему от Графа Густава Филипповича Олизара» [24, Л. 41-об.]. Причина покупки имения на берегу Чёрного моря было нездоровье жены – Татьяны

Борисовны (рождённой княжны Голицыной). Фамилия Потёмкин повлекла за собой множество ошибок в истории освоения территории в районе Гурзуфа. На одну из них указывал еще 100 лет назад А. Л. Бертье-Делагард в своем труде «Память о Пушкине в Гурзуфе», он писал, что фамилия Потемкин привела к ошибке и на рубеже XIX и XX веков «прямо утверждают, что Гурзуф первоначально принадлежал Потемкину» – Светлейшему Князю Г. А. Потёмкину-Таврическому и, что «была тут его любимая дача, на которой он часто жил» [1, с. 121]. В Путеводителях по Крыму с конца XIX века по сегодняшний день пишут «Артек – имение князя А. М. Потемкина». Теперь уже и не титулованный Александр Михайлович Потёмкин становится князем, а в ряде источников графом.

Несколько слов о родителях Александра Михайловича Потёмкина. Татьяна Васильевна Энгельгардт была фрейлиной императрицы Екатерины II, которая была восприемницей «младенца Александра сына Его Превосходительства Михаила Сергеевича Потемкина. Крещён мальчик был в придворном соборе Зимнего дворца (тысяча семьсот девяностого года) 1790 февраля 12 (двенадцатого числа)» [27]. Михаил Сергеевич Потёмкин – генерал-поручик и генерал кriegс-комиссар (главный начальник интендантского управления в армии в XVIII веке). Не утони он в 1791 году, получил бы от императрицы, как и его брат, графский титул. Но зато Татьяна Васильевна при содействии императрицы в 1793 году вышла замуж за князя Н. Б. Юсупова.

А что же владеец имения Артек? Александр через год после рождения был определён «прапорщиком Л-гв. Преображенского полка» [28]. С 1807 года Александр «явлен в действительную службу, в 1810 году он – подпоручик, в 1811 году – поручик, в апреле 1812г. назначен адъютантом к генерал-адъютанту барону Розену» [28]. С начала вторжения в Россию армий Наполеона А. М. Потемкин участник всех сражений в составе 1-ой западной армии. 26 августа 1812 года он принимал участие в Бородинском бою, а так же под Красным и других сражениях «в пределах России, Германии и Франции, участвовал во взятии Парижа» [28]. В 1816 г. Потемкин «по прошению уволен от службы с чином полковника» [26].

«За французскую кампанию А. М. Потемкин был награжден орденами Св. Владимира IV ст. с бантом, Св. Анны II ст., Золотой шпагой «За храбрость» (бой под Красным), Прусским железным крестом «За заслуги», Мальтийским крестом Св. Иоанна Иерусалимского. Всего же за годы службы военной и государственной Александр Михайлович был награжден орденами Св. Владимира I и II ст.; Св. Александра Невского и алмазными знаками этого ордена; Белого орла; Св. Анны I ст. с императорскою короною; Св. Станислава I и II ст., а также медалями «В память Отечественной войны 1812г.» и «Взятие Парижа» (1814г.); Бронзовой на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 (Крымская война – *Н. М.*); Золотой в память коронавания (Александра II – *Н. М.*) и Знаком отличия беспорочной службы гражданской за XXX лет» [28]. К концу службы он Действительный тайный советник, что соответствовало 2 классу Табели о рангах, военным чинам – генерал и адмирал и титулованию Ваше Высокопревосходительство. Дважды избирался предводителем дворянства Ораниенбаумского уезда Санкт-Петербургской губернии (1827 и 1830 годах).

В 1815 году А. М. Потёмкин женился на дочери генерал-лейтенанта князя Бориса Андреевича Голицына – княжне Татьяне Борисовне, правнучке сподвижника Петра I князя М. М. Голицына – старшего. Супруга Александра Михайловича была известна всей России «своим благочестием и широкою деятельностью на поприще благотворительности. ... Не было благотворительного учреждения или богоугодного заведения, в котором она не состояла бы членом, или не принимала бы в нём участия» [14, с. 726]. Сам Потёмкин так же состоял во множестве благотворительных обществ: в том числе в Совете Санкт-Петербургского сиротского дома, «в 1843г. по высочайшему повелению назначен Почетным членом Совета Императорского Человеколюбивого общества. В 1851 г. по Высочайшему повелению назначен Членом Комитета по улучшению устройств мостовых в столице, а также высочайше утвержден в должности Директора С.-Петербургского Комитета Общества Попечительного о тюрьмах» [29].

А что же в имении на Южном берегу Крыма?

Образовалось оно из множества небольших наделов местных жителей – татар, купленных у них первым владельцем имения графом Олизаром. «В 1825 году Густав Олизар купил у 36 жителей деревень в окрестностях Аю-Дага 90,5 десятин земли за 6 тысяч 641 рублей» [4]. В своих мемуарах Олизар писал: «Я сделался землевладельцем в древней Тавриде и, покупая по мере возможности, прилегавшие соседские земли, увеличил свои владения до пространства в 200 десятин. Когда, я с течением времени, поставил на этой местности хозяйственные строения, завел виноградники и плантацию масличных дерев, а также окружил моё владение стеной, оно стало цениться в 80.000 рублей» [16, с. 107-108]. Из 200 десятин у Олизара Потёмкиными было куплено 80 десятин.

Новые владельцы в 1832 году не сразу приехала в новоприобретённое имение, но начали его благоустраивать. Таврический губернатор А. И. Казначеев в письме губернатору Новороссийского края графу М. С. Воронцову от 28 марта 1832 года сообщил: «Потёмкин купил у Олизара Кортрисинон (так в тексте – *Н. М.*) и начинает увеличивать всё по мере своего богатства» [15, с. 124]. А уже 8 августа: «Потёмкин в своём имении выстроил дом покуда небольшой, но хорошенький» [15, с. 142]. Супруги Потёмкины впервые приехали в Артек 10 октября 1835 года, о чём и сообщает письмом Казначеев Воронцову: «6 октября приехали к нам Потёмкины; Татьяна Борисовна объяснила, что проживёт в Артеке два года. ... Ей очень понравилась наша страна; с удивлением смотрела она на тепло наше. ... Потёмкины ночуют в Алуште и сего дня въезжают в Артек» [15, с. 233-234].

Первые описания имения Потёмкиных мы находим у трёх путешественников в Крым в первой половине 30-х годов XIX века: в «Путеводителе» Ш. Монтандона, в «Путешествии в Крым» Ф. Дюбуа де Монпере и у Н. С. Всеволожского в «Путешествии через Южную Россию, Крым и Одессу...». У швейцарского француза Фредерика Дюбуа де Монпере читаем: «С перешейка Аю-Дага ... дорога спускается вплоть до морского побережья, пересекая владения Артека. ... Несколько лет назад (Г. Олизар – *Н. М.*) уступил его полковнику Потемкину; последний произвел много усовершенствований и посадок, к которым местность весьма располагает. Немного найдется на побережье таких, которые могли бы соперничать с ней по живописности расположения, богатству видов, качеству почвы» [13, с. 163]. Француз Шарль Монтандон дополняет: «Дорога ... с невысокими решетчатыми воротами ведет к землям (Потёмкина – *Н. М.*) ... Это имение ... имеет перед многими другими неоценимое преимущество соединения всего того, что представляет собой хорошо организованное хозяйство. Великолепное расположение на юге и юго-западе открывает вид на скалы и горы, соседствующие с Юрзуфом, ... многочисленные постройки которого, прилепившиеся к Аю-Дагу, прикрывающему их своими лесами, ясно различимы. Маленькие лужайки меж двух великолепных виноградников, возле которых возвышаются здания, построенные со вкусом, и новый винный погреб ниже при спуске к морю, английские сады, водопад, плантации маслин, которые хорошо растут, превращают эту землю в уединенный мирок, где каждый человек охотно согласился бы провести жизнь» [18, с. 30].

А тверской губернатор Н. С. Всеволожский не упустил возможность, описывая красоты имения, вспомнить о Татьяне Борисовне Потёмкиной: «Новая помещица ... искала здесь умеренного климата и уединения, нужных для ее здоровья, и для жизни, истинно христианской, посвященной добродетели и благотворению. Не взирая на скрытность свою, она не могла скрыться от благодарности окружающих и благодетельствованных ею людей. Она как роза, которую никакая тень утаить не может: благоухание этого цветка всегда покажет её присутствие. Татьяна Борисовна истинно оправдала название своего поместья (Артек или Кардиа-Трикон, значит по-гречески Утешение или излечение сердец). Впрочем, оно довольно замечательно и собственно собой: прелестный вид морских скал и гор, ... всякого рода заведений, построенные у подошвы Аюдага, ... строения в хорошем вкусе. ... Английские сады, ... маслинные деревья, которые здесь успешно растут, всё это делает поместье Потемкина прелестным и достойным особенного замечания» [3, с. 51-52].

Помимо красоты местности необходимо отметить развитие в имении виноградарства и виноделия, которое широко распространялось на Южном берегу Крыма со времени губернаторства М. С. Воронцова. А. М. Потёмкин приходился кузеном супруге графа Елизавете Ксавьерьевне. Их матери были родными сёстрами: Татьяна и Александра Энгельгардт. Виноделие приносило главный доход в имении. А сады и парки – заслуга второго директора императорского Никитского сада Н. А. фон Гартвиса. Он так же прикупил к своему имению часть имения Г. Олизара и был соседом Потёмкиных. Первые постройки Олизара в 1833–1834 годах были Потёмкиными реконструированы. После окончания второго срока (1830–1833) по выборам Ораниенбаумским уездным предводителем дворянства А. М. Потёмкин мог уделить внимание приобретенному имению. Как считает историк-искусствовед А. П. Пальчикова, «постройки в Артеке по стилистическим особенностям можно отнести к проектам Эльсона», первого архитектора Южного берега Крыма [19, с. 100].

Об имении Артек продолжали рассказывать все гости и путешественники середины XIX столетия. Наиболее подробно описывает имение Ф. Домбровский: «Из Партенита дорога или тропинка разделяется на две ветви: одна (вправо) идет в объезд Аю-Дага, по северному его скату, в Артек, Гурзуф и т. д., другая ведет на вершину горы. Не успеете подняться на возвышенность, как перед вами открывается самый очаровательный вид на Гурзуфскую долину, в которой кроме обширной татарской деревни находится несколько богатых дач. ... Спустившись с Аю-Дага, продолжаете путь в «Артек», древний «Кардиатрикон», которым начинается Гурзуфская долина. Артек,

прелестная дача г-жи Потемкиной, расположен по другую сторону Аю-Дага. ... Обширный виноградный сад (более 100 т. кустов), множество редких растений, оливковая роща, дома, домики, беседки, выглядывающие из роскошной земли; фонтаны, ручьи, лужайки, попадающиеся в разных местах сада, превосходный винный подвал, в виноградном саду настоящий сорт винограда «мадера», которого нет в другом месте на Южном берегу Крыма; прелесть залива, на берегу которого расположен Артек и благорастворенный климат, – вот, в нескольких словах, красоты этой дачи, одной из лучших на Южном берегу» [11, с. 18-19].

Владельцы провели в имении безвыездно три года: с 1835 по 1838. В эти же годы в имении шли особенно большие работы по устройству жилых и парковых строений. Таврида готовилась к встрече августейших гостей: императора Николая I и его семьи. Потёмкиным граф М. С. Воронцов отвел роль особую, в их имении предполагался первый ночлег на Южном берегу Тавриды. Татьяна Борисовна была вхожа в семьи трех императоров: Александра I, Николая I и Александра II, особенно связывали ее дружеские отношения с императрицей Александрой Федоровной – супругой Николая I.

Как вспоминала внучатая племянница Татьяны Борисовны – Елена Юрьевна Хвощинская: «Мне рассказывали, что в день присяги одного из великих князей, кажется Николая Николаевича (третий сын Николая I – *Н. М.*), бабушка поехала на хоры с великой княгиней Марией Николаевной (дочь Николая I – *Н. М.*), которая была в трауре и не могла участвовать в празднестве. Император Николай Павлович, увидя Татьяну Борисовну на хорах, послал спросить, почему она не внизу, где должно быть её место.

– Когда я была молода, – отвечала она посланному, – я не имела права быть в свите Государыни, а теперь в мои годы поздно начинать придворную жизнь, благосклонность же царя и царицы ко мне так велики, что позволяет мне быть между ними без этикета и больше этого мне ничего не нужно. Прошу только позволения у государя продолжать пользоваться своим положением в его августейшей семье» [23, с. 99].

Положение Татьяны Борисовны действительно было особым, не будучи фрейлиной, при дворе она «не имела права на посещение царской фамилии, но, видя их любовь к ней, продолжала посещать интимно, избавляя себя от всех выходов и парадов. Это было её исключительное положение в царствование императоров Николая I и Александра II. Она пользовалась таким расположением и любовью наших цариц (Александры Федоровны и Марии Александровны – *Н. М.*), что в какой бы час ни вздумала войти во дворец, ей все двери отворялись без доклада» [23, с. 99]. Государь также бывали в ее доме на Миллионной в Петербурге и в имениях: Гостилицы, Артек и Святые горы.

В имение был устроен спуск от новой дороги из Алушты в Ялту. На его пути было много поворотов и крутизны, поэтому императрица Александра Федоровна и другие дамы спускались в экипажах, а сам император и его свита – верхом на лошадях. «Здесь ожидал императора почетный караул Балаклавского греческого батальона под командованием подполковника Качони» [21, с. 33]. Гости провели в Артеке более суток с 15 на 16 сентября 1837 года.

А далее обратимся к «Дорожным письмам» воспитателя цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II) генерала С. А. Юрьевича:

«Артек: дача, принадлежавшая Потемкиным (Гостилицким). Хозяйка Татьяна Борисовна, (которую Государь в шутку называет митрополитом). ... Гости спустились парком к дому. Парк прелестный, хотя ещё недавно как начали возделывать его; небольшой, уютный и прекрасно меблированный дом, вид из него в правую сторону восхитителен; с левой стороны страшный Аю-Даг, кажется грозит завалить дом и прилегающие строения своею дикою громадою; высота Аю-Дага над морем 300 сажень (1 сажень – 2,13 м – *Н. М.*). Хозяин и хозяйка встретили их Величества, окруженные своими родными, и приезжали к ним при спуске с горы. Приехав в шестом часу, их Величества успели еще до вечера полюбоваться видами, погулять по террасе и по саду. В 9 час. вся компания собралась к ужину, хозяева радушно угощали своих высоких гостей богатым ужином, богато украшенным цветами, отличными фруктами и несколькими сортами винограда». Императорская чета и наследник ночевали в двухэтажном доме. «На другое утро в десять часов наша странствующая компания тронулась с ночлега в путь дальнейший также верхом по берегу моря. ... Не выезжая из Артека, мы в беседке останавливались пить шоколад, и, проехав около 4-х верст шагом, по крутизнам гор, заехали в Юрзуф, дачу Фундуклея» [12, с. 187-188]. Основным местом пребывания гостей в южном Крыму была Алупка. Чета Потёмкиных на период с 17 по 30 сентября переселились туда. В свое имение Потёмкины вернулись 1 октября. Уже на следующий день они вновь встречали высокую гостью – великую княгиню Елену Павловну – супругу младшего брата императора – Михаила Павловича. Великая княгиня посетила Ореанду графа Витта, затем Массандру – имение

М. С. Воронцова, а так же Магарач и Никитский сад и 1 октября прибыла в Артек к Потёмкиным, где был её последний ночлег на южном берегу.

В имении Артек частыми гостями были члены большой семьи Татьяны Борисовны, здесь же неподалёку были имения старшего брата – князя Андрея Борисовича Голицына и сестры Софьи Борисовны в замужестве Полторацкой. Их земли первоначально так же принадлежали графу Густаву Олизару и располагались на территории комплекса «Прибрежный» МДЦ «Артек». Частым гостем Потёмкиных был младший брат – князь Николай Борисович Голицын, один из адресатов А. С. Пушкина. Князю Голицыну адресовано в Артек 10 ноября 1836 г. одно из последних писем поэта: «... Как я завидую вашему прекрасному крымскому климату: письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего «Онегина», и вы, конечно, узнали некоторых лиц...» [20, с. 314].

Во всех своих имениях Потёмкины устраивали, возобновляли или расширяли церкви: так было в Гостилицах под Петербургом, Святых горах (ныне Донецкая область), так было и в Крыму. Вблизи жилых построек была выстроена деревянная церковь во имя Воскресения Христова. Значение этого обстоятельства, как для четы Потёмкиных, так и для всех живущих в соседних имениях трудно переоценить. Из единственного сохранившегося документа, хранящегося в Государственном архиве Республики Крым, мы узнаём, очень важную информацию. Уже название этого документа «Исповедальные росписи» и подзаголовок «Домовая Воскресенская церковь имения Артек» многое обещают. И действительно в нём есть прямое указание на начало церковной жизни – «1838 год», сведения о возрасте исповедующихся, их месте жительства и роде занятий. Но, пожалуй, самое интересное это то, что прихожанами церкви в Артеке были крестьяне всех окрестных имений: «Гурзуфа Фундуклея, Кучук-Ламбата А. М. Бороздина, помещика фон Гартвиса, помещика Понятовского, полковника Кеппена имения Карабах, поручика Александра Крым-Гирея, имение Суук-Су, помещицы Анны Раевской имения Карасан, помещика князя Гагарина имения Кучук-Ламбат. Всего в «Росписях» «110 лиц мужского и 51 женского пола и их детей» [5]. В начале 60-х годов церковь была перестроена в камне и освящена во имя Рождества Христова. До постройки церкви в имении Гурзуф в 1893 году П. И. Губониным эта церковь была единственной на территории большого Гурзуфа. Сохранялась вторая Артековская церковь долго и была разобрана в 60-х годах XX века. На территории комплекса «Горный» можно и сейчас найти её место.

Потёмкины вернулись в столицу в 1838 году. В последующие годы владельцы нечасто бывали в Артеке. Русская путешественница О. П. Шишкина, побывавшая в Крыму в 1845 году, сожалела о том, что ей не пришлось побывать в Артеке: «Время не позволило нам посмотреть его, и говорят, даже в легком экипаже очень трудно туда проехать с тех пор, как уже несколько лет не бывали в нем хозяева» [30, с. 207-208]. В мемуарах самой Т. Б. Потёмкиной есть только одно указание на пребывание в последующее время в Артеке, это был 1864 год. Читаем в первой «Памятной книжке Таврической губернии» вышедшей в 1867 году: «В Артеке года 3 назад освящена новоустроенная церковь, вместо бывшей домовою во имя Воскресения Христова упразднённой и разобранной до основания по причине её непрочности». С освящением церкви и был связан последний приезд Потёмкиных в Артек. Татьяна Борисовна писала об этом: «Я вот уже 23-й раз приезжаю в «Святые горы». ... *Прожив шесть недель в Крыму*, (курсив наш – Н. М.), я приехала сюда» [23, с. 108]. Святые горы – родовое имение А. М. Потёмкина в Харьковской губернии (ныне Донецкая область) было любимым местом, где Потёмкины, помимо имения Гостилицы под Петербургом, проводили лето и осень. Здесь ими были построены все современные каменные храмы и с высочайшего согласия императора Николая I возобновлён монастырь (Свято-Успенская Святогорская Лавра с 2004 г.).

Но имение Артек по-прежнему оставалось «одним из замечательных мест на Южном берегу. Но странно, что теперь, вероятно, по приказанию хозяев, делают затруднения путешественникам, желающим обозреть Артек», так писала в своем первом Путеводителе по Крыму (1871 г.) М. А. Сосногорова. Ещё в 30-е годы в Артек были переселены Потёмкиными крестьяне из Харьковского имения, они занимались и виноградарством и виноделием и сбором маслин в большой маслиновой роще и вели всё хозяйство в имении, да так и остались его постоянными жителями.

В 1861 году произошло важное событие в истории Новороссийского края: Императорское общество сельского хозяйства Южной России решило увековечить память князя М. С. Воронцова установкой ему памятника в Одессе. Была создана комиссия «для отыскания в Крыму такого рода камня, из которого можно бы было устроить пьедестал» [9, с. 524]. Выбор пал на Аю-Даг, после обращения к владельцу имением А. М. Потёмкину «Почтенный владелец Артека, сочувствуя общему делу, с полной готовностью дал право на ломку камня» [9, с. 524]. Закладка памятника

произошла 1 августа 1861 года, он и по сей день стоит в Одессе.

Татьяна Борисовна скончалась 1 июля 1869 года и погребена в приделе Архистратига Михаила храма Воскресения Христова Троице-Сергиевой пустыни в Стрельне под Петербургом. Александр Михайлович был погребён рядом через три года. Архитектором последнего храма Воскресения Христова был архимандрит Пустыни Игнатий (Малышев), создавший его проект вместе с архитектором А. А. Парландом. Он в 1897г. был также погребен в приделе Архистратига Михаила. Поэтому в 90-е годы XX века, с самого начала возобновления монастыря, монахи начали вести раскопы на месте храма Воскресения Христова. Их усилия увенчались успехом, через несколько лет они обнаружили захоронения в этом приделе. Кроме надгробной плиты на месте захоронения архимандрита Игнатия, рядом были найдены места захоронения А. М. и Т. Б. Потёмкиных. На этом месте установлены кресты – голубцы с горящими лампадами.

На территории комплекса «Горный» сохранились Потёмкинские дома, ротонда в парке, фонтан, ныне не действующий, но украшающий двор домов, в которых живут сотрудники «Артека», и необыкновенной красоты парк. Сохранилось и место, на котором находилась церковь имения Артек, и которая ещё ждёт своего возрождения.

Прямых потомков у Потёмкиных не было, наследниками их огромного состояния стали внучатые племянники и племянницы, как со стороны Александра Михайловича, так и со стороны Татьяны Борисовны. Первоначально наследником имения Артек был племянник – сын князя А. Б. Голицына – князь Борис Андреевич. Но он скончался в 1870 году, А. М. Потёмкин переделал завещание и наследником Артека стал внучатый племянник – князь Александр Борисович Голицын (1855–1920). Но владельцем Артека князь А. Б. Голицын был очень недолго, по настоянию сестры князя А. Б. Голицына и Т. Б. Потёмкиной Александры Борисовны Мещерской (1798–1878) имение было продано московскому коммерции советнику И. А. Первушину. Покупатель был не случайным. И. А. Первушин и сыновья его были владельцами винокуренных заводов в Юрьевском уезде Владимирской губернии поблизости от имения Голицыных Сима.

Купив имение Артек, И. А. Первушин, а затем его сыновья сделали ставку на виноделие. В имении под «виноградниками было более 39,2 дес.» [6] (около 45 га – *Н. М.*). На них выращивался виноград разных сортов. Самая большая плантация была под «сотерном – 6 дес., мускатом белым – 4 дес., алиготе – 5 дес., кото-де-вакко – 6 дес. Кроме этих сортов, выращивался виноград сорта саперави, токай, рислинг, кларет, алиготе, всего 17 сортов» [6]. Почти половину имения – «58 дес. 1010 кв. саж.» занимали леса. В имении были собственные источники. «18 десятин», почти 20 га занимал «парк» [6]. Первушины вели торговлю винами в Москве, где находилась контора их Торгового дома, в Варшаве и Одессе.

Другим направлением в имении было сдача в наём на летний период жилья для отдыха. В 1880 году целый месяц в августе в гостинице Первушиных прожила княжна Е. С. Горчакова. Княжна приехала к имению по шоссе из Ялты к воротам Артека. «Дорога, хотя недавно исправленная, была местами изрыта и кучер, опасаясь за целостность своей коляски, а может быть боясь, что не сдержит своей тройки, на крутых поворотах и спусках, предложил нам пройти пешком, привязал третью лошадь сзади экипажа и стал спускаться на паре, проклиная живописные местности, в виде косогоров, прорытых канавок и проч.» [8, с. 137-138]. В отличие от кучера, княжна Горчакова «была в восхищении. Мы шли густым лесом, наполненным всевозможными деревьями; около дороги росли кустарники диких роз, терновника, кизила; за ними виднелись огромные серые, красноватые камни; заросшие плющом; плющ обвивал стволы деревьев и падал бесконечными гирляндами, то на зеленую траву, то на темную землю, перекидываясь причудливыми фестонами с одной стороны дороги на другую, устраивая нам воздушные беседки и зеленые арки. ... Я быстро шла вперед, пока, на одном повороте не открылась передо мной новая, еще прелестнейшая картина. Я стояла на довольно широкой площадке, окаймленной буксами, низкорослыми лаврами, кустами роз; за ними террасами спускались виноградники, виднелись разбросанные по лугу кипарисы и другие деревья, возвышалась, на высоком холме изящная беседка, а за ней далеко, далеко расстилалось безбрежное, розовое море. ... Я обернулась. Передо мной был дом гг. Первушиных, нынешних владельцев Артека. Дом не велик, но весь обвит зеленью. Плющи, глицинии, колокольчики, розы всех возможных сортов обвивают его, лезут на крышу, спускаются разноцветными гирляндами на близстоящую мимозу и перемешиваются с огромными кистями винограда. Около дома ряд темных кипарисов, несколько магнолий, павлоний, мимозы; за ними гора, вся покрытая лесом; у подножия горы, в десяти шагах от дома, прелестная маленькая деревянная церковь, накрытая изумрудной сеткой плюща и вьющихся роз разных сортов и колеров» [8, с. 138-139].

Главным и любимым занятием для княжны была прогулка в «запущенный сад, разведенный бывшим владельцем А. М. Потемкиным, под самым Аю-Дагом. В нем еще встречались одичалые персиковые и миндалевые деревья, смоковницы и кусты роз; все остальное находилось в полнейшем запустении; но по некоторым признакам, по спускающемуся к морю, террасами и обрывами, берегу можно было судить о прелести этого уголка, защищенного от ветра, с чудным видом на море, когда в нем были аллеи белых акаций, клумбы редких цветов, беседки жимолости и жасмина, расчищенные дорожки, обложенные всевозможными декоративными растениями, журчащие фонтаны и светлые, быстрые ручьи. Судя по этому одичалому саду, Потемкины обладали эстетическим вкусом и умели выбирать самые лучшие места в своем имении, где устраивали павильоны, беседки, ротонды и ставили скамьи для отдыха и наслаждения живописными окрестностями Артека, великолепной панорамой открытого моря с зеленеющими берегами и величественными горами, служащими темным фоном этой грандиозной картины» [8, с. 150-151].

К моменту национализации в 1921 году в имении было 15 нежилых построек, в этом перечне церковь, Морской дом (на берегу), оранжерея, каретный сарай, кладовые и другие подсобные помещения. Главный в списке, конечно, винный подвал на 30 тыс. ведер. По данным Статистического бюро Таврического губернского земства в 1888 году в имении «Артек г-на Первушина с 1 десятины было получено 125 ведер вина» [22, с. 52]. Кроме этих построек, в имении было «11 домов, в которых жили сами Первушины, служащие и рабочие имения, которых к началу 1921 года было 23 человека» [7]. Сюда же входило здание конторы. Почти все постройки сохранились до наших дней и используются под жилье.

Прошло сто лет с начала освоения этой территории графом Олизаром. 16 июня 1925 года приехали сюда первые 10 школьников из Крыма, а на следующий день ещё 70 из Москвы. Началась замечательная история детского лагеря – санатория в Артеке.

Идея создания детского лагеря-санатория возникла в 1924 году. Курировал подготовку и работу в первые три года заместитель народного комиссара здравоохранения и одновременно председатель Общества Красного Креста Зиновий Петрович Соловьёв. А директором лагеря и главным врачом в течение 1925–1932 годов был Фёдор Фёдорович Шишмарёв. Имя Ф. Ф. Шишмарёва в течение десятилетий было незаслуженно забыто и только сейчас возвращается в Артек и непременно должно быть увековечено. При нём в 1928 году первые палатки лагеря были заменены на скромные деревянные домики, а в 1930-1931 году был построен Верхний лагерь, вплотную приблизившийся к строениям первого имения.

Первоначально лагерь не имел названия, постепенно название местности перешло и на детский лагерь и закрепилось навечно. Международный детский центр «Артек» по-прежнему притягивает сюда детей во всего мира.

Список источников и литературы

1. Бертъе-Делагард, А. Л. Память о Пушкине в Гурзуфе / А. Л. Бертъе-Делагард // Пушкин и его современники : Материалы и исследования. Выпуск XVII–XVIII. Повременное издание Комиссии для издания сочинений Пушкина при Отделении Русского языка и словесности Императорской Академии Наук. — СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук, 1913. — С. 77–155.
2. [Висковатов, А. В.] Сведения о князе Потёмкине / А. В. Висковатов // Русский вестник. — 1841. — № 4. — С. 79–151.
3. Всеволожский, Н. С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах / [Соч.] Н. С. Всеволожского. — М. : Тип. А. Семена, 1839. — Т. 1. — 495 с.
4. ГАРК (Гос. арх. Респ. Крым). Ф. 8. Оп. 1. Д. 13. Л. 141–143.
5. ГАРК. Ф. 713. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10, 18-об.
6. ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 23. Л. 1-об.
7. ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 23. Л. 7.
8. Горчакова, Е. Воспоминания о Крыме. В 2 ч. Ч. 1. / [Соч.] Кн. Е. Горчаковой. — М.: Тип. Общ-ва распр. полезн. книг, 1881. — 182 с.
9. Дело о сооружении памятника фельдмаршалу Князю М. С. Воронцову // Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России. — Одесса, 1861. — Кн. 2. — С. 522–525.
10. Долгоруков, П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. В 4 ч. Ч. 2. / Петр Долгоруков. — СПб. : Тип. Карла Вингебера, 1855. — 327 с.

11. Домбровский, Ф. М. Обзорение Южного берега Крыма : Пособие для путешествующих / Соч. Ф. Домбровского. — Одесса : Гор. тип., 1850. — 43 с.
12. Дорожные письма С. А. Юрьевича во время путешествия по России Наследника Цесаревича Александра Николаевича в 1837 году [Вознесенск. — Одесса. — Южный берег Крыма. — Перекоп. — Екатеринослав. — Кременчуг. — Киев. — Полтава. — Харьков. — Таганрог. — Аксай] / А. С. Юрьевич // Русский архив. — 1887. — Кн. 2. — Вып. 6. — С. 171–216.
13. Дюбуа де Монперэ, Ф. Путешествие в Крым / Фредерик Дюбуа де Монперэ ; пер. с фр. Т. М. Фадеевой. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. — 326 с.
14. Знаменитые россияне XVIII–XIX веков : Биографии и портреты. : По изданию великого князя Николая Михайловича "Русские портреты XVIII и XIX столетий" / [Сост. и авт. вступ. ст. Е. Ф. Петинова]. — [2-е изд.]. — СПб. : Лениздат, 1996. — 956 с.
15. Казначеев, А. И. Партикулярные письма графу М. С. Воронцову : 1828–1837 гг. / А. И. Казначеев. — М. : Изд-во «Новый хронограф», 2015. — 280 с.
16. Копылов, А. Ф. Мемуары графа Олизара (окончание) / А. Ф. Копылов // Русский вестник. — 1893. — № 9. — С. 101–132.
17. Макарухина, Н. М. Гурзуф – первая жемчужина Южного берега Крыма : Кн. вторая / Н. М. Макарухина. — Симферополь : Бизнес-Информ, 2012. — 256 с.
18. Монтандон, К. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / К. Монтандон ; предисл., сост. В. В. Орехова ; пер. с фр. В. В. Орехова, Л. Ю. Алексеевой, Ю. А. Гуровой. — Симферополь, 1997. — 130 с.
19. Пальчикова, А. П. Чертежи Ф. Ф. Эльсона в Алупкинском музее / А. П. Пальчикова // II Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма: факты, документы, коллекции, литературоведение, мемуары : сб. науч. тр. — Ялта, 1998. — С. 95–103.
20. Пушкин, А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. Письма 1831–1837 / А. С. Пушкин ; ред. Д. Д. Благой [и др.]. — М. : Гослитиздат, 1962. — 487 с.
21. Сафонов, С. В. Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 года / Сост. С. Сафоновым. — Одесса : Гор. тип., 1840. — 83 с.
22. Сборник по текущей статистике [Таврической губернии] за 1887–88 год / Стат. бюро Таврического губ. земства. — Симферополь : Таврическая губ. земская управа, 1888. — 244 с.
23. [Хвоцинская, Е. Ю.] Воспоминания Елены Юрьевны Хвоцинской (рожденной княжны Голицыной) : (Из журнала «Русская старина» 1897 и 1898 г.) / Е. Ю. Хвоцинская. — СПб. : Тип. Высочайше утв. т-ва «Обществ. польза», 1898. — 153 с.
24. ЦГИА СПб. (Центр. гос. ист. арх. Санкт-Петербурга). Ф.515. Оп1. Д.1255. Л.41-об.
25. ЦГИА СПб. Ф.536. Оп.4. Д.369. Л. 3-об.–6-об.
26. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 341. Л. 2об.
27. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 341. Л. 69.
28. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 26. Д. 261. Л. 5.
29. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 26. Д. 261. Л. 6–6-об.
30. Шишкина, О. П. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. В 2 т. Т 2. / [Олимпиада Шишкина]. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1848. — 304 с.

Статья поступила в редакцию 20.03.2016

Makarukhina, N. M. The History and Fate of Potemkin's Family Estate in Artek

An overview of the estate which was built in 1825 and is still found in the Artek international children's camp is given, including biographical details of its owners. Based upon memoirs of the contemporaries, the nineteenth-century editions of newspapers and historical records, the article offers a description of the estate and its premises as well as the changes they have undergone over the course of time. For further information feel free to refer to the book by N. M. Makarukhina *Gurzuf: Crimea's First Pearl, Book Two*. Simferopol, 2012.

Keywords: Potemkin's family estate, Crimea, Artek.

УДК 94(1-924.71)"18"

Рассматривается создание новой системы управления в Крыму после присоединения региона к Российской империи. Особо выделена роль Г. А. Потемкина в процессе формирования органов управления в Крыму и прилегающих к полуострову районах.

Ключевые слова: система управления, земское правительство, Таврическая область, правитель области, генерал-губернатор, присутственные места.

В. В. Дмитриев, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: vladislav.ist@mail.ru

РОЛЬ Г. А. ПОТЕМКИНА В ФОРМИРОВАНИИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ В КРЫМУ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Деятельность Григория Александровича Потемкина на ниве служения Отечеству широка и многообразна. Одной из его главных заслуг является присоединение Крыма к России в конце XVIII в. и активное участие в жизни новоприсоединенного региона. В настоящем исследовании основное внимание уделено участию князя в формировании органов управления в Крыму в конце XVIII в.

В таком формате деятельность Г. А. Потемкина не подвергалась специальному изучению, хотя ее отдельных аспектов касались такие исследователи как Ф. Ф. Лашков, Е. А. Загоровский, Н. Ю. Болотина, Д. А. Прохоров, И. В. Савченко.

Осуществив присоединение Крыма к России, Г. А. Потемкин вскоре приступил к административному устройству региона. Из представителей наиболее знатных татарских родов, проявивших лояльность к новым властям, было создано Крымское земское правительство. Первое упоминание о нем мы встречаем в ордере Григория Александровича Потемкина от 21 июля 1783 г. [12, с. 276]. Создавая правительство из татарских представителей, Г. А. Потемкин пытался успокоить местное население и доказать, что российское правительство не стремится внести резкие изменения в жизнь новых подданных. Продуманным был и тот шаг, что в состав Земского правительства вошли наиболее влиятельные татарские представители, занимавшие высокое положение в обществе в последний период существования Крымского ханства. Первоначально в состав Крымского земского правительства входили: Мехметша-бей Ширинский в качестве наместника, муфтий Гаджи-Казы Ага, казаскер Муслидин Эфенди. В связи с увеличением количества дел, число членов правительства росло и к июню 1784 г. составляло 10 человек [8, с. 91].

Крымское земское правительство в основном было лишено самостоятельности. Так, в его компетенцию не входило решение финансовых вопросов, и была частично ограничена административная деятельность. Это правительство рассматривалось Г. А. Потемкиным в основном как источник информации для русских властей, вследствие совершенной новизны крымских дел. Члены Крымского земского правительства через подчиненные им местные органы власти собирали по требованию Г. А. Потемкина ценные сведения по административному устройству и социально-экономической жизни Крыма. Так, благодаря этой деятельности было составлено «Камеральное описание Крыма» [7, с. 76]. Полученная информация оказала неоцененную помощь для разработки и реализации многих проектов Г. А. Потемкина.

Основным местом пребывания Крымского земского правительства являлся город Карасубазар (ныне город Белогорск), там же располагалась главная ставка русских войск в Крыму. Административное устройство Крыма до 1784 г. не претерпело значительных изменений по сравнению с ханским периодом существования. Крымский полуостров делился на 6 округов, называвшихся каймаканствами: Бахчисарайское, Акмечетское, Карасубазарское, Козловское, Кафинское и Перекопское [8, с. 99]. Во главе каждого из них находилось должностное лицо, именуемое каймаканом. В свою очередь, каймаканства делились на кадылыки во главе с кадиями. Эти должностные лица в основном выполняли на подведомственной им территории судебные и административно-полицейские функции. Каймаканы первоначально назначались Земским правительством и утверждались русскими властями, однако, через несколько месяцев после начала работы Земского правительства эта прерогатива у него была изъята. В дальнейшем решения об увольнении и назначении каймаканов принималась лично Г. А. Потемкиным. Это объяснялось недоверием, которое проявлял Г. А. Потемкин к татарской знати. Так, среди представителей местной администрации были выявлены антироссийские настроения и призывы к эмиграции в Турцию. За это, в частности, лишился

своей должности Бахчисарайский каймакан [12, с. 291, 304-305].

С целью усиления контроля над местной администрацией Г. А. Потемкин включает в состав Земского правительства в декабре 1783 г., свое доверенное лицо – Якуб-Агу. Якуб-Ага, или как его еще называли Яков Измайлович Рудзевич, был из буджацких татар, еще в 1770 г. он вступил на русскую службу. Служил при канцелярии графа П. А. Румянцева и князя Г. А. Потемкина. Способствовал своею деятельностью бескровному присоединению Крыма к России. Войдя в состав Земского правительства, Я. И. Рудзевичу удалось оттеснить Мехметшу-бея Ширинского и занять главенствующее положение в этом органе. Для наблюдения за деятельностью местной татарской администрации он направлял в каждый кадылык по два наблюдателя, которые следили за исполнением распоряжений властей [6, с. 97].

Высшее руководство и контроль деятельности гражданских властей Крыма, с 1783 по 1784 гг. осуществлял главнокомандующий русскими войсками на полуострове, основным местом нахождения которого, как и Земского правительства, был город Карасубазар. С июля по август 1783 г. эту должность занимал граф А. Б. де Бальмен, с августа 1783 г. – барон О. А. Ингельстром. Главнокомандующий войсками являлся своеобразным связующим звеном между Г. А. Потемкиным, в основном находившимся за пределами Крыма, и татарской администрацией. Через него Г. А. Потемкин сообщал Земскому правительству и каймаканам указы и приводил их в исполнение.

Система управления, функционировавшая в Крыму с 1783 г. по 1784 г., способствовала началу интеграции региона в состав России, но сохранение ее в том виде представлялась наместнику Новороссии малоэффективной. В своей переписке с бароном О. А. Ингельстром, Г. А. Потемкин просил выяснить мнение членов Земского правительства и каймаканов, какое количество чиновников необходимо в Крыму для полноценной работы органов местного управления. В общении с представителями местной администрации удалось узнать, что они осознавали невозможность самостоятельного выполнения своих функций в связи с изменениями, произошедшими на полуострове после присоединения к России, и не возражали против приезда в Крым чиновников, знающих систему управления [8, с. 95]. Полученная информация позволила Г. А. Потемкину разработать новую систему административного устройства и управления в регионе и подать ряд проектов на рассмотрение и утверждение Екатерине II. Итогом проделанной работы стало издание с февраля по апрель 1784 г. императорских указов, определявших на 80–90-е гг. XVIII в. административное устройство и систему управления в Крыму, Северной Таврии и Тамани.

Согласно указам от 2 и 8 февраля была образована Таврическая область, в состав которой входили Крымский полуостров, Тамань и земли, расположенные между Перекопом и Екатеринославским наместничеством. В составе Таврической области создавалось 7 уездов. Из них – четыре на территории самого полуострова (Симферопольский, Левкопольский, Евпаторийский, Перекопский) и три уезда (Днепровский, Мелитопольский и Фаногорийский), расположенных в прилежащих к Крыму районах. На территории Таврической области предполагалось в течение нескольких лет обустроить областной и уездные города, открыть административные, хозяйственные и судебные учреждения [11, с. 17-18, 20].

24 апреля 1784 г. было опубликовано два императорских указа, в одном из которых утверждался штат Таврической области, а в другом – значительное внимание уделялось привлечению в органы управления местного населения [11, с. 137-138].

Образование на территории Крыма области, а не губернии объяснялось малочисленностью населения данного региона. По приблизительным подсчетам в конце XVIII в. оно составляло около 120 тыс. чел. [13, с. 196]. По принятым при Екатерине II нормам население губернии должно было насчитывать не менее 300 – 400 тыс. чел. В дальнейшем с увеличением количества населения планировалось преобразовать Таврическую область в губернию. Издание вышеупомянутых указов способствовало формированию новой вертикали власти в Крыму.

Представителем высшей власти в регионе являлся Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор князь Г. А. Потемкин. Исходя из «Учреждений для управления губерний», изданного в 1775 г., он наделялся широкими полномочиями. В частности, осуществлял общий надзор за деятельностью местных органов управления в области и руководил их деятельностью. Являлся высшей контролирующей инстанцией на уровне области за осуществлением судопроизводства. В финансовой сфере контролировал поступление доходов и распределение расходов [14, с. 137]. Однако реальные полномочия Г. А. Потемкина были значительно шире.

Непосредственное управление Таврической областью осуществлялось правителем области (губернатором). Первым правителем Таврической области с 1784 г. по 1788 г. был В. В. Каховский.

Вторым и последним правителем области с 1788 г. по 1796 г. был генерал-майор С. С. Жигулин. Анализируя ордер Г. А. Потемкина относительно управления Таврической областью и рапорты В. В. Каховского и С. С. Жигулина, можно прийти к выводу, что в первые годы существования Таврической области Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор контролировал практически каждый шаг администрации области.

Управление подведомственной территории правитель осуществлял через Областное правление, которое он возглавлял. Открытие Областного правления произошло 11 июня 1784 г. в городе Карасубазаре, в квартире главнокомандующего русскими войсками в Крыму барона О. А. Ингельстрема. На открытие были приглашены члены Крымского земского правительства, каймаканы и ряд других лиц. Барон Осип Андреевич Ингельстром ознакомил присутствующих с указами императрицы об изменении административного устройства и системы управления в Крыму, о переименовании Земского правительства в Таврическое областное правление и представил его нового руководителя [5, л. 1]. Первоначально в состав Таврического областного правления входили правитель статский советник Василий Васильевич Каховский, поручик правителя (вице-губернатор) коллежский советник Андрей Андреевич Лангель и члены бывшего Земского правительства [9, с. 26, 35]. Первое официальное заседание Таврического областного правления прошло 14 июня 1784 г.

Местное управление до 1787–1788 гг. оставалось под руководством каймаканов. Среди причин отсутствия первоначальных изменений на местном уровне являлось опасение Г. А. Потемкина быть непонятым представителями татарской знати, имевших опыт административного управления, а также недостаток квалифицированных чиновников.

С момента основания Таврической области Г. А. Потемкин проявлял заботу об устройстве областного центра и уездных городов, строительстве в них присутственных мест. В июне 1784 г. Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор определился с местом строительства областного центра, возле Акмечети [12, с. 303]. Выбор именно этого места связывают с выгодным его расположением, в центре полуострова, на пересечении основных путей сообщения. Название будущего областного центра подсказал Г. А. Потемкину архиепископ Славянский и Херсонский Евгений (в миру Елевферий Булгарис), Симферополь в переводе с греческого означал «город пользы», «город-собиратель». Строительство первых административных сооружений в Симферополе растянулось на несколько лет. В переписке с правителем области В. В. Каховским генерал-губернатор подсказывал ему, где заготавливать камень для строительства, выписывал древесину с материковой части России [15, с. 49]. До открытия губернского дома в Симферополе административным центром были г. Карасубазар (1784 г.) и г. Бахчисарай (1784–1785 гг.). В 1785 г. Таврическое областное правление переехало в Симферополь из Бахчисарая [3, л. 1].

При открытии гражданских учреждений в Крыму Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор вынужден был решать совместно с правителем области вопрос нехватки кадров. В первые годы существования Таврической области чиновники из других российских губерний не очень хотели служить в Крыму. Это объяснялось удаленностью региона, отсутствием развитой инфраструктуры, часто повторяющимися эпидемиями. Решал эту проблему Г. А. Потемкин разными способами. Использовал связи в других губерниях и через доверенных лиц приглашал на службу в Крым. Нередко при переезде в Тавриду чиновник получал повышение в чине. Особо любил Григорий Александрович своих земляков. Только среди высокопоставленных чинов, служивших в Таврической области, выходцами из Смоленской губернии были: правитель области Василий Васильевич Каховский, его брат – главнокомандующий русскими войсками в Крыму Михаил Васильевич Каховский, их племянник – прокурор области Дмитрий Егорович Лесли. Еще одним путем пополнения кадров Г. А. Потемкиным было обращение к руководителям учебных заведений о направлении в область своих выпускников. Так, в 1785 г. Г. А. Потемкин обратился к епископу Белгородскому и Обоянскому о направлении в Крым выпускников Харьковской семинарии. Только в 1785 г. на чиновничью службу в Таврическую область поступило 13 воспитанников семинарии [2, л. 28-29]. В 1786 г. Медицинская коллегия отправила в Таврическую область трех лекарских учеников (фельдшеров), закончивших обучение при Московском генеральном госпитале [10, с. 17]. Нехватка кадров также компенсировалась за счет привлечения на службу местного населения. В результате первых дворянских выборов 1787 г. почти все выборные должности губернских и уездных предводителей дворянства, дворянских опеков, верхних и нижних земских судов в Таврической области заняли представители татарской знати [1, с. 272].

В связи с вышеупомянутыми проблемами, открытие присутственных мест Таврической области растянулось на несколько лет. Если областное правление было открыто в 1784 г., то большинство

других губернских и уездных учреждений – в 1787 г. Официальной датой открытия присутственных мест в Таврической области считается 29 января 1787 г., о чем в своем рапорте на имя Сената сообщил Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор князь Г. А. Потемкин [11, с. 838].

С началом русско-турецкой войны 1787–1791 гг. основное внимание Г. А. Потемкина было сосредоточено на ходе военных действий, охране побережья, обеспечении армии продовольствием, а вопросы системы управления Таврической области отошли на второй план. Наверное, многие преобразования сумел бы осуществить этот выдающийся деятель, но история отвела ему слишком короткое время. Кончину Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора на территории Крыма встретили с глубокой скорбью [4, л. 1-66].

Таким образом, Григорий Александрович Потемкин является выдающимся деятелем России II половины XVIII в. Среди его заслуг можно отметить не только осуществление бескровного присоединения Крыма к России, стабильности в регионе, но и создание дееспособной системы управления, просуществовавшей с незначительными изменениями вплоть до начала XX века.

Список литературы

1. Болотина, Н. Ю. Князь Потемкин. Герой эпохи Екатерины Великой / Н. Ю. Болотина. — М. : Вече, 2006. — 521 с.
2. ГАРК (Гос. арх. Респ. Крым). Ф. 799. Оп. 1. Д. 5. 107 л.
3. ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 11. 8 л.
4. ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 267. 66 л.
5. ГАРК. Ф. 799. Оп. 2. Д. 1. 154 л.
6. Дружинина, Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. / Е. И. Дружинина ; АН СССР. Ин-т истории. — М. : [Изд-во АН СССР], 1959. — 279 с.
7. Загоровский, Е. А. Организация управления Новороссией при Потёмкине в 1774–1791 годах / Е. А. Загоровский // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей (ЗИООИД). — Одесса, 1913. — Т. 31. — С. 52–82., разд. паг.
8. Лашков, Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году / Ф. Лашков // ЗИООИД. — Одесса, 1886. — Т. 14. — С. 91–156.
9. Макидонов, А. В. К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.) / А. В. Макидонов. — 3-е изд., испр. и доп. — Запорожье : Просвита, 2008. — 140 с.
10. Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784–1796) / Г. К. Киреенко // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 2-е изд. — Симферополь, 1897. — № 3. — С. 1–35.
11. Полное Собрание Законов Российской Империи : [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. — Санкт-Петербург : В тип. Второго отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — Т. 22. С 1784 по 1788 : От № 15902 до 16738. — 1168 с.
12. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической Области с 1781 по 1786-й год / Н. Мурзакевич // ЗИООИД. — Одесса, 1881. — Т. 12. — С. 249–329.
13. Скальковский, А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823 / Сост. Аполлоном Скальковским, к. ас., канд. прав., чл. О-ва сел. хоз-ва Юж. России. В 2 ч. Ч. 1. С 1731 по 1796 год. — Одесса : Гор. тип., 1836. — 289 с.
14. Соколов, К. Очерк современного значения генерал-губернатора / К. Соколов // Вестник Права. — 1903. — Кн. 7. — С. 110–179.
15. Тимошевский, Г. И. Краткий очерк Симферополя / Г. И. Тимошевский // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. — Симферополь : Типография П. Гордиевского, 1890. — С. 47–59.

Статья поступила в редакцию 20.03.2016

Dmitriev, V. V. G. A. Potemkin's Involvement in the Creation of Crimean Authorities at the Turn of the Eighteenth Century

The article considers the creation of a new local management system in Crimea after its having become part of the Russian Empire with emphasis on G. A. Potemkin's role in the formation of authorities in the peninsula and adjacent territories.

Keywords: management system, local self-government authorities, Taurida oblast, oblast governor, governor-general.

УДК 908(1-924.71)

Представлен проблемно-хронологический анализ места и роли выдающегося исторического деятеля XVIII в. Г. А. Потемкина-Таврического в процессе становлении русского Черноморского флота. Затронуты такие знаковые темы отечественной истории как российская колонизация Северного Причерноморья и Крыма, основание города Севастополя.

Ключевые слова: Черноморский флот, Крым, Севастополь, манифест, эскадра, порт, военный корабль.

О. Е. Ивицкая, историк

Ответственный секретарь Севастопольского отделения ВООПИиК

E-mail: vviv@front.ru

СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ Г. А. ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ И ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ

О Григории Александровиче Потемкине за два века написано огромное количество исследований, но и сейчас мы можем сказать, как и почти сто лет назад, что объективных работ очень мало. Историк на рубеже XIX и XX веков писал: «Относительно Потемкина, как великого деятеля, еще до наших дней существовал и прочно установился тот взгляд, что он, являясь гениальным организатором, обладал крупными военно-административными способностями, в то же время был полной бездарностью, как в области верховного руководства целыми операциями (стратегия), так и области собственно боя (тактики). Оценка эта серьезно поколеблена новейшими исследователями. По мнению ген. Масловского, Потемкин, как вождь ближе всего напоминает собою Кутузова, так как осторожность, расчет и сбережения сил армии стояли у них обоих всегда на первом плане» [7, с. 17].

Недостаточное количество объективных работ о князе Потемкине связано, прежде всего, с одной характерной особенностью самого князя. В нем соединились самые невероятные противоположности. «Иногда он обнаруживал гений орла, иногда легкомыслие ребенка», – говорил о нем современник французский посол Сегюр [13, с. 22]. Построение Херсона и Николаева, возрождение Новороссийского края, окончательное присоединение Крыма, учреждение Черноморского флота и обустройство Севастополя – вот далеко не полный список его «деяний».

Бесспорно, Г. А. Потемкин является одним из выдающихся деятелей XVIII века. Чтобы по достоинству оценить вклад его в укрепление Российской государственности, необходимо в деталях рассмотреть каждое из перечисленных событий. Предметом настоящего исследования является деятельность князя Потемкина на посту «главноначальствующего» над Черноморским флотом, его вклад в строительство и обустройство славного Севастополя. Ведь именно Потемкину принадлежит заслуга создания на Черном море мощного линейного флота, который обеспечил России морское господство в этом регионе. Во временном отношении речь идет о 80-х годах XVIII столетия. Срок для создания флота по «мировым стандартам» того времени очень небольшой. Тем более значительным становится осуществление Потемкиным такого важного государственного дела.

Это было время, когда Турция стремилась военными действиями удержать свое господство на Черном море, несмотря на подписанную с Россией 10 марта 1779 г. Изъяснительную конвенцию. Князь отчетливо понимал, что в этих условиях независимость Крыма долго не продлится. Именно он стал усиленно внушать Екатерине II мысль о скорейшем присоединении Крыма к России.

«Требуется ... взять навсегда полуостров Крымский ... Порты не упустит, выждав свободное время, захватить сей полуостров. Тогда тяжелее будет России, нежели теперь ... [2, л. 195]» – писал Потемкин императрице. 8 апреля 1783 г. Екатерина II издает манифест о том, что полуостров Крымский, полуостров Тамань и вся Кубанская сторона приняты под державу Российскую.

Вопрос о присоединении Крыма тесно связан с вопросом о создании Россией мощного флота на Черном море. Было очевидно, что удержать Крым без такого флота невозможно. Поэтому еще до издания манифеста о включении Крыма в состав России, Екатерина II назначает командовать «заводимым флотом нашим на Черном и Азовском морях» вице-адмирала Федота Алексеевича Клокачева [8, с. 2]. Он и приведет в Ахтиарскую гавань (старое название Севастопольской бухты) 2 мая 1783 г. отряд кораблей Азовской флотилии. Этот день считается днем основания Черноморского флота России. Ознакомившись с местностью, вице-адмирал Ф. А. Клокачев доносил в Петербург: «При самом входе в Ахтиарскую гавань дивился я хорошему ее с моря положению, а вошедши и осмотревши, могу сказать, что во всей Европе нет подобной сей гавани – положением, величиною, и глубиною. Можно в ней иметь флот до 100 линейных судов. Без собственного обозрения нельзя поверить, чтоб так сия гавань была хороша. Если благоугодно будет иметь в здешней гавани флот, то на

подобном основании надобно здесь будет завести порт, как в Кронштадте» [4, с. 70].

Февраль 1784 г. ознаменовался рядом указов Екатерины II имеющих отношение к рассматриваемой теме. Так, 10 февраля появился Указ об устройстве на южных рубежах новых укреплений, в том числе «Крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар и где должны быть Адмиралтейство, верфь для нового ранга кораблей, порт и военное селение» [12, с. 29].

Наместник императрицы на Юге России генерал-фельдмаршал князь Г. А. Потемкин уделял большое внимание преобразованиям в Крыму. Он правильно понимал стратегическое и политическое значение Севастополя. В одном из документов князь писал: «Сие место должно быть столь сильно укреплено, что хотя неприятель облегал крепость с земли и моря, она могла бы его нападениям противиться, доколе из других пределов России не придут на помощь войска» [14, с. 21].

Князь Потемкин приказал составить план строительства города и порта. Позднее этот план был представлен на высочайшее рассмотрение. По нему предусматривалось создание адмиралтейства с полагающимися ему строениями, постройка заводов – кирпичного и известкового, пристаней и крепостей для обороны порта, пороховых складов, жилищ для рабочих, кладовых для продовольствия и т. д. Сам Потемкин принимал активное участие в составлении этого плана. Подтверждением тому служит хранящийся в Российском государственном архиве древних актов документ датированный 1796 г. «Краткая идея об укреплении Севастопольского пристанища» [10, л. 154-175]. В нем говорится: «Его Светлость Высокопovelительный господин Генерал-Фельдмаршал и разных орден кавалер Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический в 1784 г., обозревая лично сие пристанище и его окрестности, разрешил сомнения и назначил под крепость место, на котором и проект оной здесь прилагается». В это же время Потемкин занимается и вопросами комплектования нового флота. Вскоре был утвержден первый штат Черноморского флота: 2 – 80-ти пушечных линейных корабля, 10 – 60-ти пушечных линейных кораблей, 20 – 32-х и 22-х пушечных фрегатов, 5 – боевых шхун, 23 – транспортных судна и другие суда.

Однако флот, это не только корабли. Из документов видно, что Потемкин очень внимательно относился к подбору офицеров для нового флота. В конце августа 1785 г. Ф. Ф. Ушаков прибыл в Севастополь на линейном 66-пушечном корабле «Святой Павел». Потемкин высоко ценил этого командира, продвигал по службе и всячески поддерживал его деятельность. Можно сказать, что их связывали теплые человеческие отношения. Генерал-фельдмаршал Потемкин безмерно доверял Ушакову и всегда был на его стороне. Князь писал Ф. Ф. Ушакову 2 ноября 1790 г.: «... я люблю отдавать справедливость. Никто у меня, конечно, ни белого очернить, ни черного обелить не в состоянии и приобретение всякого от меня добра и уважения зависит единственно от прямых заслуг. Служите с усердием и ревностью и будьте впрочем спокойны» [1, с. 405]. Примером могут служить и взаимоотношения Ф. Ф. Ушакова и его подчиненного Д. Н. Сенявина (будущего замечательного флотоводца России). В это время Д. Н. Сенявин, будучи командиром одного из кораблей флота, одновременно являлся адъютантом Г. А. Потемкина, с которым у него сложились прекрасные отношения. Однажды Сенявин, будучи недовольным «придирами» Ушакова обратился за поддержкой к Потемкину. Однако, несмотря на свое доброе отношение к Дмитрию Николаевичу, князь встал на сторону старшего по званию [1, с. 539].

Мысли, идеи и указания генерал-фельдмаршала, сохранившиеся в многочисленных документах, в его переписке с различными лицами, характеризуют Потемкина с выгодной стороны. Князь умел подбирать людей для достижения конкретных целей. Он не только замечал талантливого человека, можно сказать, что даже предвидел его будущее, и умело направлял деятельность своих «выдвиженцев». Для того чтобы проводить успешно «кадровую» политику на флоте он стремился лично знать большинство морских офицеров. Осуществляя общее руководство, доверял тем, кого назначал на высокие посты, поддерживал их и в тоже время поощрял их инициативу. Например, в связи с ростом военно-морских сил на юге и отдаленностью от них Петербургского Адмиралтейства, в г. Херсоне (административном центре флота и портов Черного моря, первой кораблестроительной базе Черноморского флота) было образовано Черноморское адмиралтейское правление. Старшим членом правления назначают капитана первого ранга Н. С. Мордвинова, который считался хорошим администратором. Кстати, после смерти Потемкина, Екатерина II своим Указом от 28 февраля 1792 г. поручает именно вице-адмиралу Мордвинову, как главе Черноморского адмиралтейства, завершить в Херсоне и Николаеве все дела по флоту начатые князем.

Потемкин своим ордером определяет: «Черноморское адмиралтейское правление в производстве дел своих имеет поступать сообразно со оным, в случае каких-либо встречающихся затруднений представлять об оных ко мне» [11, л. 4 об.]. В результате продуманной деятельности князя, успешно

строится флот, черноморские порты, в том числе и Севастополь. Из записок Д. Н. Сенявина известно, что 3 июня 1783 г. были заложены первые четыре каменных здания города, которые были «все приведены к концу весьма скоро... Часовня освещена 17 августа, кузница была готова в три недели, пристань сделали с небольшим в месяц, а в дом перешел адмирал и дал бал на новоселии 12 ноября. Вот откуда начало города Севастополя» [5, с. 124].

Потемкин прилагает большие усилия для обустройства вновь присоединенных к России земель. Его труды имели вполне осязаемые результаты. Освоение Крыма и создание флота на Черном море вызвали недовольство европейских стран, которые подталкивают Турцию к новой войне с Россией. В этих условиях Екатерина II приняла предложение Г. А. Потемкина посетить Новороссию в 1787 г. Конечно, князь хотел показать императрице плоды своих трудов, но главная причина была в другом. В это время Турция уже открыто выражает недовольство ходом дел на юге России: «И как ныне оправдалось, что российский двор, который есть дружественный и соседний с империей Оттоманскою, вверил от 40 до 50 тысяч войска генералу Потемкину, наименовав его фельдмаршалом, отправил на границы против Очакова и в Крым. А императрица российская желая будущую весною осмотреть свои владения, прибудет со значительным числом войска в Херсон и в Крым. И как непредвиденное и безвременное приближение к нашим границам помянутого генерала с тяжелым корпусом войск заставляет думать, размышлять и принять предосторожности» [9, с. 97].

Весной 1787 г. Екатерина II, сопровождаемая большой свитой, посетила Крым и Севастополь. Вместе с ней путешествовал Иосиф II – австрийский император (он произвел на императрицу хорошее впечатление, как человек очень образованный) и французский посол граф Сегюр. Оба оставили интересные записки об этом путешествии. То, что увидели прибывшие в Севастополь потрясло их воображение. «Красивейший порт, какой я когда либо видел», – писал Иосиф II [14, с. 25]. Стоящие в бухте корабли и батареи салютовали гостям. Был устроен торжественный смотр эскадры и продемонстрирована атака флотом берега. Светлейший князь обставил эти мероприятия очень эффектно. «Нам казалось непостижимым, каким образом в 2000 верстах от столицы, в недавно приобретенном крае, Потемкин нашел возможным ... соорудить город, создать флот, утвердить порт и поселить столько жителей: это действительно был подвиг необыкновенной деятельности [13, с. 26]», – писал Сегюр. В результате светлейший князь Г. А. Потемкин стал именоваться Таврическим, а Европа и Турция осознали, что Россия не откажется от Крыма.

В августе того же года Турция объявила России войну, которая продолжалась до конца 1791 г. Помимо ведения боевых действий на суше и на море, в 1789 г. Потемкин закладывает еще один город – Николаев, ставший новой судостроительной базой России. Через год с его стапелей стали сходиться корабли для Черноморского флота, который активно участвовал в войне. Ничто не происходило в эти годы на юге России без участия Г. А. Потемкина. Теперь на его плечах лежала ответственность за ведение войны. Севастопольскому флоту велено было действовать решительно. Свою первую значительную победу черноморцы одержал у о. Фидониси 3 июля 1788 г. В этом сражении отличился капитан 1 ранга Ф. Ф. Ушаков, о чем Потемкин с радостью будет сообщать императрице.

В сентябре князь приказывает небольшой эскадре Черноморского флота направиться к берегам Анатолии (где снаряжались турецкие корабли для перевозки войск к Очакову), чтобы впервые осуществить боевой поиск. Отряд из пяти крейсерских судов под командованием Д. Н. Сенявина 16 сентября вышел в море. Черноморцы бомбардировали 19 сентября Синоп, а затем еще ряд турецких населенных пунктов. Потопив 10 вражеских судов, взяв одно в плен, приведя в ужас местное население, 6 октября Сенявин вернулся в родную бухту. Г. А. Потемкин был очень доволен этой экспедицией, и капитан-лейтенант Сенявин награждается за нее орденом Св. Георгия 4 класса.

Первоначально Турцию в этой войне активно поддерживала Франция, затем в этом вопросе стали усердствовать прусские дипломаты, одобряя Порту: «Предприятие ваше было похвалено всею Европою и почтено за полезное вашей империи. Продолжайте и не раскаетесь» [3, л. 25]. Несмотря на неудачи, получив новую поддержку, Турция продолжила войну в 1789 г.

Моряки-черноморцы закалялись в сражениях, приобретали опыт ведения боя на море и одерживали новые победы. 14 апреля 1789 г. капитан 1-го ранга Ф. Ф. Ушаков по представлению Потемкина был произведен высочайшим указом в контр-адмиралы. Князь называет его офицером «весьма искусным и храбрым» [6, с. 343]. Через год Потемкин опять пишет Екатерине II о замечательном черноморском адмирале Ушакове: «Отлично знающ, предприимчив и охотник к службе. Он мой будет помощник» [9, с. 141]. Чуть позднее в другом письме: «Контр-адмирал и кавалер Ушаков отличных достоинств... я уверен из него выйдет великий морской предводитель» [9, с. 148]. Во время войны Потемкин активно продвигает по служебной лестнице достойных морских офицеров, хлопо-

чет перед императрицей о награждении их по заслугам. Его одобрителные отзывы незамедлительно доходят до офицеров, заслуживших похвалу. Однако, Г. А. Потемкин – это не тип добренького начальника. Документы свидетельствуют, что он постоянно держит под контролем деятельность черноморцев, строго спрашивает с ответственных лиц.

Один из самых частых вопросов, который задают исследователи деятельности генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина – это вопрос о том, командовал ли он Черноморским флотом, если да, то в каком временном отрезке. В связи с этим интересен Указ императрицы от 13 августа 1785 года данный Потемкину «О распоряжениях по заведению и управлению Черноморского флота и Адмиралтейства. С приложением штата оных», а также приказы (ордера) самого князя в тот период. В Указе императрицы сказано: «Утвердив поданные от вас штаты Адмиралтейству и флоту Нашим на Черном море ... *повелеваем быть им в точном ведении и управлении вашем* (здесь и далее курсив мой – О. И.) ... Нашей Адмиралтейств Коллегии, по сим вновь изданным от Нас штатам и по требованиям вашим, наполнить флот Наш нужным числом Офицеров, коих дальнейшее произвождение на основании установленной морской службы будет уже к вам относиться». Логично было бы считать дату этого Указа днем основания Черноморского флота.

23 февраля 1790 г. в своем ордере Потемкин пишет: «*Предположа себе личное начальство над флотом в предстоящую компанию*, за нужно нахожу Черноморское Адмиралтейское правление побудить к ревностнейшему и неутомимому старанию о скорейшем приготовлении морских сил к ранней компании. Правление сие вообще должно о том печься, и я, не относя сего ни к кому персонально, поручаю всем вообще членам употребить все меры к достижению предписанного предмета. Сколько успех послужит к чести правления, столько же все члены в случае упущения подвергнут себя строгости взыскания» [1, с. 117].

Зиму 1789 – 1790 гг. Потемкин провел в Яссах в переговорах с Константинополем. Однако мир заключить не удалось, и он начинает подготовку к новым боевым действиям. В начале года он вызывает в Яссы контр-адмирала Ушакова для обсуждения предстоящей компании на море. Подготовка ведется под его бдительным надзором. А в марте Потемкин производит ряд кадровых перестановок на флоте. 14 марта своим ордером он устанавливает: «*Предположа лично командовать флотом Черноморским* начальствовать подо мною господину контр-адмиралу Ушакову...» [1, с. 117-118]. Недовольный действиями контр-адмирала М. И. Войновича при Гаджибее в сентябре 1789 г., он переводит последнего на Каспийскую флотилию. Бригадиры Г. К. Голенкин и П. В. Пустошкин назначаются начальниками эскадр на Черном море, а старшим членом Адмиралтейского правления остается бригадир С. И. Афанасьев. Это делается для того, чтобы не обременять Ушакова управлением Адмиралтейства, сконцентрировать его на другой задаче – «начальство флота по военному употреблению». При этом Потемкин подчеркивает в ордере «*а как я сам предводительствовать оным буду*, то и находиться Вам при мне, где мой флаг будет».

Прибыв в Севастополь, адмирал Ушаков принялся активно исполнять указание и готовить флот к боевым операциям. При этом он держит Потемкина в курсе всех дел: посылает князю свои предложения, спрашивает совета, получает четкие указания «светлейшего». Помимо ордеров и рапортов, Ушаков и Потемкин обмениваются личными письмами, которые наполнены деловыми вопросами. 27 апреля 1790 г. Ф. Ф. Ушаков пишет князю: «Сверх донесения рапортами моими вашей светлости донести честь имею: исполняя предписанные вашей светлостью повеления, с прибытием моего в Севастополь употреблено старание, как наивозможно скорее приготовить эскадру, вместе не упуская исправления всего флота, дабы оный на всякий случай скорее был готов, сие производится с крайним поспешением» [1, с. 138]. С началом боевых действий, все выходы в море флот осуществляет по личному указанию Потемкина.

В июне 1790 г. князь отправляет очередной ордер Ушакову: «Из последнего донесения вашего превосходительства усмотрел я, что вы возвратились, назначаю притом пробывать на рейде суток пять. Желаю я вас уже услышать на море». И далее замечательные слова Г. А. Потемкин обращает к морякам: «Объявите всем до одного на флоте, что прославленный победами над неприятельским сей флот делами умножает славу императорского флага, требуйте от каждого исполнения должности, не щадя жизни. Я буду радоваться случаю поставить им награды» [1, с. 202].

Успех не заставил себя ждать. 8 июля 1790 г. Черноморский флот одержал блестящую победу в Керченском проливе над турками. В результате боя высадка турецкого десанта в Крым была сорвана. Однако, турецкий флот был еще силен. Очередной выход флота в море Потемкин разрешил только после достройки в Херсоне кораблей, которые должны были усилить эскадру.

Анализ документов того времени красноречиво говорит о том, что все стратегические, а иногда

и тактические вопросы ведения войны на море решались генерал-фельдмаршалом кн. Потемкиным. Поэтому он, по праву, разделял с моряками радость каждой победы. Выдающийся успех черноморцев в сражении при Калиакрии 31 июля 1791 г. заставил Турцию (до этого затягивавшую переговоры о мире) пойти на все условия подписания мира, продиктованные российской стороной. Тяжело больной князь активно участвовал в подготовке статей мирного договора.

Перед сражением Потемкин напутствовал адмирала Ушакова активно нападать на флагманский корабль неприятеля. Он советовал: «разделите которое судно должно бить в такелаж, которое в корпус. Требуйте от всякого, чтобы дрались мужественно, или, лучше скажу, по-черноморски. Бог с вами! Возлагайте твердую на него надежду; ополчась Верою, конечно победим. Я молю Создателя и поручаю Вас ходатайству Господа нашего Иисуса Христа» [9, с. 161].

Таким образом, проанализированные выше источники, позволяют утверждать, что в годы русско-турецкой войны 1787-1791 годов генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин командовал Черноморским флотом, более того, он стоял у его истоков еще в период зарождения флота.

Создание и укрепление флота на Черном море под руководством Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора князя Г. А. Потемкина позволило России в конце XVIII века утвердить свою государственность в Крыму. Пришло время, когда благодарные потомки решили увековечить его память на крымской земле. В Севастополе появится памятник основателю города, выдающемуся российскому деятелю генерал-фельдмаршалу князю Г. А. Потемкину-Таврическому. Инициаторами этого важного исторического события стали депутаты Государственной Думы России.

Список источников и литературы

1. Адмирал Ушаков : Сборник документов и материалов. В 3 т. Т 1. / под ред. Р. Н. Мордвинова. — М. : Военно-мор. изд-во Военно-мор. м-ва СССР, 1951. — 772 с.
2. АВПРИ (Арх. внеш. политики Рос. Империи). Ф. 5. Оп. 19591. Ч. 1. Л. 195.
3. АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 706. Л. 25.
4. Головачов, В. Ф. История Севастополя, как русского порта / В. Ф. Головачов. — СПб. : Тип. Департамента уделов, 1872. — 260 с.
5. Гончаров, В. Адмирал Сенявин : Биографический очерк с приложением записок адмирала Д. Н. Сенявина / В. Гончаров. — М. ; Л. : Воениздат, 1945. — 142 с.
6. Екатерина II и Г. А. Потемкин : Лич. переписка, 1769-1791 / Изд. подгот. В. С. Лопатин; [Отв. ред. С. Г. Десятков; РАН]. — М. : Наука, 1997. — 989 с.
7. Жизнь Суворова в художественных изображениях : Собр. портр., картин, гравюр... и др. произведений живописцев, граверов, скульпторов и др. художников / Сост. М. Б. Стремоухов и П. Н. Симанский, офицеры Ген. штаба. — М. : Гросман и Кнебель, 1900. — 389 с.
8. Материалы для истории русского флота. В 17 ч. Ч. 13. [Документы, относящиеся к царствованию Имп. Екатерины II с 1762-1796 г. (продолжение)]. — СПб. : Тип. Мор. м-ва, 1890. — 739 с.
9. Овчинников, В. Д. Федор Ушаков / [Владимир Овчинников]. — М. : Новатор, 1998. — 416 с.
10. РГАДА (Рос. гос. арх. древ. актов). Ф. 20. Оп. 1. Д. 365. Л. 154–175.
11. РГВИА (Рос. гос. военно-ист. арх.). Ф. 52. Оп. 1. Д. 399. Ч. 5. Л. 4 об.
12. Севастополю 200 лет. 1783-1983 : сборник документов и материалов / Сост. Г. И. Ванеев, И. П. Кондранов, М. А. Коротков, Н. Н. Фомина. — Киев : Наукова думка, 1983. — 416 с.
13. Сегюр, Луи-Филипп де. «Путь на пользу». Путешествие Екатерины II в Крым / Луи-Филипп де Сегюр // Крымский альбом : историко-краеведческий литературно-художественный альбом. — Феодосия: Изд. Дом «Коктебель», 1997. — Вып. 2. — С. 12–35.
14. Семин, Г. И. Севастополь : Ист. очерк / Г. И. Семин. — М. : Воениздат, 1955. — 552 с.

Статья поступила в редакцию 10.03.2016

Ивицкая О. Е. His Highness Prince G. A. Potemkin of Taurida: Shaping the Black Sea Fleet

The article provides a problem-focused chronological analysis of the role of G. A. Potemkin of Taurida, the remarkable eighteenth-century statesman, in developing the Black Sea Fleet. Such highly important events of national history as the Russian colonization of the Northern Black Sea region and Crimea as well as the foundation of the city of Sevastopol have been touched upon.

Keywords: Black Sea Fleet, Crimea, Sevastopol, manifesto, squadron, port, warship.

УДК 908(1-924.71)

Анализируются опубликованные в сборниках ЗООИД и ИТУАК сохранившиеся ордера Г. А. Потемкина, имеющие непосредственное отношение к основанию и развитию Севастополя.

Ключевые слова: Потемкин, ордер, Севастополь, Черноморский флот, севастопольская таможня, албанская команда.

С. Н. Осиповский, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: simosip@gmail.com

Г. А. ПОТЕМКИН И ЕГО ВКЛАД В ОСНОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СЕВАСТОПОЛЯ

Основание Севастополя как важного города, порта и военно-морской базы на юге России было связано с целым рядом выдающихся личностей. Одним из таких людей, притом сыгравшим определяющую роль на начальном этапе развития, был Григорий Александрович Потемкин. Целью настоящей работы является анализ распоряжений Г. А. Потемкина, относящихся к основанию и развитию Севастополя в первые годы его существования.

Историография вопроса о деятельности Г. А. Потемкина довольно значительна. Среди многих ученых следует отметить О. И. Елисееву, В. С. Лопатина, Н. Ю. Болотину, Е. И. Дружинину, комплексно рассматривающих деятельность Потемкина. Ряд авторов анализировал его вклад в развитие Крыма и непосредственно Севастополя. Это В. Ф. Головачев, В. И. Тимофеев, Г. И. Ванеев и многие другие. Однако объем и значение темы позволяют проводить дальнейшее ее исследование, поскольку ряд вопросов остается до настоящего времени не вполне изученным. В частности, вызывает интерес детальный анализ ордеров Г. А. Потемкина, непосредственно относящихся к основанию и развитию Севастополя, из чего можно будет сделать вывод о персональном вкладе этого исторического деятеля в историю города. Источниковой базой исследования, таким образом, будут ордера Г. А. Потемкина, относящиеся к периоду с 1783 по 1791 годы. Значительная часть этих ордеров были опубликованы в трудах Таврической ученой архивной комиссии и Императорского Одесского Общества Истории и Древностей.

Внимание, уделяемое будущему Севастополю Потемкиным, можно отметить уже в особой записке «О Крыме», составленной, по всей видимости, в первых числах сентября 1782 года. Отдельное упоминание «гавани Ахтиарской» и Таврического Херсона, откуда «...истекло к нам благочестие», очевидно, может рассматриваться как видение Потемкиным двух преимуществ – размещение здесь базы флота и обретение святыни, связанной с принятием христианства. Дальнейшие события подтверждают этот тезис. Обстановка, сложившаяся и в Крыму, и в Порте в начале зимы 1782 года, привела к решению о присоединении Крыма. В письме к Потемкину Екатерина констатирует «Настал наиболее удачный момент, чтобы осмелиться, и для того надлежит начать занятием Ахтиарской гавани» [2, с. 93]. Таким образом, начало присоединения Крыма следует видеть в ордере Потемкина де Бальмену от 20 января 1783 года о занятии Ахтиарской бухты сухопутными частями «как ради охранения, так и для производства тамошних укреплений» [14, с. 259]. Вице-адмирал А. Ф. Клокачев со всеми наличными в Черном и Азовском морях судами («кроме тех, которые нужны для примечания в Керченском проливе» (Ордер № 32 от 24 января 1783 г.) [14, с. 259] также вскоре входит на будущий рейд Севастополя. Важно отметить, что Потемкин избрал будущую севастопольскую бухту как главную базу российского флота в Крыму. Об этом лучше всего говорит его письмо императрице от 13 июня: «...Ахтиар лутчая гавань в свете. Петербург, поставленный у Балтики – северная столица России, средняя Москва, а Херсон Ахтиарский да будет столица полуденная моей государыни. Пусть посмотрят, который государь сделал лутчий выбор» [цит. по: 4, с. 407].

Начинается освоение новой территории – уже весной здесь функционировал провиантский магазин, и Потемкин лично распоряжался о доставке сюда продовольствия. В изданной в 1960 году коллективной работе, посвященной истории Севастополя, отмечалось, что продовольствие и другие необходимые материалы доставлялись сюда судами флота [3, с. 28]. Однако анализ ордеров Потемкина позволяет сделать заключение, что морским путем доставлялись отнюдь не все необходимые грузы. В частности, провиант поступал в Ахтиарский и Козловский магазины по суше – об этом говорит ордер Потемкина в главную Провиантскую канцелярию (от 15 мая 1783 г.). В нем Потемкин распоряжается о доставке провианта и фуража до осени, до «бываемой распутицы...тогда подвод достать будет невозможно» [14, с. 261]. Уже из Ахтиара грузы распределялись морским путем (для

этого был выделен, в том числе фрегат № 7) в другие приморские посты (ордер гр. Де Бальмену от 15 мая 1783 г.). Помимо отмеченных, весной 1783 г. в Крыму функционировали также Перекопский, Салгирский, Арабатский и Кафский провиантские магазины. Однако уже 31 мая маршрут транспортировки продовольствия был изменен. В ордере на имя коллежского асессора Свербеева (занимавшему должность начальника Перекопской соляной экспедиции) Потемкин приказывает: «привозимый в Перекоп провиант следует доставлять к Ахт-яру, для чего и предписываю я вам не позволять привозящим там провиант подводчикам складывать тамо» (ордер от 31 мая) [14, с. 264]. Впрочем, ряд грузов, следовавший из континентальной России, поступал водным путем из Херсона и Глубокой пристани, для чего по распоряжению Потемкина были вице-адмиралом Клокачевым заготовлены транспорты вместимостью до 3000 четвертей [14, с. 262].

Летом 1783 года начались мероприятия по приведению к присяге татарского населения Крыма. В преддверии этих событий Потемкин рассылает экземпляры манифеста (60 – Суворову на Кубань и 100 – де Бальмену в Крым) и помимо прочих указаний дает распоряжение де Бальмену «Артиллерия, которая была с вами, опричь малых орудий, всю отправить в Ахтиар. И усильте из оной батареи тамошние» (ордер от 14 июня) [14, с. 267]. Кавалерию же было приказано размещать в местах, «к корму удобных». Из этих распоряжений можно сделать вывод, что Ахтиар рассматривался Потемкиным как главный центр российского военного присутствия в Крыму, предназначенный, прежде всего, для нейтрализации возможных враждебных действий Турции. Вопрос о защите Севастополя поднимался Потемкиным и позднее. Так, в ордере от 9 августа 1784 года барону Игельстрому он дает распоряжение о перемещении Новотроицкого полка, напоминая ему при этом, чтобы «впрочем ... не оставили, конечно, без закрытия гавани Севастопольской» [14, с. 305]. Перекопская крепость, в значительной степени потерявшая свое стратегическое значение с 1783 года, имела значительное количество турецких чугунных орудий. По предложению барона Игельстрема часть этих орудий перевозится для усиления обороны Ахтиара (ордер от 4 декабря 1783 года) [14, с. 292].

Активное развитие Севастополя начинается после опубликования Манифеста 22 февраля 1784 года, в котором императрица Екатерина позволяет «всем народам производить торговлю ... к портам, состоящим по Черному морю при городах Таврической области Севастополе, известном до сего времени под названием Ахтыр... и о свободном поселении в тех местах». Указанный манифест был Потемкиным в количестве 10 экземплярах предоставлен правителю Каховскому для обнародования (№ 298 от 25 февраля 1784 г.) [15, с. 599]. Для поиска источников пресной воды по личному указанию Г. А. Потемкина проводятся изыскания, и уже в августе 1784 года начинается прокладка трубопровода [1, с. 10]. Для постройки зданий Потемкин указывает о заготовке как можно большего количества тесаного камня Каховскому (от 16 ноября 1784 года, № 427) [14, с. 312], и необходимости организации кирпичного завода «и черепицу делать везде большим числом» (ордер № 107 от 2 апреля 1785 г.) [14, с. 220].

В самом Севастополе основным объектом внимания Потемкина был флот. Оставляя на рассмотрение флотских начальников частные вопросы (так, например, он в ордере вице-адмиралу Сухотину оставляет на его «разсмотрение ... назначение в Севастопольской флотилии судов на будущий год», № 258 от 9 августа 1784 года), Потемкин требует всей информации в соответствующих рапортах. В этом же ордере присутствует рекомендация о скорейшем описании некоторых районов Черного моря [14, с. 306]. Однако стратегические вопросы функционирования флота и всего причерноморского региона находят отражение в издаваемых им распоряжениях. К примеру, для получения оперативной информации о ситуации в Черном море летом 1783 года Потемкин приказывает контр-адмиралу Мекензи выделить один из новопришедших фрегатов и отправить его для дальнейшего крейсерства в отряд капитана Алексиано [14, с. 278]. Для работ по флоту Потемкин рекомендует вице-адмиралу Сухотину наиболее удобный путь доставки через Таганрог железа (ордер № 133) [14, с. 321]. Снабжение флота топливом также не оставалось без заботы Потемкина – он одобряет поставку в Севастопольскую гавань трехсот сажень трехполенных дров (№ 43 от 9 февраля 1786 года). Интересно отметить, что в отмеченном ордере Потемкин предлагает в целях экономии леса в Крыму для его «размножения ... по всей возможности пещись сберечь оныя от безнужной порубки, заменяя дрова, где нужно, кизяком». В 1784 году он даже возражает против уже совершенной контр-адмиралом Мекензи сделки по покупке за счет казны дров для Севастопольского адмиралтейства по цене 9 руб. 90 коп. сажень. Для решения задачи более экономной поставки топлива Потемкин обращается к Правителю Таврической области Каховскому о выдаче необходимого количества дров по требованию Мекензи [14, с. 312]. Уголь для Севастополя доставлялся по распоряжению Потемкина из Херсона (ордер № 152 от 2 мая 1785 г.) [14, с. 322]. Интересно отметить, что

доставка угля оформлялась по процедуре, аналогичной современному тендеру. Потемкин принимает предложение подполковника Фалеева, доставлявшего уголь в Херсон и в 1784 году, но дальнейшая его транспортировка обеспечивается вице-адмиралом Сухотиным. Ему обязывается провести «подлежащие публикации вызову желающих принять означенную поставку в Севастополь, с коими дав торг, и чья будет для казны выгоднее, с тем заключа контракт ко мне рапортовать» (ордер № 167 от 23 мая 1785 г.) [14, с. 323]. Особо возросло значение снабжения Севастополя в годы русско-турецкой войны 1787-91 гг. В ордере Каховскому от 21 января 1788 года Потемкин, удивляясь, что в город не был доставлен хлеб, о чем он ранее распоряжался, требует «употребить всевозможные силы» для его поставки, в противном случае угрожая строжайшим взысканием [10, с. 6]. Из ордера можно сделать вывод, что хлеб для флота закупался правителем в Крыму у татар, а затем они же за отдельную плату должны были доставлять его в Севастополь. Также из Крыма Потемкин приказал доставлять в Севастополь лес для переделки и починки кораблей (ордер Габлицу № 1042 от 31 октября 1788 года) [13, с. 12].

В ходе крейсерских операций флота в начале войны были захвачены транспорты с шестистами четвертей пшеницы, принятой в казенное ведомство. Потемкин распорядился выделить за эту пшеницу из Таврической казенной палаты адмиралтейскому ведомству по 4 рубля 40 копеек за четверть (№ 5210 от 11 ноября 1778 г.) [13, с. 12].

Из ордеров на имя Правителя Таврической области можно сделать вывод о проявлении внимания к Севастополю и как к торговому порту. Город был открыт для торговли указом Екатерины II 22 февраля 1784 года, и Потемкин лично назначает начальника Севастопольской таможни (одним из критериев выбора стало знание им «азиатских языков») коллежского асессора Федора Юринича с окладом 500 рублей в год (ордер № 684 от 31 мая 1784 г.) В состав Севастопольской таможни вошла также Балаклавская [15, с. 605]. Для информирования жителей о выгодах торговли по Черному морю Потемкин препровождает переводы манифеста на греческом, турецком и татарском языках (№ 836 от 25 июня 1784 г.) [15, с. 608]. В дальнейшем Потемкин неоднократно возвращался к делам таможни: ордера касаются кадровых изменений в Севастопольской таможне (увольнение директора (ордер № 508 от 1 декабря 1786 г.), перевода кассира таможни и вагштемпельмейстера в армию (№ 120 от 25 мая 1787 года) [6, с. 13], и решения по обнаруженной в Балаклавском порту французской водке на пришедшем из Константинополя судне (ордер № 508 от 1 декабря 1786 г.) [6, с. 23]. Главный купеческий порт, однако, предполагался Потемкиным в Феодосии (ордер от 8 января 1878 г. Каховскому) [7, с. 6]. В войну 1787-91 годов судоходство по Черному морю было практически прекращено. Для экономии средств Потемкин распорядился сократить штат имеющихся таможен. В Севастопольской орденом от 30 мая 1788 года на имя Каховского было предложено оставить цолнера, регистратора и двух досмотрщиков, в Балаклавской – цолнера, канцеляриста и также двух досмотрщиков [12, с. 71].

При этом он не оставлял вниманием и жалобы на свое имя от частных лиц на севастопольских служащих. Так, римско-императорский подданный купец Дживани Маринович обратился с жалобой на «карантинного в Севастополе смотрителя Якубовского в причинении им ему Мариновичу разных обид, притеснений и жестоких с ним поступков за арестованием товаров и разграблением оных» (ордер Каховскому, № 2027 от 16 августа 1787 года). Каховскому предписывалось разобраться и «обиженным доставить справедливое удовольствие и защищение» [9, с. 11]. Среди упоминаемых в ордерах иностранных портов, с которыми было налажено торговое сообщение из Севастополя, можно отметить Марсель (№ 40 от 9 февраля и № 13 от 26 июня 1786 года), Константинополь. Отдельным и весьма важным вопросом было недопущение проникновения через порты эпидемий, к этому вопросу Потемкин в своих ордерах неоднократно обращается. В качестве примера можно привести ордер генерал-аншефу Каховскому № 308 от 29 октября 1785 года. Речь в нем идет о занесенном в Балаклаву турецком военном судне, команде которого Потемкин дает приказ оказывать «нужное вспоможение», препятствуя, однако, сообщениям их с жителями полуострова для «недопущения опасной болезни» [14, с. 329].

Отдельным разделом внимания Потемкина были архипелажские греки. В июле 1783 года он приказывает их командиру премьер-майору Чапону «следовать с войском... до Ахт-яра, куда прибыв, состоять вам в команде г. ген. майора и к. Уварова» (ордер Чапону от 10 июля 1783 года). Отмеченный ордер также содержит указание «под опасением наихудшего штрафа удаляться от сообщения с жителями и причинения обид», для чего к грекам был специально откомандирован секунд-майор Петрович, в обязанности которого входило рапортовать о всяком неправомерном поступке Потемкину [14, с. 272]. В ордере № 274 барону Игельстрому от 17 августа 1784 года, он при-

нимает его представление о поселении «Албанцев ... в местах настоящего их положения в области Таврической» [14, с. 307]. В Крыму этими местами стали Керчь и Балаклава. В декабре 1786 года возглавлявший албанскую команду военнослужителей в Балаклаве премьер-майор Чапон обращается с рапортом «о пособии в нуждах» лично к Потемкину, и он дает поручение Каховскому разобраться в вопросе «и с вашим мнением представить оное ко мне» (№ 330 от 11 августа 1786 года) [6, с. 6]. Проявлением внимания к албанской команде стало закрепление за ней отдельного доктора – им стал Виллен, об этом Потемкин информирует Правителя Таврической области (ордер № 367 от 29 августа 1786 года) [6, с. 13]. В 1788 году доктор Виллен, обращается к Потемкину с просьбой о выплате ему денежного жалования, на что последний дает указание Каховскому это жалование выплатить (ордер № 564 от 31 января 1788 года) [10, с. 6-7]. Интересно отметить, что деньги эти Виллену не были выплачены, и последний обращается к Потемкину также в июле 1788 года, на что светлейший в ордере Каховскому требует выплаты суммы 1 161 рубль 91 копейку из албанской суммы [12, с. 72]. В ордере от 5 сентября за № 401 Потемкин санкционирует для «желающих из албанского войска ... (а также) находящихся в турецких и других областях родственников их... (селится) в окружностях Балаклавы с отводом на каждого человека по пятнадцати десятин земли» [6, с. 16]. В ходе войны 1787-91 гг. албанское войско принимало участие в аресте турецких купеческих судов, находившихся в Балаклавской гавани. После этого премьер-майор Чапон обратился к Потемкину с просьбой о признании этих кораблей призами, и, соответственно, передаче им захваченного груза. Потемкин призами эти суда не считал и распорядился товары продать и ждть отдельного распоряжения по вырученным деньгам [11, с. 63]. В целом же снабжение греческого войска в Балаклаве было налажено довольно плохо, и об этом Чапон в 1788 году написал Потемкину. В рапорте отмечалось плохое снабжение продовольствием, с 1786 года не отпускалось денег на медикаменты и содержание госпиталя, прибывшие из Таганрога не были поставлены на денежное довольствие. В заключение сам Чапон пятый год не получал причитающегося ему жалования [11, с. 73]. Для организации делопроизводства в греческом полку на русском языке в ордере на имя замещающего Каховского в сентябре 1788 года вице-губернатору Габлицу Потемкин приказывает взять двух знающих греческий письменоводителей с окладом до 150 рублей [13, с. 4].

Путешествие Екатерины II в Крым в 1787 году, тщательно спланированное Потемкиным, включало в себя и посещение Севастополя. Следует отметить, что первоначально визит императрицы намечался на 1785 год. Для этого планировалось исправить сухопутную дорогу «от Бахчисарая чрез горы в Ахтияр и назад через Белбек» (ордер № 218 от 28 июня 1784 года барону Игельстрому) [14, с. 302]. Подготовка же визита 1787 года включала в себя целый ряд направлений, причем Потемкин активно подключает расквартированные в Крыму войска. Ордера соответствующей тематики направлялись им правителю Таврической области действительному статскому советнику Василию Васильевичу Каховскому и его брату генерал-аншефу Михаилу Васильевичу Каховскому. Последний докладывает в марте 1786 года о сделанных солдатами новых дорогах в Крыму, построении и восстановлении домов и дворцов, в частности, Бахчисарайского. В Севастополе «же дом почти отделан» (ордер правителю Каховскому с просьбой о «всяком вспомоществовании» проводящему работы генерал-аншефу (№ 91 от 11 марта 1786 г.) [7, с. 19]. В расписании движения императрицы, посланном Правителю Каховскому 14 марта 1787 года из Киева, указан обед в Инкермане, а затем ночлег, день и обед в Севастополе. Обратная дорога планировалась через Дуванкой на Бахчисарай, или, «если будет готова дорога, через Балаклаву и Байдары» (ордер № 573) [7, с. 32].

Достаточно важным вопросом, решаемым Потемкиным, было заселение Крыма и Новороссии. Переселенческая политика отчасти затронута и в ордерах, имеющих отношение к Севастополю. Из ордера Каховскому № 96 от 21 октября 1785 года мы узнаем о приехавших сюда итальянских колонистах и одном находящемся среди них португальце, впрочем, выразившем желание вернуться на родину [15, с. 673].

И, в завершение, следует отметить ряд ордеров, имеющих персональный, и в силу этого, частный характер. Так, в ордере № 111 от 13 апреля 1786 года Потемкин распоряжается об удовлетворении просьбы вдовы контр-адмирала Мекензи Анны об возвращении ей оставшегося после мужа имения в Севастополе [5, с. 26]. По прошению вдовы греческих войск премьер-майора Георгия Дуси она обеспечена годовым жалованием мужа, сыновья определены на службу, а дочь – в казенное училище на содержание и обучение (ордер Жегулину от 27 июля 1789 года) [13, с. 24].

Проведенный анализ ордеров Г. А. Потемкина позволяет сделать определенные выводы. Вклад этого выдающегося деятеля Екатерининской эпохи уже можно видеть в выборе места основания города Севастополя. В дальнейшем внимание Потемкина привлекал Черноморский флот, его ком-

плектование и снабжение. Важным вопросом было положение размещенных в Балаклаве греков. Севастополь виделся Потемкину и как торговый центр, здесь были образованы две таможни – в самом Севастополе и Балаклаве. Представляется, что приведенные здесь ордера отнюдь не полностью отражают заботу и внимание Потемкина о Севастополе и актуальной задачей является продолжение исследований в этом направлении.

Список литературы

1. Ванеев, Г. И. Севастополь. Страницы истории. 1783–1983 / Г. И. Ванеев. — Симферополь, 1983. — 208 с.
2. Елисеева, О. И. Григорий Потемкин / О. И. Елисеева. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 665 с.
3. История города-героя Севастополя. В 2 т. Т. 2. : 1783–1917 / АН УССР. Ин-т истории ; [Отв. ред. д-р ист. наук С. Ф. Найда] ; [Авт. глав: канд. ист. наук А. И. Неделин, акад. Е. В. Тарле, Г. И. Семин и др.]. — Киев : Изд-во АН УССР, 1960. — 364 с.
4. Лопатин, В. С. Светлейший князь Потемкин / В. С. Лопатин. — М.: Олма-Пресс, 2005. — 477 с.
5. Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784–1796) / Г. К. Киреенко // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). — 2-е изд. — Симферополь, 1897. — № 3. — С. 1–35.
6. Ордера князя Потемкина, 1786 г. (продолжение) / Г. К. Киреенко // ИТУАК. — 2-е изд. — Симферополь, 1897. — № 4. — С. 1–31.
7. Ордера князя Потемкина, 1787 г. (продолжение) / Г. К. Киреенко // ИТУАК. — Симферополь, 1888. — № 6. — С. 1–35.
8. Ордера князя Потемкина, 1787 г. (продолжение) / Г. К. Киреенко // ИТУАК. — Симферополь, 1889. — № 7. — С. 1–24.
9. Ордера князя Потемкина, 1787 г. (продолжение) / Г. К. Киреенко // ИТУАК. — Симферополь, 1889. — № 8. — С. 1–11.
10. Ордера князя Потемкина правителю Таврической области (продолжение) / Г. К. Киреенко // ИТУАК. — Симферополь, 1890. — № 10. — С. 1–8.
11. Ордера князя Потемкина правителю Таврической области (продолжение) / Г. К. Киреенко // ИТУАК. — Симферополь, 1891. — № 11. — С. 57–75.
12. Ордера князя Потемкина правителю Таврической области (продолжение) / Г. К. Киреенко // ИТУАК. — Симферополь, 1891. — № 12. — С. 63–74.
13. Ордера кн. Потемкина правителю Таврической области за 1788 и 1789 гг. / Г. К. Киреенко // ИТУАК. — Симферополь, 1891. — № 13. — С. 1–32.
14. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год / Н. Мурзакевич // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей (ЗИООИД). — Одесса, 1881. — Т. 12. — С. 249–329.
15. Распоряжения (Ордера) светлейшего князя Потемкина-Таврического правителю Таврической области В. В. Коховскому за 1784 и 1785 гг. / Ф. Лашков // ЗИООИД. — Одесса, 1889. — Т. 15. — С. 594–677.

Статья поступила в редакцию 12.03.2016

Osipovsky, S. N. G. A. *Potemkin's Role in the Foundation and Development of Sevastopol*

The article analyzes G. A. Potemkin's still existing written orders which are directly related to foundation and development of Sevastopol and included in ZOOID and ITUAK volumes.

Keywords: Potemkin, written order, Sevastopol, the Black Sea Fleet, customs service of Sevastopol, the Albanian group.

УДК 908(1-924.71)

Рассматривается вклад Г. А. Потемкина в социально-экономическое развитие Крыма от присоединения полуострова и до смерти князя. Особое внимание уделено вопросам взаимодействия с местным крымско-татарским населением и проблеме транспортного сообщения на южнобережье.

Ключевые слова: Крым, экономика, крымские татары, транспортная система.

Е. С. Полянская

Начальник Научно-исследовательского центра «Образование, наука и культура ЮБК»

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. Вернадского» (г. Ялта)

E-mail: kino-liza@mail.ru

Г. А. ПОТЕМКИН – МИГРАЦИИ И ТРАНСПОРТНОЕ СООБЩЕНИЕ В КРЫМУ

8 апреля 1782 года стало судьбоносным в истории Российской империи. В этот день Императрица Екатерина II подписала Манифест, окончательно закрепляющий Крым за Россией. Во многом этому способствовал Г. А. Потемкин, назначенный генерал-губернатором Новороссии еще в 1774 г. Предчувствуя возможное недовольство со стороны местного населения, Г. А. Потемкин рекомендовал всем представителям власти на полуострове обращаться с крымскими татарами дружелюбно с целью «дать почувствовать жителям выгоды настоящего своего положения» [5, с. 64]. В указе от 16 октября 1783 г. князь Потемкин-Таврический объявил крымскому правительству благоволение государыни и высочайшее обещание народу «соблюдать неприкосновенную целостность природной его веры» [9, с. 41]. С конца февраля 1784 г. крымско-татарская знать приравнивалась к российскому дворянству, а мусульманское духовенство было освобождено от уплаты налогов. В 1786 г. всех крымских татар освободили от рекрутской повинности [1].

Несмотря на предпринятые усилия, массовый выезд крымских татар все же имел место. Некоторые жители полуострова были не согласны с данным историческим фактом и видели себя только в мусульманском мире. Они не хотели менять привычный уклад жизни, в результате чего эмигрировали в Турцию. Наряду с крымскими татарами из Крыма также эмигрировали и другие народы. Так, К. Герман в своих исследованиях отмечает, что выезд греков и армян из Крыма, тоже имел негативные последствия для дальнейшего развития экономики полуострова, его хозяйственной сферы, и особенно это касалось садоводства и виноградарства. Вследствие миграционных процессов, этнический состав полуострова значительно изменился.

Активные действия правительства Российской империи в решении этого вопроса проявились уже в конце XVIII в. в активном освоении бесхозных земель полуострова. Князь Г. А. Потемкин, занимаясь распределением земель в Крыму с 1774 по 1789 гг., отводил участки желающим на условиях обязательного их заселения. Часть таких земель (роздано было около 400 тыс. десятин) была заселена под управлением князя [10, с. 8].

Вместе с тем, правительством были приняты срочные меры в решении миграционной проблемы. На освободившиеся земли переселялись крестьяне из других губерний Российской империи, а также из Болгарии, Германии, Италии и других стран мира. В 1787 г. всем генерал-губернаторам было дано распоряжение, в котором разрешалось переселение в Крым экономическим и другим государственным крестьянам [8, с. 149]. Царское правительство раздавало земли русским помещикам и чиновникам, обязывало их заселять эти земли крепостными из центральных и украинских губерний. При этом переселенцам предоставлялись привилегии:

- 1) освобождение от различных налогов и повинностей на 8 – 10 лет;
- 2) ссуда на переезд;
- 3) большие участки земли (50 десятин на семью) [3, с. 178].

Массовое переселение на полуостров привело к освоению не только сельской местности, но и активной урбанизации. Результатом этого стало образование и развитие таких городов, как Симферополь (административный центр Таврической губернии с 1784 г.), Севастополь (база Черноморского флота с 10 февраля 1784 г.) [4, с. 61]. На фоне этого быстро развивалась экономика Керчи, Евпатории, Феодосии (центры морской торговли), Ялты и Алушты (города – курорты). Столь активная урбанизация полуострова требовала существенных изменений в транспортной коммуникации.

Следующим шагом в решении миграционного вопроса стал указ от 23 октября 1801 г., где предписывалось выходцев из Турции, а именно болгар и греков, поселить в Крыму, причем этим переселенцам были дарованы почти те же права и преимущества, что и немецким колонистам. В результа-

те данного переселения в 1802 г. была образована колония Старый Крым, а в 1803 г. – Кишлав [4, с. 63]. Что также подтверждает активное освоение Крыма и влияние политики Российской империи на экономическое развитие полуострова.

Однако политика в поддержку переселенцев со стороны государства проводилась не всегда. Подтверждением тому может служить указ от 25 февраля 1810 г., подписанный Александром I в котором колонисты лишались финансовой поддержки со стороны государства. С прекращением государственных дотаций в вопросе освоения полуострова акцент был сделан на частные капиталы. С целью привлечения зажиточных земледельцев правительство отдавало предпочтение переселению болгар, немцев, итальянцев. Крестьяне из внутренних губерний отошли на второй план, так как Российская империя в первую очередь преследовала цель создания сильных торгово-ремесленных городов, которые могли бы выступать и пограничными форпостами. Можно констатировать, что в колонизации Крыма участвовали представители разных народов России и стран западной Европы. В результате длительных миграционных процессов, полуостров стал одним из самых многонациональных регионов Российской империи.

Наследием Крымского ханства стало отсутствие системы сухопутных и морских путей сообщения, так как в конце XVIII – начале XIX вв. вся дорожная сеть была представлена тропами и редкими грунтовыми дорогами, которые в плохую погоду были непригодны для проезда [3, с.211].

Видимые перемены в вопросе качества дорожного сообщения были связаны с планируемым путешествием в Крым Екатерины II. В этой связи князь Г. А. Потемкин активно занялся благоустройством крымских дорог, по которым предстояло проехать императрице [4, с. 141]. В сопровождении свиты, вместе с иностранными послами она пересекла всю западную часть империи. В 1787 г. Екатерина II отправилась в Крым. За время своего путешествия «Ее Величество» посетила Перекоп, Бахчисарай, Севастополь, Ак-Мечеть, Карасубазар, Судак, Старый Крым и Феодосию. Екатерина II писала о Крыме: «Право, все это до того похоже на сказку из «Тысяча одной ночи», что не знаешь, находишься ты наяву или во сне» [9, с. 8]. В тоже время императрица не смогла попасть на Южный берег в связи с отсутствием дороги.

Целью путешествия Екатерины II в Крым в 1787 г. было не только желание посмотреть на присоединенные земли, но и показать Европе, что Россия не намерена отказываться от недавних приобретений. Об усиленном внимании со стороны иностранных государств свидетельствует то, что в свите императрицы находился австрийский император Иосиф II, французский, австрийский, английский послы и другие высокопоставленные лица. Подготовка к путешествию началась в 1784 г. [8, с. 20]. Этому сопутствовало строительство, расширение и благоустройство дорог. Во время приготовлений к приезду императрицы правитель Таврической области В. В. Коховский предложил князю Г. А. Потемкину расстояние пути, по которому проедет императрица обозначать каменными столбами. Впоследствии их называли «екатерининскими милями». Использовался транспорт – лошади и повозки. Специально для передвижения Екатерины II было изготовлено свыше 200 экипажей. На каждой станции кортеж встречали от 500 до 600 лошадей. В общей сложности в кортеж входило почти 200 человек. Путешествие в Крым обошлось казне в 15 млн. руб. [8, с. 143]. Григорий Александрович лично сопровождал императрицу в поездке на юг. При прощании в Харькове она, довольная всем увиденным, пожаловала ему титул «светлейшего князя Таврического». Стоит отметить, что те мероприятия, которые были приурочены к приему знаменитой туристки: оснащение важнейших дорог, очистка и озеленение придорожных территорий и прочее, заложили хороший фундамент для серьезных шагов в деле развития транспортной системы в Крыму.

Говоря об истории развития дорожно-транспортного комплекса в целом, следует отметить, что строительство шоссейных дорог в империи началось только в 1817 г. До 1840 г. работы по прокладыванию шоссе носили пассивный характер. По статистическим данным, открывалось всего около 34 верст шоссе в год [7, с. 293]. Исследователь М. А. Ляхницкий утверждал: «Сеть русских шоссейных дорог до сих пор еще крайне слабо развита» [7 с.296]. Основными причинами этого он считал отсутствие на дорогах укрепления дорожной части, неправильное общее устройство сети дорог и беспорядочное их содержание.

Как один из регионов России Крым в вопросе дорожно-транспортного обеспечения не был исключением. На протяжении XVIII в. – первых десятилетий XIX в. сеть крымских дорог была представлена грунтовыми дорогами. Важное экономическое значение для полуострова имели следующие из них:

- Симферополь — Перекоп;
- Симферополь — Евпатория;

- Симферополь — Севастополь;
- Симферополь — Тамань (через Карасубазар, Феодосию, Керчь);
- Перекоп — Евпатория;
- Перекоп — Севастополь;
- Алупка — Ласпи [3, с. 191].

Помимо грунтовых, были еще торговые дороги. Их отличительной чертой можно считать ширину дорожного полотна. Наиболее сложной в вопросе дорожного сообщения была ситуация на Южном берегу Крыма. Объясняется это гористой местностью Южного берега и сложными ландшафтными реалиями. Не менее важными причинами, на наш взгляд, промедлений в решении дорожного вопроса в югобережной зоне Крыма, была общероссийская «вялотекущая» тенденция в решении вопросов касающихся качества дорог и массовое казнокрадство средств, отпускаемых на строительство новых путей сообщения по всей России. До появления мощных дорог добраться сюда можно было несколькими тропами, проложенными через горные перевалы. Самым удобным был путь через Кебитский перевал, используя который путешественники добирались через Саблы или Бешуй до р. Альмы, поднимаясь по ней до Кебит-богаза, и по Косьмодемьяновской дороге спускались к Алуште. Местным населением также активно использовалась тропа, ведущая по Ай-Петринской яйле. По ней чаще всего отправлялись на Южный берег из Бахчисарая. Со стороны Севастополя путь проходил обычно через Байдарский перевал. Известностью пользовалась и дорога, начинавшаяся в Карасубазаре и шедшая по долинам рек к селам Ускут, Кучук-Узень, а затем по побережью к Алуште, Партениту и Никите.

Использовать необустроенные горные проходы в непогоду, в сезоны дождей, зимнее время, когда они становились непроходимыми, было весьма затруднительно. Отсутствие хороших мощных дорог препятствовало активному хозяйственному и туристическому развитию побережья.

По мнению одного из исследователей В. Х. Кандараки, Крымский полуостров должен был иметь три основных магистрали: первую, самую главную, – от Перекопа до Севастополя, вторую – от Симферополя в Керчь и третью – от Симферополя до Евпатории [8, с. 34]; Во второй половине XVIII в. эти пути уже существовали, однако находились в неудовлетворительном состоянии. После дождей и в зимнее время они были совершенно непроходимы. Их отличительной особенностью являлся глинистый грунт, который после дождей превращался в «клейкую массу», настолько тормозящую колеса, что без крайней необходимости местные жители не выезжали из дома [3, с. 213]. Помимо основных грунтовых дорог, существовали многочисленные проселочные дороги. Многие исследователи отмечают, что использование этих путей было крайне затруднительно во время дождей, так как грунт сильно размокал, препятствуя дальнейшему движению [10, с. 301].

Развитие хозяйственной жизни Крыма повлекло за собой не только необходимость налаживания всех видов транспортных систем, но и колоссальные возможности в вопросах становления как внутренней, так и внешней торговли края. Одним из первых документов, касающихся торговли на полуострове, можно считать специальное распоряжение о разрешении титульному советнику Кромиде торговать в портах Черного и Средиземного морей выданное в 1787 г. князем Г. А. Потемкиным [2, с. 114]. Однако лишь через сорок с лишним лет, в 20-х гг. XIX в. на Черном море появились первые русские пароходы [2, с. 158].

Стремление Г. А. Потемкина активизировать экономику полуострова выразилось в желании добиться быстрых результатов во всех сферах хозяйства. Князь решил развивать виноградарство и шелководство. С этой целью на полуостров стали завозить субтропические растения и виноградные лозы. Повсеместно высаживали лимонные, миндальные, инжирные деревья. В районе Старого Крыма был основан центр шелководства. Специально, для развития шелководства на полуострове, нашли итальянского специалиста, гражданина Парма подписавшего особый контракт, по которому ему вменялось в обязанности обеспечить в 10-летний, максимум в 15-летний срок, совершенствование шелководства в Крыму. Под шелковичные деревья было выделено 1850 десятин земли. Кроме того, к обустройству плантаций, парков и садов, привлекались расквартированные солдаты и местные крепостные [11]. Вместе с тем, во все сферы хозяйства ангажировались иностранные специалисты. Хлебопашество князь считал «единственным источником, служащим к обогащению и благоденствию общественному» [8, с. 100-101]. Поэтому в 1783 г. он отменил внутренние пошлины на производство и сбыт зерна. После этого указа, 15 марта 1784 г. князь интересовался: «засеяны ли поля озимым хлебом и имеют ли жители достаточное количество хлеба для посевов?» [2, с. 80].

Многое из того, что осуществлялось князем, принесло хорошие результаты в хозяйственном освоении полуострова. Однако следует отметить, что непосредственно на улучшение качества дорож-

ного сообщения политика Г. А. Потемкина не распространялась, тогда, как все преобразования требовали строительства новых и усовершенствования старых путей сообщения [6, с. 16]. Большинство всех сельскохозяйственных начинаний на полуострове не имело успешного развития. В Старом Крыму многочисленные шелковичные деревья зацвели, но шелководство, как отрасль, не нашло своего развития. Погибли венгерские сорта винограда, лимонные деревья. Повезло грецким орехам, миндалю и табаку – они прижились в местном климате и давали богатый урожай.

Внезапная смерть Г. А. Потемкина 5 октября 1791 г. воспрепятствовала завершению многих прогрессивных начинаний на полуострове. Князь Потемкин не только присоединил Крым к России, но и приложил максимум усилий для его развития. Конечно, не все замыслы осуществились, но плоды его деятельности служат Крыму и сегодня.

Список литературы

1. Абибулаева, Д. И. Проблема эмиграции крымских татар на страницах газеты «Терджиман» / Д. И. Абибулаева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». — 2010. — Т. 23 (62). — № 1. — С. 3–9.
2. Бойко, Я. В. Заселение Южной Украины 1860–1890 гг. : (историко-экономическое исследование) / Я. В. Бойко. — Черкассы : Сіяч, 1993. — 256 с.
3. Герман, К. Описание Таврической губернии / Карл Герман // Статистический журнал, издаваемый Карлом Германом. — В СПб. : При Имп. Акад. наук, 1806. — Т. 1. — Ч. 2. — С. 173–242.
4. Дружинина, Е. И. Южная Украина в период кризиса феодализма 1825–1860 гг. / Е. И. Дружинина. — М. : Наука, 1981. — 214 с.
5. К эмиграции татар // Вестник Таврического земства. — 1903. — № 3. — С. 64.
6. Лашков, Ф. Князь А. Г. Потемкин-Таврический как деятель Крыма : краткий очерк по архивным данным : извлечено из «Третьей Учебной Экскурсии Симферопольской Гимназии» / Ф. Лашков. — Симферополь : Тип. П. Т. Гордиевского, 1890. — 16 с.
7. Ляхницкий, М. А. Обыкновенные дороги : устройство и ремонт шоссейных, мощеных и грунтовых дорог / М. А. Ляхницкий. — Изд. 3-е. — СПб. : Тип. Ю. Н. Эмрих, — 1901. — 298 с.
8. Надинский, П. Н. Очерки по истории Крыма. В 4 ч. Ч. 1. / П. Н. Надинский ; Крымский филиал АН СССР. — Симферополь : Крымиздат, 1951. — 231 с.
9. Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке / Изд. А. Ф. Бычковым. — СПб. : Тип. 2 отд-ния. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1873. — 160 с.
10. Россия в дорожном отношении : В 3 т., с прил. 5 картограмм и карт. губерний. В 3 т. Т. 1. / Сост. инспектор по дор. части при М-ве внутр. дел В. Ф. Мейен. — СПб. : Хоз. департамента М-ва внутр. дел, 1902. — 467 с.
11. Хроника // Ялта. — 1898. — 13 февр.

Статья поступила в редакцию 15.03.2016

Polyanskaya, E. S. G. A. *Potemkin: Migration Experiences and Transport in Crimea*

The article looks upon G. A. Potemkin's involvement with social and economic development of Crimea covering the period since it became part of the Russian Empire and up until the prince's death. Particular attention has been paid to the problems of relationship with the Crimean Tatar population and transport connection development of the South Coast of Crimea.

Keywords: Crimea, economics, Crimean Tatars, transport system.

СООБЩЕНИЯ

УДК 025.179:929Потемкин

А. Д. Яновский, зам. директора по науч. работе, канд. ист. наук

Г. С. Марштупа, ст. науч. сотр.

Е. В. Колганова, науч. сотр., канд. ист. наук

Государственный Исторический музей (г. Москва)

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ ПОТЁМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин-Таврический (1739-1791) – выдающийся русский государственный деятель, полководец, дипломат, реформатор, наместник на юге России, сподвижник и фактический соправитель императрицы Екатерины Великой.

В результате русско-турецкой войны 1768-1774 гг. по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора к России отошли территории между Южным Бугом и Днестром, которые Екатерина II назвала Новороссией. Именно Г. А. Потемкину принадлежит большая заслуга в освоении этих земель, их заселении, строительстве городов – Кременчуг, Херсон, Екатеринослав, Вознесенск, Мариуполь, Николаев – и укреплении новых границ.

Одним из неоспоримых достижений Г. А. Потемкина, признаваемым как сторонниками, так и критиками князя, в области внешней и внутренней политики является «бескровное» присоединение Крымского полуострова к Российской империи в 1783 г. Видя сложность и нестабильность политического положения в Крыму, он пришел к выводу о необходимости вхождения его в состав России. Последовательные дипломатические усилия, тонкая и расчетливая политика Г. А. Потемкина, направленная на мирное и добровольное присоединение полуострова к России, – главные составляющие этого исторического процесса, которым завершалось территориальное расширение империи на юг до естественных границ и создавалась единая экономическая область – Северное Причерноморье.

Князь Г. А. Потемкин сыграл важную роль в становлении и развитии Черноморского флота России. Еще во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. на базе Азовской флотилии была создана Черноморская эскадра под командованием вице-адмирала А. Н. Сенявина, базирующаяся в Керчи. Но этого было недостаточно, чтобы противостоять турецкому флоту. Указом Екатерины II от 31 марта 1778 г. строительство флота на Черном море было «отдано на попечение» генерал-аншефу князю Г. А. Потемкину, генерал-губернатору Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний. В том же году в 30 км от устья Днестра была организована первая кораблестроительная база России на юге – город и порт Херсон. Для управления флотом возникло Черноморское адмиралтейское правление, подчиненное Г. А. Потемкину. Укрепление южных границ России и создание сильного флота на Черном море стало для Потемкина делом всей жизни. После присоединения Крыма 2 мая 1783 г. в Ахтиарскую бухту вошли одиннадцать кораблей Азовской флотилии под командованием вице-адмирала Федота Алексеевича Клокачева. С этого времени существует Черноморский флот, а Ахтиарская бухта становится его главной базой. В указе Екатерины II 30 июня 1783 г. Потемкину было предписано «устроить крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар, и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное поселение». Эта дата считается днем основания знаменитого города. Став в 1784 г. президентом Военной коллегии и генерал-фельдмаршалом, Потемкин не переставал активно заниматься нуждами Черноморского флота. Севастополь, получивший 10 февраля 1784 г. статус главного военного порта на Черном море, и флот были его любимым детищем.

В собрании Исторического музея хранится обширный корпус артефактов, связанных с личностью и деятельностью князя Г. А. Потемкина, часть из которых представлена на постоянной экспозиции Государственного исторического музея. Они включают в себя изобразительный материал,

карты и документы, монеты и медали, личные вещи Г. А. Потемкина. Среди многочисленных памятников имеются уникальные, представляющие большую историческую ценность.

В отделе картографии Исторического музея хранятся уникальные картографические документы, связанные с историей освоения Крыма.

– **«Карта Ахтиарской гавани от Бельбека до Херсонского мыса»**. И. М. Берсенев. Июнь 1783 г. рукопись, тушь, чернила, акварель. Из собрания А. Д. Черткова (1789–1858). «Сочинена по повелению вице-адмирала и кавалера Федота Алексеевича Клокачева». В картуше надпись: «прислана от вице-адмирала Клокачева июля 25 дня». В картуше – автограф первого командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф. А. Клокачева (ум. 23 октября 1783 года в Херсоне), героя Чесменского сражения 24 – 26 июня 1770 г., награжденного орденами Св. Георгия 4 и 3 степеней.

Карта Берсенева – первая карта Севастопольской крепости. Иван Михайлович Берсенев (ум. 1788 г.) – известный картограф и гидрограф, автор «Атласа Архипелага» (1788, 1798).

Первые карты Ахтиарской гавани еще до основания Севастополя:

– **«Карта Ахтиарской гавани до мыса Херсона»**. Н. А. Сорокин. 1777 г. (копия И. Углова, 1777 г.). Рукопись, тушь, чернила, акварель. Составлена мичманом Сорокиным в августе 1777 г. на палубном боте «Куриер». Это единственный сохранившийся экземпляр карты.

– **«Карта Ахтиарской гавани с видом и планом Инкермана»**. И. Батулин. 1773 г. (вариант К. Вилфинга). Составлена между 1773 и 1782 гг. Рукопись, тушь, чернила, акварель. Из собрания А. Д. Черткова. Карта Батулина использовалась А. В. Суворовым при строительстве первых береговых батарей будущего Севастополя. Карта констапеля морской артиллерии Карла Вилфинга – это вариант рукописной карты того же масштаба 1773 г., составленной штурманом Иваном Батулиным, который впервые произвел съемку гавани и дал ей название по деревне Ахтиар на ее северной стороне. После основания военного порта в 1784 г. гавань была переименована в Севастопольскую.

– **«Карта Крыма, составленная в ходе прошлой войны 1772 г., посвященная его Королевскому Высочеству принцу Генриху Прусскому, брату короля, его нижайшим и покорнейшим слугам де Кинсбергену, капитаном военно-морского флота ... и кавалером военного ордена Св. Георгия 18 января 1776 года»**. Д. Бергер. Берлин. 1776. Гравюра. Поступила из Центрального хранилища Государственного музейного фонда в 1927 г.

Первая гравированная карта Крыма, адекватно передающая его географию.

Иоганн-Генрих Кинсберген (1735-1819) – голландский морской офицер, капитан I ранга русского флота, победитель турок в сражениях у Балаклавы (23 июня 1773 г.) и Суджук-Кале (будущий Новороссийск, 23 августа 1773 г.). Позже адмирал голландского флота.

В постоянной экспозиции Государственного исторического музея представлен комплекс материалов, посвященный присоединению Крыма к России.

Это **манифест Екатерины II о присоединении к России Крыма, Тамани и Кубани**, подписанный 8 апреля 1783 г. Он был обнародован 28 июня во время принесения присяги России крымской знатью. В манифесте крымским жителям обещалось «свято и непоколебимо за себя и преемников престола нашего содержать их в равне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную их веру...».

Там же находится **«Устав благочиния, или полицейский»**, напечатанный на татарском языке (1780-е – начало 1790-х гг.). На Крым распространились законы Российской Империи. Крымские татары вошли в новые органы местного управления. Для них был переведен и напечатан принятый в 1782 г. один из основных законодательных актов – «Устав благочиния или полицейский».

Из отдела нумизматики Государственного исторического музея, где хранятся **монеты** общероссийской чеканки, которые начали выпускаться Феодосийским монетным двором в Крыму, на постоянной экспозиции представлены так называемые **«таврические монеты»**, отчеканенные по случаю путешествия Екатерины II в Крым в 1787 г. В отделе также хранится ряд памятных медалей в честь князя Г. А. Потемкина: «На присоединение к России Крыма и Тамани. 1783», «На устройство наместничества Екатеринославского и области Таврической», «На взятие Очакова и крепости Березани».

С путешествием Екатерины II в Крым связаны и сюжеты живописных полотен, размещенных в залах музея:

– Аллегория **«Екатерина, путешествующая в своем государстве в 1787 г.»**. Неизвестный художник по оригиналу Ф. де Мейса. Конец XVIII в.

– **«Фейерверк в честь Екатерины II, совершавшей путешествие в Крым»**. Неизвестный художник по оригиналу Я. Б. Плерша. Конец XVIII в.

Фейерверк в честь Екатерины II был устроен в Каневе по приказу польского короля Станислава Августа Понятовского. Это воспроизведение картины придворного художника польского короля Я. Б. Плерша, отличающееся от оригинала рядом деталей, вызывающих несомненный интерес

исследователей. Картина Плерша хранится во Львовской картинной галерее.

Иконография Г. А. Потемкина в целом не очень велика. Известна крайняя нелюбовь князя позировать художникам. Тем не менее, Исторический музей обладает рядом уникальных портретных изображений князя.

Гордость Исторического музея – **восковой бюст Г. А. Потемкина-Таврического** неизвестного мастера, выполненный в натуральную величину при жизни князя (1780-е гг.), с большой достоверностью передающий его облик. В собрание Исторического музея бюст поступил из коллекции известного коллекционера Петра Ивановича Щукина (1853-1912). В настоящее время бюст проходит комплексную реставрацию.

В фондах Государственного исторического музея хранится **акварельная работа «Смерть светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического в Бессарабских степях»**, созданная художником Михаилом Матвеевичем Ивановым (1748–1823) в 1791 году. Сразу после кончины князя его личный секретарь Василий Степанович Попов (1745 – 1822) послал в Яссы за М. М. Ивановым, состоявшим при Потемкине обер-квартирмейстером, и заказал ему большой акварельный лист, над которым художник работал в течение нескольких месяцев. Акварель была послана в Петербург и поднесена Екатерине II. Акварель императрице очень понравилась, и она приказала известному гравёру Гавриилу Ивановичу Скородумову гравировать ее. Скородумовым была выполнена еще одна **гравюра «Г. А. Потемкин на смертном одре»**, представляющая собой фрагмент акварели М. М. Иванова. В Историческом музее хранится единственный отпечаток этой гравюры.

Не меньшую ценность являет **небольшой карандашный рисунок работы М. М. Иванова, на котором изображен князь Потемкин в профиль с надписью тушью: «больной»**. Здесь Потемкин изображен за несколько дней до смерти.

Раритетом является, находящийся в экспозиции, богато расшитый золотными нитями красный сафьяновый **портфель, принадлежавший Г. А. Потемкину**. На обеих сторонах этой реликвии еле уместилось перечисление титулов, званий и должностей светлейшего князя.

Несомненный интерес представляют **автографы** светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического, хранящиеся в Отделе письменных источников Исторического музея. Хронологически они относятся к 1780-м годам и насчитывают более 150 листов. Это черновые заметки князя о его деятельности по присоединению и освоению Крыма и Новороссии, например, об устройстве и заселении Таврической области, 1784 г. (Ф. 197. Ед. 2. Л. 40), о заселении Екатеринославской губернии и Таврической области и распространении там земледелия, сер. 1780-х г. (Л. 41–42), о местоположении и строительстве «областного города Симферополя», 1784 г. (Л. 43), о строительстве укреплений в Крыму, где «главная [крепость] ... должна быть Севастополь», 1784 г. (Л. 46), о строительстве и ремонте крепостных сооружений в Козлове [Евпатории] и Феодосии, 1784 г. (Л. 47). Все они поступили в Исторический музей в 1887 г. в составе коллекции Александра Дмитриевича Черткова.

Среди эпистолярного наследия Потемкина хранится его письмо к Екатерине II накануне ее путешествия в Крым 7 января 1787 г., свидетельствующее о тех доверительных отношениях, которые связывали светлейшего князя с императрицей до конца его дней: «Матушка Государыня! Цалую ручки Ваши, благодарю за милостивое писание. У нас здесь зелень на лугах начинает показываться. Я думаю, скоро и цветы пойдут. По дороге пыль, а у Перекопа еще снег. Дай Боже, чтобы сия страна имела счастье тебе понравиться, моя кормилица. В этом состоит главное мое удовольствие. Простите, моя матушка родная, я ласкаюсь скоро предстать пред Вами. Вернейший и благодарнейший подданный Князь Потемкин».

Г. А. Потемкин был инициатором введения в армии удобной формы одежды. В основу этой реформы был положен принцип всеобщей унификации, что облегчало снабжение войск и сокращало уровень расходов на обмундирование даже с учетом значительного увеличения численности полевой армии. Вместо кафтана старого образца вводились более удобные куртки, камзол был заменен коротким безрукавным жилетом, вместо разнообразных фасонов головных уборов вводился единый образец – фетровая каска. Предложения Потемкина были приняты, и 4 апреля 1783 года Екатерина II подписала указ «О перемене образа одежды и вооружения Российских войск». В Историческом музее хранится образец этой формы – **мундир рядового гарнизонных полков, каска нижних чинов гренадерских полков, сума патронная армейской пехоты**.

Все хранящиеся в Государственном историческом музее материалы представлены в экспозиции, постоянно используются в различных выставочных проектах, привлекают внимание не только посетителей музея, но и исследователей.

Статья поступила в редакцию 15.03.2016

УДК 94(47)"1785"(093)

Рассматривается судьба значимого документа истории Севастополя. Предпринята попытка возвращения документа в научный оборот. Публикуется «Всепопданнейший доклад кн. Потемкина», составленный 10 августа 1785 года.

Ключевые слова: Князь Г. А. Потёмкин, история Севастополя, 18-й век, публикация.

В. Р. Шадрин, ст. преподаватель

Севастопольский государственный университет

E-mail: Vladimir@Shadrin.info

«СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ ПРИСТАНИЩЕ» КНЯЗЯ Г. А. ПОТЁМКИНА

День 10 августа 1785 года¹ не отмечен в истории особой меткой. Есть сведения о том, что в Париже в этот день был арестован граф Калиостро [13]. В Санкт-Петербурге митрополитом Гавриилом был освящен (существующий и в наши дни) Храм Воскресения Словущего [4]. Великая государыня Екатерина II тем днём была занята составлением письма энциклопедисту Фридриху Мельхиору Гримму, которым сообщала последнему о трудах малолетних Великих Князей Александра и Константина, осваивавших недетское искусство беления стен [1, с. 154].

Вместе с тем, в этот день под пером Светлейшего Князя Григория Александровича Потёмкина появились три доклада Императрице Екатерине II. Два небольших доклада затрагивали вопросы заселения «области Таврической» [7] и способы сокращения издержек на «содержание войск Вашего Императорского Величества» [8]. Третий – «Всепопданнейший доклад кн. Потемкина» [6] – является одним из самых значимых документов истории Севастополя. В докладе подробно изложен *Потёмкинский замысел Севастополя* как военно-морской базы, судостроительного, портового и купеческого города.

Однако, именно этот документ оказался почти не востребуемым исследователями. Тому, несомненно, способствовало общее наше «антимонархическое» забвение большей части XX века, когда истоки обустройства разных уголков большой страны было не особо принято искать за пределами «непролетарской» истории, разве что – в очень далёкой древности.

Ирония судьбы «Всепопданнейшего доклада...» на рубеже XX и XXI веков заключалась в том, что в 1997 году его собственная малая часть (всего семь первых абзацев, являющихся небольшим предисловием к основной части) была представлена как отдельный «Рапорт князя Г. А. Потемкина императрице Екатерине II о строительстве крепостей в Крыму» [2]. Примечательно то, что второе же предложение так называемого «Рапорта...» входило в явное противоречие с его названием: *«Год уже тому, как я имел счастье поднести Вашему императорскому величеству положение о крепостях, какие должны строиться в Тавриде (весь курсив мой – В. Ш.)»* [2, с. 204].

И вот уже около 20-ти лет в современной информационной действительности упомянутый выше «Рапорт...», распространяется на многих электронных страницах [например, 9; 11], так или иначе объявляющих свою причастность к исторической тематике. Более того, «Рапорт...» включают в образовательные коллекции [10] и в книги для любителей истории [5].

Справедливости ради следует отметить, что нам удалось найти публикацию, в которой при упоминании «Всепопданнейшего доклада...» отражалось его истинное содержание. Так «Санкт-Петербургские ведомости» писали 21 марта 2014 года: «В докладе императрице 10 августа 1785 года князь дал обстоятельное стратегическое обоснование выбора места для Севастополя и весьма точно сравнил его с главнейшими военно-морскими базами Средиземноморья: испанским Кадиксом, английским Магоном, французскими Марселем и Тулоном» [12]. Правда, такая характеристика не исчерпывает всего существа доклада, но смысловая направленность цитируемого материала этого и не предполагала.

Само наличие «Рапорта...» в информационном поле имеет, как минимум, два важных следствия. Во-первых, Г. А. Потёмкин выглядит «автором» весьма поверхностного сочинения по вопросам обустройства главных объектов военной инфраструктуры в Крыму. Этого Светлейший Князь явно не заслуживает, особенно с учётом упоминавшейся выше детальной его проработки обстоятельств строительства крепостей в Тавриде. Во-вторых, остаётся «в тени» и вне заслуг Г. А. Потёмкина само создание детального замысла Севастополя.

¹ 21 августа 1785 года – по Григорианскому календарю.

«Всепопданнейший доклад...» [6] был представлен исследователям и широкой публике в 1893 году усилиями Военно-Ученого Комитета Главного Штаба и, прежде всего, экстраординарного академика и Непременного Секретаря Императорской Академии Наук Николая Федоровича Дубровина. «Бумаги Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического» [3] были изданы в трёх выпусках «Сборника военно-исторических материалов» в течение 1893-1895 годов. В это собрание вошли многие сотни документов, вышедших из-под пера Г. А. Потёмкина.

Большая работа по оцифровыванию документов, проводимая в последние годы ведущими библиотеками, открывает перед исследователями новые горизонты. Так и в Государственной публичной исторической библиотеке России с ноября 2015 года появилась в электронно-графическом исполнении вся серия (из 16-ти томов) «Сборника военно-исторических материалов», издаваемого Военно-Ученым Комитетом Главного Штаба с 1892 по 1904 годы. Составной частью серии являются и «Бумаги Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического».

Из изложенных выше обстоятельств сами собой возникают определённые задачи:

- устранение информационного недоразумения, извращающего репутацию Г. А. Потёмкина;
- возвращение в научный оборот значимого документа истории Севастополя;
- привлечение внимания исследователей *ко всему* документу;
- создание возможности приобщения к документу широких читательских кругов.

Надо думать, что лучшим решением этих задач является публикация «Всепопданнейшего доклада...», снабженная соответствующим комментарием. Такая публикация и осуществляется в настоящем материале.

Напомним, «Всепопданнейший доклад...» представляет собой детальную проработку вопроса о создании Севастополя, а вопрос «о крепостях, какие должны строиться в Тавриде» был разработан Г. А. Потёмкиным за год до написания доклада о Севастополе. В самом докладе в качестве введения составлено небольшое сравнительное описание важных особенностей разных мест Тавриды для выстраивания военной инфраструктуры. «Главная и одна только крепость должна быть Севастополь при гавани того же имени [6, с. 121]» – основной тезис вводной части доклада.

За введением следует описание географических особенностей местности, предназначавшейся для будущего города, порта и крепости. Описано также расположение этого важного объекта по отношению к другим стратегическим местам Черноморского бассейна.

Далее Г. А. Потёмкин рассматривает «пользу сего места». Князь отмечает не только выгодные геостратегические особенности города, вместительность бухт, возможности морской торговли, но и указывает на историческую значимость места, «где надобно думать, что наш великий князь Владимир восприял св. крещение» [6, с. 124]. Не ускользнули от внимания Светлейшего и «множество сладкой воды источников, которые ожидают только художественной руки, чтобы быть соединенным в водохранины», и «воздух благорастворенный», и «земля тучная», и то обстоятельство, что «камень для строения находится в самой близости».

Затем приступается «к изъяснению проектированного укрепления». Следует сравнительный анализ достоинств и недостатков приморских крепостей, которые «строятся при конце залива и при входе в оный». Подробное рассмотрение преимуществ и угроз, возникающих непосредственно от размещения укреплений в том или ином прядке, завершается в докладе решением Светлейшего. «И так, рассуждая по сему неудобству мест, многие почитали всякое долговременное от земли в Севастопольском пристанище укрепление невозможным и предлагали только построение батарей для защищения его устья против морских неприятельских сил, оставляя адмиралтейство и запасные для флота магазейны без прикрытия высаженному на берег войску. Но его светлость высокоповелительный г-н фельдмаршал и раз. орд. кав. кн. Гр. Ал. Потемкин, в 784 г. обозревая лично сие пристанище и его окрестности, разрешил сомнение и назначил под крепость место, на котором и проект оный здесь предлагается» [6, с. 126].

Детальное описание устройства крепости, следующее в докладе далее, и составляет оставшуюся большую часть доклада (9 из 14-ти страниц). Здесь намечены и три главные цели построения крепости, и сформулированы одиннадцать правил расположения «крепостных частей», и описаны сами «части», с указанием их наиболее важных размеров. Красной нитью в этом отделе доклада проходят также вопросы надёжного водоснабжения города, обустройства судостроения и судоремонта, частичного самообеспечения военных и горожан. Предусматривается, насколько это возможно, и удобство города для его жителей – «улицы назначены таким образом, чтобы в них крутизна мест сколько можно меньше была чувствительна» [6, с. 133]. К сожалению, упоминающийся в докладе «увеличенный всея крепости чертеж» был утрачен уже к окончанию XIX века:

«Чертежа этого при деле нет [6, с. 133]» – такое примечание сделано в 1893 году в сборнике под редакцией Н. Ф. Дубровина.

Завершается доклад росписью расходов («На построение по сему чертежу потребно денег ... 4.628,474 р. 37¹/₄ к.»), определением сроков («Времени 10 лет») и описанием требуемого людского ресурса («Рабочих солдат, или матросов ... требуется ежедневно до 3000 человек. Мастеровых, как то: каменщиков, плотников и прочих до 500 человек») [6, с. 134].

Для удобства чтения этого доклада (публикуемого ниже полностью) в его тексте был изъят ныне не употребляемый в окончаниях слов твёрдый знак – «ъ», буква «ѣ» была заменена на букву «е», буква «і» – на букву «и», буква «ѳ» – на букву «ф». Никаких других изменений текст не перенёс. Так, в тексте можно встретить и явную нехватку запятой, есть и «эленг» и «эллинг», «искуство» и «искусство», сохранена и опечатка «неприятелькаго» вместо «неприятельскаго». Для погружения читателя в атмосферу старопечатания перед публикуемым докладом и после него размещены фрагменты страниц, содержащие начальные и конечные абзацы доклада (см. рис. 1 на стр. 120 и рис. 2 на стр. 129). Доклад воспроизводится по тексту, включённому в сборник «Бумаги Князя Григория Александровича Потемкина-Таврическаго. 1774–1788 гг.» [6].

Всеподданнѣйшій докладъ кн. Потемкина

10 августа 1785 г.

Всемиловѣйшая Государыня! Годъ уже тому, какъ я имѣлъ счастье поднести Вашему Императорскому Величеству положеніе о крѣпостяхъ, какія должны строиться въ Тавридѣ; тогда же удостоился и Высочайшей апробаціи. Но прежде нежели приступить къ требованію на строеніе оныхъ суммы, приказалъ я г-ну полковнику Корсакову осмотрѣть прилежно всѣ мѣста и подать мнѣ проекты и смѣты. По прилежному обзрѣнію нашлось, что нужнѣйшія мѣста къ укрѣпленію въ Тавридѣ суть слѣдующія:

Главная и одна только крѣпость должна быть Севастополь при гавани того же имени, которой описаніе и смѣты у сего прилагаются.

Рис. 1. Фрагмент начальной страницы «Всеподданнейшего доклада кн. Потемкина» [6, с. 121]

Всеподданнейшій доклад кн. Потемкина

10 августа 1785 г.

Всемиловѣйшая Государыня! Год уже тому, как я имел счастье поднести Вашему Императорскому Величеству положение о крепостях, какія должны строиться в Тавриде; тогда же удостоился и Высочайшей апробации. Но прежде нежели приступить к требованию на строение оных суммы, приказал я г-ну полковнику Корсакову осмотреть прилежно все места и подать мне проекты и сметы. По прилежному обзрению нашлось, что нужнейшія места к укреплению в Тавриде суть следующие:

Главная и одна только крепость должна быть Севастополь при гавани того же имени, которой описание и сметы у сего прилагаются.

Если Вашему Императорскому Величеству угодно сие место укрепить и выстроить сходственно с его знаменитостью, то оно должно быть таковое; ежели ж выстроить только одно Адмиралтейство без укреплений, в таком случае сумма потребуеть меньшая.

Прочія места, Козлов, что ныне Евпаторія, где обновить только старый замокъ с небольшим наружным укрѣплением, также и у Сербулата построить замокъ.

В Феодосии возобновить строение городское, и приморскую сторону оградить батареями.

У пролива Еникальского полагалась прежде крепость, но ныне найдена ненужною для того, что по широте пролива проходу судов неприятельских препятствовать не можно. Ради удержания десантов и верности сообщения с Таманом сделать у Павловской батареи небольшое, но прочное укрепление.

Что же касается до Тамана, то по осмотре границы, соединяющейся с Кавказскою линиею, можно будет сделать положение.

Севастопольское пристанище (Навре) лежит на западном берегу Херсона—Таврического на 45 степени широты, и около 52 степеней долготы; разстоянием от Кинбурга 250, Козлова 60, Балаклавы сухим путем 15, Адды, или Березани 270, Акермана 300, Килии, или Дунайского устья 350, а от Константинопольского пролива 560 верст.

Длина его главного залива, от запада к востоку простирающагося, $5\frac{1}{2}$ верст, посредственная ширина 600, а глубина воды от 3 до 11 сажен.

На нижней стороне сего главного находятся другие меньшей величины заливы, из коих ближайший к морю Артиллерийский, длиною 330, шириною 60 и глубиною воды от 3 до 8 сажен.

Затем следует называемый Большой залив, коего длина около 3-х верст, ширина 180, а глубина от 3 до 10 сажен.

Он со всех сторон окружен высокими горами и в разсуждении его пространства, глубины и способного якорям грунта есть наизнатнейший. К сему заливу присоединен Госпитальный, имеющий длины 390, ширины 150, а глубины от 3 до 9 сажен. Далее на восток по тому же южному берегу находится Хотинский залив длиною 300, шириною 150 и глубиною от 3 до 7 сажен, который тем особливаго примечания достоин, что при левом его берегу случилась низкая и ровная скала, к которой военные суда почти прикосновенно могут причаливать и которая имеет от природы все свойства килен-банка, почему и остается только на поверхности оной поставить машины, кои для исправления сею починкою кораблей и фрегатов употребляются. — При самом окончании главного залива впадает в оный речка Инкер и в близости праваго ея берега, на высокой каменной горе видны развалины города Инкермана. Сия речка наносит ил, от чего залив при устье ея мелок и отчасти болотист.

На северном берегу главного залива находятся 4 губы: первая, начиная от речки Инкер, имеет длины 80, ширины 100, глубины 1 сажень; 2-я — длины 130, ширины 150, глубины $1\frac{1}{2}$ сажени; 3-я — длины 120, ширины 120, глубины $1\frac{1}{2}$ сажени; 4-я — длины 100, ширины 100, глубины 2 сажени. Но все оне кроме малой глубины вод своих, имея отмелистые берега, могут служить для малых только судов.

Проход Севастопольскаго пристанища шириною 450 саж. обращен на запад и находится между двух мысов, на которых построенны батареи служат ему ныне обороною.

Разсматривая пользу сего места, находим мы, что по близкому его к турецким берегам положению, оно весьма способно содержать в страхе все прилежащая селения, прикрывать наши торги и подвозы, идущие от устья Днепровскаго (лимана) и Азовскаго моря, тревожить купеческия неприятельския суда по всему Черному морю и самые его военные флоты встречать можно почти при самом их выступлении из Константинопольскаго пролива.

Сие пристанище вместить может самые многочисленныя флоты, ибо там поверхность главного и меньших заливов, выключая мелководныя по северному берегу губы, имеет больше полутора милиона квад. саж. Полагая пространство длиною и шириною по 100 саж. для каждаго военнаго корабля и фрегата, выходит, что 150 больших судов в сем пристанище весьма просторно на якоре стоять могут, к чему так-же глинистое его

и иловатое дно весьма способствует; нет там нигде опасных под водою камней, о которые суда повредиться могут. Меньшие заливы служат защищением от проходных чрез длину его ветров, а от прочих прикосновенныя горы его совершенно закрывают в оврагах. Между сими горами находится множество сладкой воды источников, которые ожидают только художественной руки, чтобы быть соединенным в водохраны, для довольствия и запаса судов военных.

Воздух в сем месте благорастворенный и жаркие летние дни прохлаждаются морскими ветрами; земля в окрестностях тучная, как и во всем пространстве Таврической области; камень для строения находится в самой близости, так-же и в лесе, для сожжения извести, кирпича и черепицы недостатку быть не может.

Суда в сие пристанище входить могут 16 румбами, хотя по строгости правил и следовало-бы для входа оных таких румбов иметь до 24, но сие награждается шириною, которая позади мысов заключающих проход простирается до 700 сажень и в которой кажется корабли могут лавируя выходить в море, не взирая на противный ветер.

От сего места на север до самага Козлова морской берег несколько загнулся губою, отмелист и прикрытия судам не имеет; в самую Козловскую пристань входить могут только купеческия средней величины суда. Но на запад до Балаклавы есть многие заливы, в которых довольно глубины, не только для купеческих, но и для военных больших судов, и которые тем паче заметить следует, что в случае изнеможения сил наших, неприятельский флот в них сыскать может от наступающей бури защиту, без чего бы он принужден был возвратиться в свои пристани и удалиться от берегов наших. Ближайший из оных к Севастополю залив есть Херсонесский, получивший себе звание от города Херсона, где надобно думать, что наш великий князь Владимир восприял св. крещение. Развалины сего города и по ныне видны на западном берегу сего залива, который был его пристанью и который имеет длины 800, ширины 130, глубины от 2 до 10 саж.

По другую сторону древняго Херсонеса прилегала губа, коей длина 160, ширина 130, глубина до 4¹/₂ саж.; за оною находится еще три залива: 1-й имеет длины 1000, ширины 340, глубины от 3 до 12 сажень; 2-й, длины 430, ширины 350, глубины до 4¹/₂ саж.; 3-й, который состоит из двух соединенных заливов, одного из них длина 1400, ширина 550, глубина от 3 до 11; другого длина 1300, ширина 500, глубина от 3 до 13 саж. Все сии заливы на 9 верстах от Севастополя, но далее по окружности Херсонескаго мыса, или маяка и Георгиевскаго монастыря до самой Балаклавы, на разстоянии 19 верст, берега крутые и каменистые. Почему суда, не подвергнув себя опасности, к оным приблизиться не могут.

Предложенное о Севастопольском пристанище и о близких к нему заливах служит приступом к изъяснению проектированного там укрепления.

Приморския крепости, какова быть имеет Севастопольская, строятся при конце залива и при входе в оный; к первому роду принадлежит Марсель и Тулон, к последнему Магон и Кадикс. То и другое положение имеет свои выгоды: в конце залива крепость более безопасна от бомб неприятельскаго флота, но сие в таком случае, когда проход в залив защищен будет чрез отдаленные замки, которые неминуемо должны быть от главного укрепления на не малом разстоянии и потому во время притеснения вспомогательным отрядам к ним путь бывает труден, а иногда и совсем пересечен, от чего там воин, не видя себе ни откуда спасения, приходит в отчаяние и нередко сдается неприятелю, не истощив всех способов последней обороны.

Когда же неприятель завладеет такими замками, то, поставя в них свою стражу, лишает главную крепость всех способов получить с морской стороны себе помощь и тогда флот свой употребить он может и войска против других приморских мест.

Крепости, построенныя при самом отверстии заливов, хотя больше открыты действию бомбардирских судов, но все их отделенные замки могут быть под обороною главного укрепления, из котораго они получают в случае сильнаго притеснения помощные отряды. То хотя бы неприятель завладел таким замком, прошел в залив, то все еще он не может

назваться спокойным обладателем онаго, ни запереть главной крепости с морем сообщения, ниже употребить свой флот для новых поисков, потому что крепость, находясь на одном из берегов прохода, в залив стрелять может, и с морем сообщение иметь будет, как скоро он от туда удалит свои силы. При всем этом, назначение крепости при входе, или в конце залива большею частию зависит от выгод местоположения, ибо есть такие места, которые почти укреплены от самой природы и требуют только малаго труда рук человеческих, чтоб быть в состоянии противиться чрез долгое время наступлению неприятельской силы; другия, напротив того, ни чрез великия изживения, ни чрез время и пот многих тысячъ людей не можно привести в оборонительное состояние.

Сего последнего свойства невыгодная при Севастополе натура представляет великую трудность в назначении там под крепость места, хотя рассматривая чертеж и кажется, что оной положение наилучше при заливе, называемом Большой, или при Хотинском быть может потому, что там действительно наиболее для судов способности. Но пришед на самыя места и обзрев сих заливов окрестности найдем, что при первом надобно-бы было захватить всю длину его, которая содержит около 3 верст, от чего-б крепость вышла необъятной окружности; а при том горы, на коих сему укреплению быть следует, остаются еще под властью (*sous le commandement*) других к оным прилежащих. Чрез глубокие там овраги очень трудно, и почти невозможно соединить части крепостныя и так защитить себя, чтоб не открыть тылу некоторых линий и самой внутренности залива прямолинейному действию неприятельских орудий. К сему надобно прибавить, что работа там будет не в рыхлой земле, но везде в слоях плитных и каменных.

Хотинский залив окружен столь высокими каменными крутизнами, что на поверхность оных и по сделанной стезе без великаго труда взойти невозможно, а взошед туда, представляются в близости другия висящия над головою горы, которыя лишают надежды, чтобы там искусством устроить долговременное прикрытие. В самом окончании главного залива, где в него впадает речка Инкер, кроме вышереченных естественных для укрепления неудобностей, предстоит еще недостаточная для плаванья больших судов глубина. — Губы по северному берегу мелки и маловажны; если заложить там крепость, то лучшая для спокойствия военных судов места останутся на противной стороне, а притом все заливы, которые находятся по морскому берегу от древняго Херсонеса к Балаклаве будут удалены и батареи, которыя там для недопущения неприятельскаго флота построить нужно, не могут иметь с главною крепостью свободнаго сообщения.

И так, рассуждая по сему неудобству мест, многие почитали всякое долговременное от земли в Севастопольском пристанище укрепление невозможным и предлагали только построение батарей для защищения его устья против морских неприятельских сил, оставляя адмиралтейство и запасные для флота магазейны без прикрытия высаженному на берег войску. Но его светлость высокоповелительный г-н фельдмаршал и раз. орд. кав. кн. Гр. Ал. Потемкин, в 784 г. обзревая лично сие пристанище и его окрестности, разрешил сомнение и назначил под крепость место, на котором и проект оная здесь предлагается.

Сие место, находясь при самом устье главного залива, имеет довольно ровную поверхность, которая с трех сторон, т. е. от востока и запада, окружается водою и каменными утесами к заливу; она имеет пологость и на низком ея берегу быть могут для строения корабельные доки или элengi. Начальствующия крепостными линиями высоты, от коих закрыться было невозможно, отстоят все далее, нежели на пушечный выстрел. — При сочинении проекта крепости предполагаются следующие три главные предмета:

1) Чтоб устье Севастопольскаго пристанища защитить сильным огнем и в то же время закрыть сколько можно соседственные к нему заливы.

2) Стенами сего укрепления оградить морские магазейны и доки для строения и починки кораблей.

3) Сие место должно быть столь сильно укреплено, что хотяб неприятель, и высадив на берег превосходныя силы, облег крепость с земли и моря, то бы она находилась

в состоянии его нападения противиться, доколе из других пределов России не прибудет к ней помощного войска.

В разсуждении первого для лучшей обороны прохода в пристанище полагается от южного при оном мыса построить каменную плотину (mole) на глубине от $1\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$, длиною в 150 саж. и наконец оной замок о двух рядах пушек, чтоб нижними очищать морскую поверхность, а верхними вредить неприятелю, на дальнем разстоянии. Противу сей плотины на северном мысу построить другой замок, коего батареи к морю будут также о двух рядах пушек. Разстояния между сими замками для проходу в пристанище останется тогда только 300 саж. И так замки будут себя защищать взаимно и оборонять пристань перекрестными выстрелами. А как от северного мыса на запад протягивается далеко в море мель, то корабли, которые бы покусились ворваться между сими замками в пристанище, должны еще будут проходить под пушечными выстрелами той части главной крепости, которая лежит к Черному морю.

Другой предмет сей плотины, чтоб закрыть адмиралтейство и его пристани от волнения западного ветра. При сей плотине полагается построить фарос, или светильник для показания пути кораблям в ночное время.

Из построенных в новейшее время таких светильников великолепнейшим почитается Кордуанский, что находится при устье реки Гороны, котораго основание в поперечнике 10 и высота 22 тоаз; но как он не может иметь ни малейшаго сравнения с тем, что был некогда воздвигнут при Александрийском пристанище, котораго четверостороннее основание имело сбоку 104, а высоты своей башни 75 тоазов, огонь его был виден с моря на разстоянии 84 верст. Место для светильника назначается при плотине на скале ближайшаго к крепости мыса, потому что оттуда лучи его под большим углом устремятся на морскую поверхность и, отражаясь от близкаго морскаго строения и гор, удобнее осветить могут путь судам при входе в пристань; а наконец, для того, что в сем месте башня его от неприятельской стрельбы будет совершенно закрыта.

На случившихся в море близ крепости мелких местах предполагается построить два замка, один из них будет защищать Херсонесский залив и оба служить к тому, чтоб не допустить близко судов бомбардирских, от действия их закрыть крепость, и ежели бы неприятельский флот предпринял ворваться в Севастопольское пристанище, то он проходить должен для выше сказанных причин в самой от них близости и подвергнуть себя всему огню их орудий. Доки для строения и починки кораблей назначены на низменном и прикосновенном к заливу месте, где они удалением своим от противного берега и крепостным валом будут довольно закрыты от неприятельской прямолинейной стрельбы. Они должны быть совсем отменны от Кронштадтских, кои вырыты столь низко для того, чтоб пущенная в них с моря вода имела довольно глубины, и чтобы проводимый туда для починки корабль мог сплыть. По произведении сего действия запирают в доке ворота и пущенную с моря воду выливают обратно машиною. В Севастополе напротив основания сего дока, в который корабли для починки вводятся имеют, будут на равне, или несколько выше морской поверхности. От сего основания должен быть до пристани канал, длиною, шириною и глубиною воды не больше того, сколько требует для вмещения корабля, и в нижнем конце сего канала створчатые ворота, которые по вмещении в канал корабля запираются, чтоб чрез сие пресечь сообщение воды его с морем. Из водохранилов, лежащих на вышнем горизонте, отворят окна, чрез которые вода наполнит и канал и док до такой высоты, чтобы корабль в сей последний войти мог. По учинении сего, окна при водохране запрут, а вместо их отворят те, что сделаны из канала в море; налитая вода вытечет по собственной своей тяжести и корабль, будучи в доке, останется на суше. Поспешность сего действия зависит от величины окон, сквозь которые вода в док пропускается, и тех, которыми она в море вытекает. Нужное на сие время уменьшить до 12 часов; количество же воды, потребное для сего действия, не превосходит 1400 куб. саж.

Преимущество сих доков пред Кронштадтскими состоит в том, что в них нет нужды

воду выливать машинами, которых сооружение и содержание в Тавриде было бы очень дорого, и что корабли в них могут быть вводимы несравненно поспешнее. Водохрани в Севастополе нужны не только для наполнения доков, но сверх сего, они необходимы для довольствия и запаса на случай осады тамошняго городского войска и жителей пресною водою, которая почти во все города Таврической области проведена труба от находящихся в окрестностях ключей, не взирая на то, что многие из сих городов лежат при реках, ибо сии речки при малом в горах дожде, в разсуждении своего крутого падения и тучных берегов, несут мутную и нездоровую воду.

При Ениколе водоем находится за несколько верст от города; вода из онаго течет подземельно трубами и наполняет запасные для городского войска водохранины. В окрестностях Севастополя хотя не весьма в близком разстоянии, однако находится весьма множество ключей и источников, которые, проведены будучи в крепость, наполняют там водохранины. Тогда неприятель хотя бы и пресек водовод, однако чрез сие он не может принудить сии места к преждевременной сдаче. Положим, чтобы число жителей и городского войска в Севастополе простиралось до 20,000 человек и что на каждого из оных потребно было по одному кубическому футу. Время осады 3 месяца или 90 дней, то запасные водохранины должны содержать до 6,000 куб. саж. воды. Положим еще, что корабли будут в док вводиться в месяц по однажды; тогда водохранины для оных должны вмещать от 3-х до 4,000 куб. саж. Для всех сих потребностей надлежит входить в город в 24 часа до 100 тысяч куб. фут. воды; к сему можно прибавить 50 тысяч на утечку и непредвидимые случаи; и так всего будет 150 тысяч. Ширина водовода для сего количества должна быть три фута, и высота от низа до ключевого камня 5 фут. Воду для наполнения корабельных доков содержать можно во рвах на той стороне крепости, которая лежит к Артиллерийскому заливу, где также в береге быть могут построены лесные магазейны; места же канатным, парусным и проч. для вооружения флота припасам, назначаются близ адмиралтейства внутри крепости. В случае чрезвычайной надобности, корабельное строение производиться может не только в крепости, но и в разных местах при главном и меньших заливах, ибо, как выше сказано, находятся пологие и способные для эллингов берега. Лес и прочие для строения припасы из главных магазейнов туда доставлять можно водою.

Для изъяснения положеннаго от земли укрепления прилагается здесь увеличенный всяя крепости чертеж ¹⁾, на котором назначены все приближенные горы и лощины, с показанием высоты мест от морской поверхности. Из сего чертежа видеть можно, что пологость, захваченная под крепость, поднимаясь на полдень, при главном там вале имеет высоты от водяного горизонта 153 фута, а в 400-х саж. далее от сего места находится самый верх горы, высотой до 186 фут. Другая на сей же стороне при большом заливе гора имеет высоты от 186 до 192 футов. Разстоянием она от крепостнаго вала в 560 саж. Кроме сих двух, прочия все на сем берегу пристанища горы крепостнаго горизонта не превышают, а есть несколько глубоких лощин, под прикрытием которых неприятель к укреплению может приближаться; одна из них на восточной стороне при Артиллерийском заливе, а две на западной и кончаются у Херсонесскаго. Пологость к Большому заливу также закрывается отчасти острым хребтом горы, но она удалена и неприятель, под защищением ея, к укреплению близко подойти не может. Приступая к изъяснению крепостных частей, не бесполезно упомянуть о правилах, которым следовали при расположении оных.

1-е) В разстоянии пушечнаго от крепости выстрела не должно оставлять никакого неприятелю закрытия и выгоды.

2-е) Укрепление располагать следует не столько по образцу (*maniere*) какого нибудь писателя, а больше по свойству места, искусству и силе неприятеля, противу котораго оно строится.

3-е) Все крепостныя линии должны одна другую оборонять ружейным огнем, и чтобы при них там не было мертвых углов.

¹⁾ Чертежа этого при деле нет.

4-е) Обороняющая линия должна быть равносильна обороняемой.

5-е) Оборона должна быть сколько можно перпендикулярная, а не прицельная.

6-е) В крепостных частях должны быть закрытия не только от прямолинейных, но и от навесных выстрелов, как то: бомб, гранат и рикошета.

7-е) Не ту крепость почитать должно регулярною, у которой все углы и линии одного звания равны, но ту, у которой все места, подверженные неприятельскому нападению, равносильны.

8-е) Не та крепость сильнее, при которой больше наружных пристроек, но та, для завладения которой сам неприятель должен производить строения, потому что несравненно больше времени требуется чтонибудь построить, нежели построенное разорить.

9-е) Число наружных пристроек должно определять местоположение: на равном более двух не требуется, одни для прикрытия главного вала, а другие для прикрытия между ими сообщения.

10-е) Наружные пристройки должны быть такого свойства, чтоб неприятель по завладении оными не мог найти себе большой пользы.

11-е) Все отдельные укрепления, которые от главного отстоят далее пушечного выстрела, больше неприятелю, нежели крепости, полезны.

Длину ружейного выстрела французские писатели определяют от 120 до 150 тоазов, но ни наши, ни их солдат ружья в цель далее 70, или 75 саж. или до 225 шагов стрелять не могут. Соразмерно сему выстрелу взят и Севастопольского укрепления полигон, который вышел гораздо меньше определенного г.г. Вобаном и Кегорном, ибо у первого линия обороны 150, а у последнего 180 тоазов, так что в образцах сих писателей части главного строения под пушечную оборону находятся, а под ружейную почти только один покрытый путь и отсыпь (glacis); сие, может быть, было из главных причин, что почти все во Фландрии крепости, видя неприятеля на своем покрытом пути, не могли долее противиться. Чтобы у неприятеля отнять выгоду, которую он иметь может от близких к крепостному строению гор, валганг противулежащих оным полигонов возвысить следует до 28 фут. и на нем сделать бруствер в 7 фут., всего будет 35 фут.; что, если приложить к 153 фут. высоты горизонта при основании вала, то составит 188 фут., следовательно ближайшая гора в 186 фут. будет двумя футами ниже крепостных выстрелов, а дальняя в 192 фут. не превзойдет их более, как 4; но от сего крепость не будет подвержена наклоненной стрельбе, для которой по правилам военной архитектуры надлежало бы ей быть ниже 9 фут.; притом сей хребет от крепости отстоит далее, нежели на пушечный выстрел.

Но как крепость расположена по наклонности к морю, то чем строение ее далее от сего полигона, тем они от гор будут больше закрыты, и главный вал от пристани подниматься должен бонетами, при строении которых инженер должен употребить все свое искусство, чтобы на возвышенных местах не открыть своего неприятелю тыла. Для закрытия главного вала в полигонах, горах противуположных, назначены полумесяцы (demi-lune) и контргарды; фланки же во всех к земли полигонах защищены большими орлионами и имеют в себе казематы для горизонтальной рва обороны и безопасности солдат от навесных выстрелов. В сем последнем виде на покрытом пути противу гор положены капониры, или реданты, у которых под валгангом находятся своды для защищения там людей; на фасах отсыпи и наружных пристроек, от рикошетных выстрелов весьма полезно употреблять начиненные туры, в поперечнике от 6 до 7 фут. Они начинены быть могут шерстью, или, за неимением оной, фашинами и слабому действию рикошетных ядер совершенно могут противиться и защищать людей и орудия не меньше траверзов г. Вобана, пред коими они тем преимуществуют, что не отнимают силы линий и могут способно перекачиваться на те места, противу которых неприятель наметит рикошетные батареи, и если принуждено будет оставить ту линию, на которой такие туры находятся, то их пред отступлением можно зажечь. Следовательно, они не послужат неприятелю в пользу, как траверзы, за которыми он находит готовое закрытие. По хребту горы, что идет

от крепости, расположена большая стрела (Fleche) с тем намерением, чтоб принудить неприятеля начать свои траншеи далее от сего места и умножить его работы.

Под сию стрелу и все прочия, о которых говорить будем, и под самую отсыпь в пристойных местах должно подвести подкопы, к чему грунт Севастополя весьма удобен, ибо сие лишит неприятеля закрытия, которое бы по завладении стрел себе он иметь мог, а притом для безопасности от подкопов он будет принужден в своей стороне производить разные работы.

Высота контргарда и полумесяцев от нагорной стороны должна быть равна высоте главного вала, а валганг их везде на ширине как сколько надобно для пушек с корабельными станками, ибо тогда неприятелю по завладении сими пристройками не останется там довольно места для заложения батарей противу крепости. Внутренняя крутости (contre-escarpes) как наружных пристроек, так и покрытого пути весьма полезно, в противность подражания г. Вобану, сделать отлогие, или ступенями; ибо неприятель, выгнав осажденных с наружной пристройки, или покрытого пути, посылает туда в малом числе рабочих людей для сделания себе гнездищ (logement), которые там бывают для крутой высоты контрэскарпа г. Вобана столь же безопасны, как в цитадели. Напротив сего по отлогому внутреннему скату осажденные имеют удобность напасть на сих рабочих широким строем и, выгнав их, паки завладеть пристройкою, а чрез то принудить неприятеля к новому приступу. От Артиллерийского и Херсонесского заливов в контргардах надобности не предвидится, потому что, в разсуждении глубины лощин, главное там строение довольно закрыто гребнем отсыпи (crete du glacis); притом нечаятельно, чтоб неприятель на сии стороны сделал нападение. А полумесяцы там при нескольких полигонах оставлены для умножения огня против нагорных мест и для лучшего закрытия флангов, которые хранить очень нужно, чтобы неприятель их не разорил прежде, нежели ему чрез главный ров переходить будет надобно; прочия стрелы расположены по отлогости отсыпи вокруг крепости в том намерении, чтоб защищать подол горы и лощины. Оне не должны по скату быть построены ни очень низко, ниже очень высоко, потому что в первом случае внутренность их откроется неприятелю, занявшему высокия места, в последнем оне для обороны не будут способны. По положению сих стрел видно, что оне друг друга взаимно защищают и неприятель не может ни к которой из оных иначе приблизиться, как проходя под огнем всех прочих. С покрытою дорогою они имеют подземельное сообщение, которое запирается тройными воротами и когда неприятель одною из сих стрел завладеет, то выгнать его скоро можно ручными гранатами, бомбами и начиненными бочками, которые все с гребня отсыпи по своей собственной тяжести катиться должны в занятую им стрелу. Когда же он, не взирая на сие, будет еще настоять в своем предприятии то запаленные подкопы поднимут его на воздух со всем строением, не оставя там никакой защиты кроме обгоревших развалин.

Главные ворота в крепости с сухаго пути назначены только двое: одни от юга по хребту горы, а другая на запад к Херсонесскому заливу. В прочих местах скаты столь круты, что тяжелые повозки на гору подниматься не могут, и для сего там будут только выходы для сообщения с наружными пристройками каждого полигона.

Солдатския жилища расположены подле главного вала, а пороховыя погреба в гортанях (gorges) бастионов.

Улицы назначены таким образом, чтобы в них крутизна мест сколько можно меньше была чувствительна. Три площади служат сборными местами для военных людей. Перед круглою положен водохрани для запасной на время осады воды. А сверх сего и во всех обывательских домах должно иметь систерны, которыя будут наполняться или дождевою водою, или из водохрани. Нижняя часть крепости оставляется для адмиралтейства и его магазинов, начальников, служителей и мастеровых людей; матросы, на корабли распределенные, могут иметь свои жилища при берегах главного и меньших заливов, дабы они на всякое время были в близости судов своих.

На построение по сему чертежу потребно денег:

На окружное крепостное строение	1.504,396 р. 60 к.
На внутреннее, как то: жилища для военных людей и для начальников, пороховые погреба, адмиралтейство, доки, разнаго рода запасные магазины, водохранины, церкви и главные ворота	2.404,458 „
На каменную плотину (mole) и четыре замка, из коих в море три, на берегу один	719,620 р. 74 ¹ / ₄ к.
Всего	4.628,474 р. 37 ¹ / ₄ к.

Времени 10 лет, из которых первый год употребится на приготовление к работе и доставление нужных припасов.

Рабочих солдат, или матросов, чтобы все строения совершить в положенное время; требуется ежедневно до 3000 человек.

Мастеровых, как то: каменщиков, плотников и прочих до 500 человек.

На построение по сему чертежу потребно денег:

На окружное крѣпостное строение	1.504,396 р. 60 к.
На внутреннее, какъ то: жилища для воен- ныхъ людей и для начальниковъ, пороховые погреба, адмиралтейство, доки, разнаго рода за- пасные магазины, водохранины, церкви и главные ворота	2.404,458 „
На каменную плотину (mole) и четыре замка, изъ коихъ въ морѣ три, на берегу одинъ	719,620 р. 74 ¹ / ₄ к.
Всего	4.628,474 р. 37 ¹ / ₄ к.

Времени 10 лѣтъ, изъ которыхъ первый годъ употребится на приго-
товление къ работѣ и доставленіе нужныхъ припасовъ.

Рабочихъ солдатъ, или матросовъ, чтобы всѣ строенія совершить
въ положенное время, требуется ежедневно до 3000 человѣкъ.

Мастеровыхъ, какъ то: каменщиковъ, плотниковъ и прочихъ до
500 человѣкъ.

Рис. 2. Фрагмент конечной страницы «Всепоподданнейшего доклада кн. Потемкина» [6, с. 134]

Список литературы

1. Балязин, В. Н. Тайны дома Романовых / В. Н. Балязин. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2010. — 447 с.
2. Болотина, Н. Ю. «Главная крепость должна быть Севастополь». Документы о создании базы Черноморского флота. 1784–1793 гг. / Н. Ю. Болотина // Исторический архив. — 1997. — № 2. — С. 201–213.
3. Бумаги Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического / Воен.-Учен. Ком. Гл. Штаба ; [под ред. акад. Н. Ф. Дубровина]. — СПб., 1893–1895. — 3 т. — (Сб. воен.-ист. материалов ;

Вып. 6–8) // Электронная библиотека ГПИБ : сайт. — URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/22218-bumagi-knyazu-grigoriya-aleksandrovicha-potemkina-tavricheskogo-spb-1893-1895-sb-voen-ist-materialov-vyp-6-8> (дата обращения: 5.02.2016).

4. История храма // Храм Воскресения Словущего : сайт. — URL: <http://slovushi.ru> (дата обращения: 5.02.2016).

5. Матушка Екатерина : 1760–1770-е гг. / Сост. М. Н. Смыр ; [В. Волков и др.]. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 256 с. — (Россия – путь сквозь века).

6. [Потёмкин, Г. А.] Всеподданнейший доклад кн. Потемкина. 10 августа 1785 г. / Г. А. Потёмкин // Бумаги Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического : 1774–1788 гг. / Воен.-Учен. Ком. Гл. Штаба ; [под ред. акад. Н. Ф. Дубровина]. — СПб. : Военная Типография, 1893. — С. 121–134. — (Сб. воен.-ист. материалов ; Вып. 6).

7. [Потёмкин, Г. А.] Всеподданнейший доклад князя Потемкина. 10 августа 1785 г. / Г. А. Потёмкин // Бумаги Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического : 1774–1788 гг. / Воен.-Учен. Ком. Гл. Штаба ; [под ред. акад. Н. Ф. Дубровина]. — СПб. : Военная Типография, 1893. — С. 119–120. — (Сб. воен.-ист. материалов ; Вып. 6).

8. [Потёмкин, Г. А.] Всеподданнейший доклад князя Потемкина. 10 августа 1785 г. / Г. А. Потёмкин // Бумаги Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического : 1774–1788 гг. / Воен.-Учен. Ком. Гл. Штаба ; [под ред. акад. Н. Ф. Дубровина]. — СПб. : Военная Типография, 1893. — С. 134–135. — (Сб. воен.-ист. материалов ; Вып. 6).

9. Рапорт князя Г. А. Потемкина императрице Екатерине II о строительстве крепостей в Крыму // Екатерина II Великая : сайт. — URL: <http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/dokumenty/raport-potemkina-o-stroitelstve-krepostej-v-krymu.htm> (дата обращения: 5.02.2016).

10. Рапорт князя Г. А. Потемкина императрице Екатерине II о строительстве крепостей в Крыму // Российский общеобразовательный портал : Дошкольное образование, начальная школа, учеба в гимназии, лицее, колледже, образовательный досуг, Дистанционное обучение – Russian education portal : сайт. — URL: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=14951&cat_ob_no=13038 (дата обращения: 5.02.2016).

11. Рапорт князя Г. А. Потемкина императрице Екатерине II о строительстве крепостей в Крыму // Электронная энциклопедия и библиотека Руниверс : сайт. - URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147114&PORTAL_ID=7145&SECTION_ID=6362 (дата обращения: 5.02.2016).

12. Соловьев, А. Петербург Таврический / Александр Соловьев // Санкт-Петербургские ведомости : сайт. — URL: http://old.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10306517@SV_Articles (дата обращения: 5.02.2016).

13. Франция. История с ожерельем (8 декабря 2002) // Вокруг света – первый познавательный портал : сайт. — URL: <http://www.vokrugsveta.ru/tv/vs/cast/529/> (дата обращения: 12.02.2016).

Статья поступила в редакцию 10.03.2016

Shadrin, V. R. Sevastopol: Conception and Creation of Prince G. A. Potemkin

Followed by its publication and an attempt to increase its scientific appeal, an important document in the history of Sevastopol, Prince Potemkin's Report to Her Imperial Majesty, dated August 10, 1785, has been analyzed.

Keywords: Prince G. A. Potemkin, history of Sevastopol, 18th century, the publication.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 2-3

2016

Под общей редакцией *Е. Б. Алтабаевой и Е. Н. Максимовой*

Редактор англ. яз. – *А. С. Свистунов*

Составление, верстка, оригинал-макет – *В. Р. Шадрин*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13, каб. 3.7

E-mail: iorbook@sevsu.ru

URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 23.03.2016. Формат 60×84/8. Заказ № 288/16.

Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 11,38. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7